

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 21 УПРАВЛЕНИЕ
(ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО)

№ 4 • 2020 • ОКТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Отраслевое управление

- Петрунин Ю.Ю.* Оценка реформы управления советским футболом 1959 г. 3
- Сидорова А.А.* Высшее образование в цифровой экономике: перспективы применения блокчейн-технологий. 31
- Шайгарданова В.Ю., Шайгарданов Ю.З.* Индустрия туризма и гостеприимства России в условиях развития цифровой экономики. 48

Государственное управление за рубежом

- Наумов А.О., Демин Д.В.* К вопросу о причинах «цветных революций»: взгляд из России и из-за рубежа. 66
- Турунок С.Г.* Кризис институционального доверия как симптом глубоко разделенного сообщества (на примере США) 82

Стратегия цифровой экономики

- Парфенов Д.А.* Развитие механизма обеспечения экономической безопасности в РФ в условиях цифровизации 106

Публикация документов

- Лексин И.В.* К юбилею института президентства в России. 123

CONTENTS

Industry management

<i>Petrinin Yu.Yu.</i> Evaluation of the 1959 Soviet Football Management Reform	3
<i>Sidorova A.A.</i> Higher Education in the Digital Economy: Prospects for the Application of Blockchain Technologies	31
<i>Shaigardanova V.Yu., Shaigardanov Yu.Z.</i> The Tourism and Hospitality Industry in Russia in the Context of the Development of the Digital Economy	48

Public administration abroad

<i>Naumov A.O., Demin D.V.</i> To the Question of the Causes of the “Color Revolutions”: a View from Russia and from Abroad	66
<i>Turonok S.G.</i> Institutional Trust Crisis as a Symptom of a Deeply Divided Community (The Case of the United States)	82

Digital Economy Strategy

<i>Parfenov D.A.</i> Development of a Mechanism for Ensuring Economic Security in the Russian Federation in the Context of Digitalization	106
---	-----

Publication of documents

<i>Leksin I.V.</i> On the Anniversary of the Institute of the Presidency in Russia	123
--	-----

ОТРАСЛЕВОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Ю.Ю. Петрунин*

ОЦЕНКА РЕФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ СОВЕТСКИМ ФУТБОЛОМ 1959 ГОДА

В статье анализируются причины и результаты реформы управления советского футбола 1959 г. Внимание сосредоточено на конкретных организационных мерах реформирования национального первенства. Использование эконометрических моделей, построенных на опыте советского футбола 1960–1990 гг., показало, что нововведения носили, в основном, положительный характер и стали одной из причин успехов сборной СССР в первой половине 1960-х гг. Неудачи советской команды в 1970-х гг. во многом обусловлены отказом от принципов реформы. Применение методов искусственного интеллекта подтвердило выводы эконометрического анализа, и позволило надежно оценить международные результаты советского футбола во второй половине 1950-х гг., влекущие необходимость реформы.

Ключевые слова: история советского футбола, эпоха Хрущева, реформа управления советским футболом 1959 г., междисциплинарный подход, эконометрика, искусственный интеллект.

The article analyzes the reasons and results of the management reform of Soviet football in 1959. Attention is focused on specific organizational measures for reforming the national championship. The use of econometric models based on the experience of Soviet football in 1960–1990 showed that the innovations were mostly positive and became one of the reasons for the success of the USSR national team in the first half of the 1960s, as well as a rollback from the principles of reform — the failures of the Soviet team in the 1970s. The use of artificial intelligence methods confirmed the conclusions of econometric analysis, and made it possible to reliably assess the international results of Soviet football in the second half of the 1950s, leading to the need for reform.

Keywords: history of Soviet football, Khrushchev's era, Soviet football governance reform in 1959, interdisciplinary approach, econometrics, artificial intelligence.

* Петрунин Юрий Юрьевич — доктор философских наук, профессор, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: petrunin@sra.msu.ru

Спорт в целом и футбол в частности играл в СССР важную, хотя и не первостепенную роль в жизни страны¹. В Программе КПСС, принятой XXII съездом КПСС в 1961 г., спорт упоминается пять раз в самом позитивном смысле как неотъемлемая часть социалистического и грядущего коммунистического общества². С другой стороны, в средствах массовой информации (кроме спортивных изданий), точно отражающих структуру предпочтений государственной идеологии, за новостями спортивных состязаний прочно была закреплена последняя страница.

Тем не менее, иногда его влияние выходило на первый план, причем как внутри страны, так и за рубежом. Такими событиями, например, стали турне московского футбольного клуба «Динамо» в Великобританию в ноябре 1945 года³, или победный матч национальной команды над чемпионом мира по футболу сборной Германии⁴ в Москве в августе 1955 г.⁵ Спорт и футбол были в нашей стране не только активным элементом «мягкой силы» в политике и международных отношениях⁶, но и — в разной степени — частью повседневной жизни, культурных⁷ и социальных процес-

¹ Riordan J. Sport in Soviet Society: development of sport and physical education in Russia and the USSR. Cambridge; NY.: Cambridge University Press, 1977; O'Mahony M. Sport in the USSR, Physical Culture-Visual Culture, Londres: Reaktion books. 2006.

² Трижды в разделе «Задачи партии в области идеологии, воспитания, образования, науки и культуры» и дважды в разделе «Задачи партии в области государственного строительства и дальнейшего развития социалистической демократии».

³ Обзор британских СМИ того времени на эту тему представлен в работе Downing D. Passovotchka: Moscow Dynamo in Britain, 1945. Bloomsbury UK. 1999. Перевод на русский: Даунинг Д. Пассовочка. Турне московского «Динамо» по Британии, 1945. М.: Издатель А. Ельков, Перевод с английского, оформление Андрей Ельков. 2015. В 2019 году в РФ начались съемки художественного фильма Алексея Пиманова о триумфальном визите «Динамо» под названием «Одиннадцать молчаливых мужчин».

⁴ Тогда ее называли в СССР Германской Федеративной Республикой (ГФР).

⁵ Clifton D. Soviet Stresses Germans' Amity // The New York Times, Aug. 21, 1955; Clifton D. 80,000 See Russia Top West German Eleven, 3-2 // The New York Times, Aug. 22, 1955. В 2015 году в Германии был снят документальный фильм режиссера Томаса Гримма «Der Kracher von Moskau» об этом поединке. На русском языке наиболее полное описание исторического события дано в работе: Вартамян А. Матчу века — 60! / Летопись Акселя Вартамяна. // Спорт-Экспресс. Футбол. 21 августа 2015. <https://www.sport-express.ru/football/reviews/908851/> (дата обращения 11.09.2020).

⁶ Riordan J. Soviet Sport and Soviet Foreign Policy // Soviet Studies. Vol. 26, No 3. (Jul., 1974), pp. 322–343; Прокуменищikov М.Ю. Большой спорт и большая политика. М., 2004; Zeller M. Sport and Society in the Soviet Union: The Politics of Football after Stalin (Library of Modern Russia). L., NY.: I.B. Tauris, 2018.

⁷ Популярный советский поэт Евгений Евтушенко в стихотворении «Матч с немцами. Кассы ломают. Бедлам...» о матче СССР — Германия 1955 г. назвал стади-

сов⁸. Спортивные герои — как отдельные личности (Григорий Федотов, Лев Яшин, Всеволод Бобров, Игорь Нетто), так и коллективы — были образцами подражания в Советском Союзе⁹.

Отношение к спорту в Советском Союзе было не лишено внутренних противоречий и исторически эволюционировало. Первоначальное радикальное противопоставление «пролетарского спорта» и «спорта буржуазного» в 1920–1930-х гг. под воздействием как внутренних, так и внешних причин постепенно смягчалось и заменялось на политику взаимодействия с официальными зарубежными спортивными организациями¹⁰. После Великой Отечественной войны СССР начинает активно участвовать в деятельности международных спортивных организаций (ФИФА, МОК и др.), а советские спортсмены — участвовать в международных спортивных турнирах¹¹. Руководство Советского Союза считало, что главной целью участия отечественных спортсменов в международных соревнованиях должно быть доказательство/пропаганда преимуществ социалистической системы¹². С одной стороны, решение такой

он «Динамо», на поле которого проходила встреча, «единственный действующий храм, тогда заменявший религию нам».

⁸ Эдельман Р. Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР. Перевод с англ. И.С. Давидян. М.: Советский спорт, АИРО-XXI, 2008; *Edelman R. Spartak Moscow: A History of the People's Team in the Workers' State*. Cornell University Press. 2009.

⁹ *Gilmour J. and Clement B. E. "If you want to be like me, Train!" // Russian Masculinities in History and Culture*, ed. Barbara Evans Clement, Rebecca Friedman, and Dan Healy. NY.: Palgrave, 2002; *Mertin E. Presenting Heroes: Athletes as Role Models for the New Soviet Person // The International Journal of the History of Sport* Vol. 26, Issue 4, 469–483. 2009; *Dufraisse S. Les Héros du sport. Une histoire des champions soviétiques (années 1930 — années 1980)*. Seyzérieu: Champ Vallon, 2019; *Дюфрес С. Спортивные знаменитости: возникновение и развитие феномена в СССР // Социология власти*. 2018. 30 (2): 83–100. doi: 10.22394/2074-0492-2018-2-83-100.

¹⁰ *Хорошева А.В. Деятельность Красного Спортивного Интернационала в 1933–1937 гг. // Российская история*. 2018. № 6. С. 115; *Хорошева А. «Пролетарская» Спартакиада 1928 года и «буржуазное» олимпийское движение // Свободная мысль*. 2018. № 2 (1668). С. 5–6.

¹¹ *Ватлин А.Ю. Вхождение СССР в олимпийское движение // Вестн. Российского Международного Олимпийского ун-та*. 2015. № 3 (16). С. 34–45.

¹² В записке Председателя Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) В.Г. Григорьяна от 14 февраля 1951 г. на имя Сталина говорилось: «Комитет по делам физкультуры и спорта при Совете министров СССР считает целесообразным вступление в МОК для того, чтобы иметь возможность участвовать в Олимпийских играх по различным видам спорта в целях пропаганды достижений советского спорта».

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1582. Л. 180–181 // Цит. по: *Астахова М., Кошелева Л. Дебют СССР на XV Олимпийских играх: кто принимал решение об участии // Родина*. 2014. № 1. С. 67.

важной задачи не могло не находиться под контролем правящей партии¹³, с другой стороны, поскольку в спортивных состязаниях таким доказательством могла быть только победа над соперниками¹⁴, эта задача требовала использования вполне конкретных организационно-управленческих решений, что в наши дни изучается в таких дисциплинах как *sport management*, *sport governance*, *sport policy*, *soccernomics* и др.¹⁵

Процесс интеграции советского спорта в спорт международный был непростым. Он приносил Советскому Союзу как очевидные положительные результаты, так и, с точки зрения советского руководства, отрицательные. За громкими победами, поднимавшими престиж СССР и социалистического общественного строя, часто следовали разочаровывающие поражения. И партийное, и спортивное руководство с необходимостью должны были искать/создавать механизмы управления, или, на языке того времени, «руководства», таким важным социальным процессом, каким является спорт.

Начавшаяся с триумфального турне московского клуба «Динамо» сразу после окончания Второй мировой войны, историю советского футбола ожидало крайне неудачное — не столько в спортивном, сколько в репутационном/политическом плане — поражение от сборной команды Югославии на Олимпиаде в 1952 г. Однако после сиюминутной эмоциональной реакции (но с серьезными оргвыводами), и партийные, и футбольные власти приняли основательные управленческие решения, которые через 4 года привели отечественную сборную к победе на футбольном турнире Олимпийских игр 1956 г. в Мельбурне¹⁶.

¹³ Прокуменщиков М.Ю. Большой спорт и большая политика. М., 2004; Прокуменщиков М.Ю. Обратная сторона советского футбола // Игра миллионов под партийным контролем: Советский футбол по документам ЦК КПСС / Под ред. Н.Г. Томиловой, М.Ю. Прокуменщикова. Составители: И.В. Казарина, Т.Ю. Конова, М.Ю. Прокуменщиков. М.: МФД, 2017.

¹⁴ В п. 1 Постановления Совета министров СССР от 7 июля 1952 г. No 3047-1183с «Об участии советской спортивной делегации в XV Международных олимпийских играх 1952 г. в г. Хельсинки» записано: «Поставить перед советской спортивной делегацией задачу добиться завоевания первого общекомандного места в Олимпийских играх, а также первых командных и личных мест по всем разделам программы, в которых советские спортсмены примут участие».

¹⁵ Petrunin Yu.Yu., Siluyanova Yu.A. Data analysis in evaluation the effectiveness of governance in sports // 12th International Symposium on Computer Science in Sport Book of Abstracts. 2019. P. 159–160.

¹⁶ Подробно о конкретных действиях футбольного руководства в эти годы в работе: Каширин Д.А. От провала к триумфу: роль системы управления советским футболом в середине 1950-х годов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. XXI «Управление (государство и общество)». 2020. № 1.

Бесспорно, что СССР к середине 1950-х гг. стал высококонкурентной страной в международном футболе. Однако почивать на лаврах оказалось рано. Приобретенный и футбольный, и управленческий опыт участия в международных турнирах не смог автоматически обеспечить дальнейшее продвижение на футбольный Олимп. Особенно это проявилось при участии национальной команды в самом главном футбольном турнире — чемпионате мира 1958 г. Были и другие неудачные выступления советской сборной и клубов во второй половине 1950-х гг. Все большую актуальность приобретала задача создания условий для отечественных футболистов, чтобы они, по образцу других советских спортсменов, стали лучшими в мире.

Для советских болельщиков, в том числе институциональных¹⁷ — прежде всего, коммунистической партии, — нужны были зримые результаты отечественного футбола: победы национальной сборной и клубов в престижных международных турнирах. Связь между футболом и советским обществом точно охарактеризовал современный зарубежный историк К. Райт: «Внутри страны Хрущев трудился, чтобы преодолеть наследие и негативные последствия сталинизма в то же время, когда на международном уровне Советский Союз был главным бойцом в холодной войне. Поэтому Хрущеву нужно было одновременно продвигать социализм и советскую идеологию во всем мире при реформировании советского общества внутри страны. Успех в спорте, особенно в футболе, был методом для достижения обоих этих подвигов»¹⁸.

Спортивная реформа началась в январе 1959 г. и организационно была закончена в декабре 1959 г. Большинство ее нововведений (с некоторыми модификациями) действовали до 1963 г., некоторые — до рубежа 1960–1970-х гг. Суть реформ состояла в демократизации управления спортом, передаче руководства спортивной отрасли от государства общественным организациям, прежде всего, профсоюзам и комсомолу, и, в связи с этим, возрастанию самодеятельности и инновационной активности в проведении соревнований.

Переходная эпоха, осмысляющая себя как переход от социализма к коммунизму, от государственного управления к общественно-

¹⁷ О роли различных групп болельщиков см.: *Петрунин Ю.Ю.* Антропный принцип в науке о спорте // Вопросы философии. 2019. № 9. DOI 10.31857/S004287440006325-2.

¹⁸ *Wright C.* The Beautiful Game as a Soviet Game: Sportsmanship, Style, and Statecraft during the Golden Age of Soviet Soccer. Dissertation. Graduate School. University of Montana, Missoula. 2018. P. 134.

му управлению, отводила гораздо большую роль общественным организациям, к которым в СССР относились, в первую очередь, профсоюзы и комсомол. 9 января 1959 г. выходит постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР о создании новой общественной организация спорта — Союза спортивных обществ и организаций СССР, которой передается функции управления, ранее выполнявшихся государственными органами¹⁹. Уже в апреле того же года состоялся учредительный пленум организации. Первым пунктом Постановления привычно закреплялась направляющая роль коммунистической партии в руководстве спортом, но формирование Союза, а также текущее управление и планирование возлагалась на профсоюзы и комсомол (п. 1). Таким образом, всей многообразной оперативной и стратегической деятельностью по руководству спортом в целом и футболом в частности начинает заниматься не государство, а общественные организации. Это не случайность, а проявление ожиданий приближающегося коммунистического общества, при котором, по учению марксизма-ленинизма, должно происходить отмирание государства. «На современном этапе коммунистического строительства, — говорится в преамбуле Постановления, — когда все большее значение приобретает роль массовых организаций трудящихся, особенно профсоюзов и комсомола, в решении государственных вопросов, отпадает необходимость сосредоточивать руководство физической культурой и спортом в руках государственных органов и имеются все возможности для того, чтобы физкультурное движение в нашей стране было полностью основано на широких демократических началах и руководство им осуществлялось выборной общественной организацией»²⁰.

1 марта 1959 г. Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР был упразднен, а все штаты, фонды заработной платы и персональных надбавок, ассигнования, планы

¹⁹ Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 9 января 1959 г. № 56 «О руководстве физической культурой и спортом в стране».

²⁰ Там же. Эта мысль почти дословно будет повторена в докладе Первого секретаря коммунистической партии Н.С. Хрущева на внеочередном XXI съезде КПСС 27 января 1959 г.: «многие функции, выполняемые государственными органами, постепенно должны переходить в ведение общественных организации». (Внеочередной XXI съезд Коммунистической Партии Советского Союза 27 января — 5 февраля 1959 г. Стенографический отчет. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы. 1959. С. 103, 362).

по производству, капитальному строительству и труду, фонды на материалы, предусмотренные на 1959 г. и для него были переданы именно Союзу спортивных обществ и организаций СССР (Постановление, п. 3), — весьма нестандартное для советской практики решение. Возможно, что какое-то влияние на столь радикальное решение оказали не только идеологические, но и экономические соображения, поскольку, согласно Положению, при разработке структуры и штатов Союза планировалось сокращение платного аппарата не менее, чем на 10% (п. 3 Положения).

Логичным следствием реорганизации стало образование внутри Союза отдельных подразделений (Федераций) по видам спорта. Не прошло и месяца, как в мае того же года для управления футболом в стране на учредительной конференции была основана новая общественная организация — Федерация футбола СССР. Она была создана путем преобразования ранее существовавшей Секции футбола СССР.

Переход к новой, общественной (вне государственной, вневедомственной) форме руководства футболом, создал возможность большего диапазона творческого поиска для конкретных организационно-управленческих инноваций.

Первой и главной мерой достижения амбициозной задачи стала реорганизация национального первенства. 21 декабря 1959 г. вышло Постановление Президиума Центрального совета спортивных обществ и организаций СССР²¹ «Об итогах футбольного сезона 1959 года и проведении розыгрыша первенства СССР и 1960–1962 гг.»²².

В преамбуле Постановления была дана неудовлетворительная оценка советскому футболу как на клубном уровне, так и на уровне сборной за последние два года. В Постановлении предлагались конкретные меры по реорганизации розыгрыша первенства, ключевыми из которых были: увеличение команд класса «А» с 12 до 22-х, и введение двухступенчатой системы соревнований, при которой на первом этапе команды определяют сильнейших в двух подгруппах, а на втором, заключительном этапе между собой встречаются команды, занявшие одинаковые места в подгруппах (1–3, 4–6, 7–9

²¹ После упразднения 1 марта 1959 г. Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР — единственной всесоюзной организацией руководства спортом.

²² Постановление президиума Центрального совета спортивных обществ и организаций СССР «Об итогах футбольного сезона 1959 г. и проведении розыгрыша первенства СССР в 1960–1962 гг.».

и т.д.), образуя четыре группы, в матчах которых определяется окончательное место команд в первенстве страны²³.

Формально решение об увеличении команд, выступающих в классе «А» советского футбола, могла принять только Федерация футбола СССР. Именно в Федерацию футбола непосредственно перед наступающим 1960-м г. и поступил проект нового порядка проведения турнира на ближайшие три года, которая, без долгих колебаний, и утвердила его.

Предложение об увеличении команд первенства СССР по футболу обосновывалось тремя соображениями: необходимостью роста мастерства лучших советских футболистов (1), улучшением игры сборной, формируемой из игроков национального чемпионата (2); и более полным представительством республик Советского Союза в футбольном первенстве страны (3)²⁴. В предшествующие годы попытки решить проблему укрепления дружбы народов СССР через увеличение команд из союзных республик во всесоюзном турнире встречались неоднократно.

Некоторые историки делают отсюда вывод об ошибочности предложений реформаторов о новой организационной форме национального чемпионата. Как пишет Аксель Вартамян, «это была очередная попытка превращения спортивного соревнования в демонстрацию дружбы между народами»²⁵. Критические замечания также высказывались и к двухступенчатой системе проведения чемпионата.

После окончания первого пореформенного сезона на внеочередном пленуме Федерации футбола СССР ее председатель В.А. Гранаткин высказался, в целом, положительно о первых результатах перестройки²⁶. К ним были отнесены:

- повышение авторитета республиканских общественных организаций (Федераций футбола)²⁷;

²³ Увеличивался не только класс «А», но и класс «Б», а также набранные на первом этапе очки команды не учитывались на втором и др.

²⁴ Постановление президиума Центрального совета спортивных обществ и организаций СССР «Об итогах футбольного сезона 1959 года и проведении розыгрыша первенства СССР и 1960–1962 гг.».

²⁵ Вартамян А. 1960 Нарушив все каноны // История чемпионатов СССР (1936–1991) <https://document.wikireading.ru/35490>; Вит А., Радчук Г. Большой разговор // Футбол. 1964. № 3. С. 2–5.

²⁶ Гранаткин В.А. Некоторые итоги и перспективы // Футбол. 1960. № 30. С. 2–5.

²⁷ В соответствии с реформой право Федерациям футбола РСФСР и УССР было предоставлено право самостоятельно проводить соревнования команд класса «Б».

- возрастание интереса к футболу в национальных республиках²⁸;
- подъем общего класса игры команд. «Мы имеем право утверждать это, подчеркнул В.А. Гранаткин, хотя бы потому, что советские футболисты завоевали Кубок Европы, одержав выдающуюся победу в истории отечественного футбола. Знаменательно, что такой победы добилась сборная, в состав которой входили представители четырех городов. А ведь в прошлом почти все лучшие игроки концентрировались в одном-двух городах»²⁹;
- появление нового поколения молодых талантливых игроков;
- высокая организованность проведения розыгрыша, позволившая лучше планировать учебно-тренировочный процесс (за весь сезон был перенесен лишь один матч)³⁰.

В докладе В.А. Гранаткина были отмечены и недостатки изменения розыгрыша национального чемпионата, учитывая которые были введены коррективы в положения о соревнованиях³¹. Самыми важными из них стали уменьшение числа групп на втором этапе с четырех до двух и учет результатов встреч на первом этапе чемпионата в заключительной части турнира.

Сравнивая цели реформы и ее результаты уже через год, можно прийти к выводу о ее успешности. Важно также то, что негативные последствия реформы корректировались, не меняя сути перестройки. Если брать более дальние последствия, то они не так однозначны.

Реформа активно дискутировалась всеми участниками событий: игроками, тренерами, функционерами/управленцами футбола, общественниками, журналистами, рядовыми болельщиками. То, что этот вопрос имеет актуальность и в наши дни, можно увидеть из интервью А.П. Душанина (советника на общественных началах недавнего министра спорта П.А. Колобкова, обладающего большим опытом работы в управлении спортом на разных должностях еще с советских времен), в котором он говорит следующее о реформе 1959 г.: «Решение носило чисто волюнтаристский характер, привело к негативным последствиям, особенно в области спорта высших достижений (неудачные для нас итоги Олимпийских игр в Гренобле

²⁸ Только на Украине было построено 11 новых стадионов вместимостью от 11 до 15 тыс. чел. каждый (там же. С. 2).

²⁹ Там же. С. 2.

³⁰ Там же. С. 3.

³¹ Там же. С. 4–5.

и Мехико), иначе говоря, затормозило развитие физической культуры и спорта»³².

Даже сегодня видна ангажированность, субъективность оценок разных авторов. Насколько обоснованы аргументы сторонников и противников реформы 1959 г.? Можно ли беспристрастно оценить ее? Какими методами? Вопросы организации национальных соревнований и влияние последних на успехи сборной команды, создающие международный имидж страны, не менее актуальны и для современности.

Если оценивать результаты реформы и ее роль в развитии советского футбола, то, прежде всего, нужно сказать об общественной форме руководства футболом и спортом. Практика показала, что фактически Союз спортивных обществ СССР выполнял ту же роль, которую ранее выполнял Спорткомитет как государственная организация. Его решения не обсуждались, а ответственность за них и их последствия, в большинстве случаев, несла общественная Федерация футбола. Диктатура общественного органа управления спортом оказалась не менее строгой, чем государственная³³.

В тех же реальных проблемах, с которыми сталкивалась Федерация, ее общественно-спортивное начальство занимало позицию властей. Наглядным примером такого отношения/поведения проявилось при решении проблемы, названной на эзоповом языке времени «меценатством». Выражаясь обычным русским языком, «меценатами» называли высокопоставленных людей, прямо вмешивающихся в управление футбольным хозяйством. Вмешательство проявлялось в переходах игроков из одной команды в другую; отмене дисквалификации игроков и, реже, команд, за те или иные нарушения; в плохо мотивированных увольнениях тренеров; в дополнительном включении команд в первенство или сохранении команд, выбывших из высших лиг в низшие. Эти и другие вопросы решались в соответствии с Положением о розыгрыше первенства страны, инструкциями о переходах, и другими нормативными документами на заседаниях Федерации футбола. А после «пере-

³² Душанин А. Физкультура и спорт: оптимальна ли система управления? // Российский стадион. Интернет-газета. 23.05.2019 <https://stadium.ru/reportsandcomments/experts/26400?P=first&theme=217> (дата обращения 11.09).

³³ Впрочем, некоторые второстепенные инициативы Федерации футбола поддерживались. Например, по ее предложению Центральный совет Союза спортивных обществ и организаций СССР учредил в 1962 г. памятные жетоны для футболистов, неоднократно выступавших в международных матчах (Есенин К.С. Футбол: сборная СССР. М., 1983. С. 166).

игрывались» под нажимом партийных руководителей и известных общественных деятелей. Все это приводило к систематическому нарушению футбольного закона, дискредитации общественного органа управления футболом, делая его практически беспомощным.

Что касается властей в целом, то их отношение к футболу было двойственным: с одной стороны, признание его важности в повышении престижа не только страны, но и своего ведомства, республики, города, промышленного предприятия; с другой стороны, рассмотрение его как детской забавы, не требующей особого внимания и уважения. «Своя команда» рассматривалась, скорее, как предмет своего рода бахвальства, чем как что-то серьезное. Яркими примерами такого отношения стали, например, перенос в 1966 году из-за открытия в Лужниках XV съезда ВЛКСМ нескольких матчей первенства страны класса «А» из Лужников, которые привели по «правилу домино» к массовым переносам матчей национального первенства³⁴; снятие тренера национальной сборной К.И. Бескова после того, как руководимая им команда стала серебряным призером первенства Европы в 1964 г.; травля легендарных советских футболистов Стрельцова в 1958 г. и Яшина в 1962 г.

Действительно, общественная форма руководства футболом способствовала развитию творческой самодеятельности, инициативы, внедрению новых форм в организации футбольной жизни. Оригинальными были предложения о строительстве закрытых стадионов³⁵ для продления сезона; о проведении спортивной лотереи³⁶

³⁴ В Положении о розыгрыше значилось, что запрещены переносы игр, определенных календарем. Тем не менее, 20 мая 1966 года во Дворце спорта Центрального стадиона имени В.И. Ленина в связи с проведением спортивного праздника, посвященного XV съезду ВЛКСМ, Центральный совет Союза спортивных обществ и организаций СССР разрешил Федерации футбола СССР внести ряд изменений в календарь соревнований команд первой группы класса «А». (Варганян А., Юдин Ю., Калинин В. История чемпионатов СССР (1936–1991). iBooks. С. 842).

³⁵ «Чтобы удовлетворить требованиям расширения представительства республик в первенстве СССР по классу «А» и вместе с тем решить задачу улучшения учебной работы команд, необходимо создать закрытые стадионы для футбола в гг. Москве и Ленинграде», — писал в Информации для ЦК КПСС первый руководитель ССО СССР Н. Романов уже в феврале 1959 г. (Игра миллионов под партийным контролем: Советский футбол по документам ЦК КПСС / Под ред. Н.Г. Томилиной и М.Ю. Прокуменщикова. Составители: И.В. Казарина, Т.Ю. Конова, М.Ю. Прокуменщиков. М.: МФД, 2017. С. 69.).

³⁶ В марте 1963 года идеологический отдел ЦК КПСС рассмотрел предложение Совет Союза спортивных обществ и организаций СССР о создании спортивного тотализатора и отклонил его (*Жирнов Е.* «Выглядит в известной мере как обман населения». Кто делал ставку на создание всесоюзного тотализатора // Коммерсантъ

по примеру зарубежных, в том числе и социалистических, стран, о создании всесоюзного детского турнира «Кожаный мяч»³⁷ по инициативе ВЛКСМ (1963–1964) и многие другие (все они были отклонены, кроме последнего). Хотя были и неудачные предложения, скорее вредившие футболу. Например, в связи с «приближающимся коммунизмом» Федерацией футбола была образована комиссия для проверки уровня образования не ниже школьного среднего и введение образовательного ценза для участников первенства 1962 г. Результаты в некоторых клубах оказались настолько низкими, что команды фактически можно было снимать с розыгрыша первенства страны³⁸.

Последняя история закончилась тем, что руководство команд было вынуждено выдавать фиктивные справки о том, что футболисты стали повышать уровень своего образования (чего в действительности не было). Таким образом, некомпетентность, непродуманность отдельных мер приводила затем к подтасовкам, фальсификациям, т.е. стала школой обмана и двойной игры для руководителей, тренеров, футболистов. Одним словом, можно утверждать, что разрыв между официальной и управляющей идеологией с годами только усиливался.

Включение разных видов спорта под единое руководство могло только запутать управление: слишком велики были отличия между ними и минимальны связи. Специфика спортивных игр, особенно зрелищных, состоит в том, что они приносят мало медалей (1), но требуют больших материальных, финансовых, организационных усилий/вложений (2), зато приносят больше престижа и денег (3), наконец, (4) формируют значительно отличающихся по своему поведению спортивных героев/кумиров³⁹. Соответственно, и управление спортом в целом и его зрелищными видами, в нашем случае, футбола требует существенных различий.

от 09.03.2018 <https://www.kommersant.ru/doc/3569122> (дата обращения 11.09.2020). Тремя годами позднее доработанный проект одобрил заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК А. Н. Яковлева и зав. сектором физкультуры и спорта И. Зубкова и поддержало министерство финансов СССР. Но вновь Секретариат ЦК КПСС отклонил его (там же).

³⁷ Уже в первом турнире, предложенном Львом Яшиным и поддержанным ЦК ВЛКСМ, в 1964 г. участвовало 3 млн детей.

³⁸ *Вартанян А., Юдин Ю., Калинин В.* История чемпионатов СССР (1936–1991). iBooks. С. 686–689.

³⁹ *Дюфрес С.* Спортивные знаменитости: возникновение и развитие феномена в СССР // Социология власти. 2018. № 2 (30). С. 83–100. doi: 10.22394/2074-0492-2018-2-83-100.

Что касается оптимального соотношения государства и общества в управлении футболом, то, если можно согласиться, что относительно неудачные выступления советских спортсменов на Олимпиадах 1964 и 1968 гг. действительно произошли при общественном руководстве, то в футболе как раз наоборот, наивысшие результаты были достигнуты во времена руководства футболом общественными организациями, а наихудшие — при государственном управлении. Если взять показатели посещаемости национального чемпионата, успехов на международной арене, финансовых показателей, то наилучшие показатели наблюдались в 1960-х гг., гораздо хуже в 1970-х и они несколько улучшились в 1980-х⁴⁰.

Несомненно, с начала 1960-х гг. начинается новый период истории советского футбола — расширение географии команд-чемпионов. Если в 22 предшествующих национальных чемпионатах было всего три победителя (и все три — команды из Москвы), то теперь их число возросло до шести и из них две — команды из союзных республик. Формируются еще два (за пределами столицы) центра высококлассного футбола: украинский и закавказский. Вряд ли можно считать это случайным совпадением с началом реформы 1959 г., поскольку именно эти цели она и ставила. Случилось ли бы это без реформ? Полагаю, что да, но позже.

Бесспорно, реформа отражала дух эпохи обновления, демократизации, уверенности близкой победы и коммунизма, и, как следствие, не только спортивного триумфа футбольной сборной первой страны коммунизма, но и, если так можно выразиться, торжества идейно-эстетической версии советского футбола⁴¹. Дальнейшее разочарование в результатах шло параллельно — и в советском футболе, и в советском строе. Преобразования носили двойственный, непоследовательный, научно не обоснованный характер, как и большинство других преобразований эпохи Н.С. Хрущева, в которых проявлялась неуважение к профессионалам (тренерам, игрокам, судьям, управленцам), отрицание объективных закономерностей социальных процессов, уверенность в достижении любых сознательно поставленных целей (то, что позже назвали «волюнтаризмом»).

С управленческих высот перейдем на уровень текущего руководства футболом: проанализируем конкретные мероприятия по

⁴⁰ Рассчитано автором на основе статистических показателей.

⁴¹ *Wright C. The Beautiful Game as a Soviet Game: Sportsmanship, Style, and Statecraft during the Golden Age of Soviet Soccer. Dissertation. Graduate School. University of Montana, Missoula. 2018. P. 134.*

преобразованию розыгрыша национального чемпионата и попробуем оценить их эффективность. Не будет преувеличением сказать, что как в СМИ, так и в протоколах заседаний Федерации футбола и справках для ЦК КПСС тема числа команд в первенстве, особенно в классе «А» (высшей лиги), была на первом месте. Союз спортивных обществ и организаций последовательно продвигал увеличение числа команд в классе «А» (об обосновании этого уже говорилось), Федерация футбола беспомощно сопротивлялась без всякого успеха⁴². Наконец, когда Союз спортивных обществ и организаций был упразднен, государственным органом — Спорткомитетом — начался курс на сокращение числа команд.

В записке Спорткомитета СССР в ЦК КПСС от 23 июля 1969 г. выделены причины необходимости сокращения:

- «Большое количество футбольных команд мастеров создает трудности в проведении всесоюзных соревнований и планомерной организации научно-обоснованного учебного процесса в командах⁴³, что в свою очередь к снижению класса игры»;
- «Увлечение созданием штатных футбольных команд, участвующих во всесоюзных соревнованиях, как правило, сопровождается прекращением работы по развитию массового футбола»;
- «Количество команд, включаемых в соревнования на первенство СССР, не соответствовало количеству квалифицированных футболистов»;
- «Многие футбольные команды стали нерентабельными и содержатся (при помощи меценатов) за счет государственных и общественных средств, тогда как в соответствии с постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР они должны быть на самоокупаемости».

Строго говоря, только последний аргумент можно считать обоснованным фактами. Поставим вопрос по-иному: как повлияла реорганизация розыгрыша первенства СССР по футболу на международные результаты национальной сборной?

⁴² В качестве альтернативы выдвигая идею усиления (кадрового и финансового) 5–6 ведущих командах для повышения международных результатов национальной сборной, что требовало существенных изменений в Положении о розыгрыше, инструкции о переходах и других нормативных документах.

⁴³ Что не помешало Спорткомитету через несколько лет на неделю приостановить игры высшей лиги из-за сдачи тестов по ОФП (*Вартанян*. Указ. соч. С. 1016–1018).

Отметим, что перестройку розыгрыша первенства СССР 1959 г. и последующих сезонов трудно назвать «революционной»⁴⁴. Предложения о значительном увеличении числа команд турнира года обсуждались (с теми же аргументами) и частично были внедрены уже в первенстве СССР по футболу в 1949 г., однако от них быстро отказались: сказалось непродуманность и неподготовленность данного нововведения⁴⁵. За последующее время произошли важные изменения в советском футболе, в частности, рост числа команд, участвующих во всесоюзных турнирах. Например, количество клубов в розыгрыше Кубка СССР — второго по значимости турнира в стране — стремительно выросло с семи тыс. команд в 1949 г. до 17 тыс. команд в 1952 и 1953 гг.⁴⁶, что, несомненно, способствовало повышению мастерства советских футболистов как в целом, так и по республикам. О росте мастерства советских футболистов говорят также и успех на Олимпийском турнире 1956 г., и отличные результаты в матчах с ведущими зарубежными сборными (победа над Западной Германией, ничьи с Венгрией и Францией).

Двухступенчатая модель всесоюзного турнира, предложенная реформатами в 1959 г., также трудно считать исключительно волюнтаристской, поскольку она уже использовалась в хоккейном первенстве страны. Более того, в сезоне 1959–1960 гг. в хоккейном первенстве Советского Союза впервые была применена система «плей-офф» (сочетающей в себе турнирную систему «все играют со всеми» и кубковую систему), давно известная в канадском хоккее и чемпионатах мира по футболу. Нельзя забывать, что вопрос об оптимальности схемы проведения национального чемпионата (как и других турниров) не имеет окончательного решения. Невозможность такого решения доказывается в математической теории коллективного (общественного) выбора, разработанной в те же годы американским математиком, Нобелевским лауреатом по экономике Кеннетом Эрроу⁴⁷. Обычно эта теория применяется

⁴⁴ Это важно для дальнейшего анализа, поскольку революция означает неопределенность событий «до» и «после» ее совершения.

⁴⁵ *Вартанян А.* Хет-трик Бориса Аркадьева // История чемпионатов СССР (1936–1991). <https://document.wikireading.ru/35478> (дата обращения 11.09.2020).

⁴⁶ Справки о состоянии футбола в стране 1953 г. // ГАРФ. Ф. 7576. Оп. 13. Ед. хр. 5. Л. 8.

⁴⁷ *Arrow K.J.* Social Choice and individual values. N.Y.: Wiley, 1951. Пример парадокса в самом распространенном («объективном») — круговом — турнире, когда чемпион, набравший больше всего очков в турнире, дважды проиграл команде, занявшей более низкое место: в первенстве 1963 г. победителем стала команда мо-

для анализа политических выборов, однако она вполне подходит и для определения лучшей команды в спортивных состязаниях. Особенностью последних является то, что, во-первых, выборщики и избираемые относятся к одному множеству, и, во-вторых, предпочтения выборщиков актуализируются не в акте голосования, а в актах соперничества (в матчах). Отсутствие идеальной модели определения/выбора лучшей команды и приводит к существованию разных форм определения победителя/чемпиона: круговой турнир (каждая команда встречается/играет со всеми), кубковый/олимпийский/«плей-офф» (попарные встречи с «вылетом» проигравшего) и смешанные.

Нельзя не согласиться, что в определении состава команд класса «А», реформаторы часто использовали не только спортивные, но и идеологические, и местнические, и ведомственные соображения, как, впрочем, и в другие годы, когда никаких реформ не было. На наш взгляд, советский футбол вполне созрел к началу 1960-х гг. для увеличения числа команд, разыгрывающих между собой звание чемпиона страны. Это вполне соответствовало и их числу в ведущих европейских державах⁴⁸.

Выход советского футбола за границы страны, подчинение международным правилам и участие в международных турнирах влекло за собой четкое понимание тех целей, которые советское руководство ставило перед отечественным спортом. Однако с определением целевой функции футбола все было не так просто. При наличии разветвленной, к тому же с каждым годом увеличивающейся, системы турниров побеждать всегда даже теоретически невозможно.

Чтобы каждое поражение не воспринималось как доказательство преимуществ капиталистической системы, необходимо было выработать правдоподобную систему количественной оценки достижений в футболе в конкретном турнире за определенный период времени. Тогда можно более-менее адекватно оценить деятельность органов управления спорта и/или результаты конкретных программ изменения/реформ в национальном футболе.

Если на качественном уровне — побеждать в международных турнирах — в футболе все относительно понятно, то на количе-

сковского клуба «Динамо» (55 набранных очков), однако оба матча она проиграла минскому клубу «Динамо» со счетом 0:2, который занял всего лишь третье место с 48 очками! Кто же настоящий чемпион?

⁴⁸ В Англии к началу 1960-х гг. в высшей лиге играло 22 команды, Западной Германии 18 (первый национальный турнира состоялся в 1963/1964 гг.), Франции — 20, Италии — 18, Испании — 16, СССР — всего 12 команд!

ственном уровне, без которого невозможны точные и надежные оценки, существуют определенные трудности для решения данной задачи. Первая состоит в формализации и объективизации целевой функции; вторая в том, чтобы построить каузальную модель, связывающую целевую функцию с показателями, непосредственно детерминированными конкретными действиями органов управления футболом. Решением подобных задач занимается эконометрика.

В настоящее время наиболее объективной целевой функцией на международном уровне является рейтинг ФИФА для сборных команд⁴⁹. Несмотря на его неидеальность⁵⁰, он имеет существенные достоинства: он прозрачен, информативен и постоянно совершенствуется. Однако в рассматриваемый исторический период рейтинг ФИФА еще не существовал. В качестве наиболее объективного показателя для середины XX столетия можно использовать классификацию (рейтинг) авторитетного французского журнала (еженедельника) «Франс Футбол». Множество турниров и международных наград были инициированы его главным редактором Габриэлем Ано и активно поддерживались французским журналом: Кубок (первенство) Европы для национальных сборных, Кубок чемпионов европейских стран, ежегодный приз для лучшего игрока «Золотой мяч» и др. Ежегодная классификация (рейтинг) европейских сборных, проводившаяся с 1959 по 1990-е гг.⁵¹, по общему мнению, достаточно объективно отражала успехи/силу команд на международной арене в конкретном году.

Если с целевой функцией вопросов почти не возникает, то выбор независимых переменных (предикторов) гораздо сложнее. Современные исследователи выделяют множество эконометрических моделей. Они включают в себя как эндогенные (внутри футбольные), так и экзогенные (внешние) переменные. К эндогенным показателям можно отнести среднюю результативность турнира, посещаемость, уровень конкурентного баланса, степень атакующего футбола, среднее число пенальти/удалений в игре, количество матчей турнира и др. К экзогенным переменным можно отнести темпы экономического роста, скорость роста населения, изменения уровня урбанизации и др.

⁴⁹ FIFA/Coca-Cola World Ranking. URL: <https://www.fifa.com/fifa-world-ranking/procedure/men> (дата обращения 16.09.2020).

⁵⁰ Петрунин Ю.Ю. Конкурентный баланс и реформа сезонности в российском профессиональном футболе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2019. № 2. С. 111–112.

⁵¹ Советская национальная сборная классифицировалась, начиная с 1960 г.

Проведенный анализ не обнаружил статистически значимого влияния 8 выбранных экзогенных переменных на международные результаты национальной сборной⁵².

Поскольку органы управления футболом воздействуют не на социально-демографические, экономические или политические показатели страны, а на конкретные подведомственные им процессы (регламенты, инструкции, правила, положения, оперативные решения и т.д.), то в статье рассматриваются именно эти показатели/переменные. Также была введена контрольная переменная, характеризующая процент набранных сборной очков в сезоне. Эта переменная не зависит напрямую от управляющих воздействий, но хорошо коррелирует с местом в европейском рейтинге, представляя собой контрольную переменную.

Всего тестировались 10 независимых эндогенных переменных.

Для проведения корреляционно-регрессионного анализа использовалась известная программа Statistica. Выявленные значимые корреляции между рейтингом журнала «Франс Футбол» и независимыми переменными использовались для регрессионного анализа. Перед этим были исключены независимые переменные, коррелирующие между собой, чтобы избежать проблемы мультиколлинеарности. Эмпирическую базу составили чемпионаты Советского Союза с 1960 по 1990 г. и игры советской сборной в те же годы.

Среди эндогенных переменных была обнаружена статистически значимая зависимость между местом в классификации журнала «Франс Футбол» (целевой, зависимой переменной), с одной стороны, и количеством игр национального чемпионата, коэффициентом атакующего футбола, количеством игр сборной (предикторами), с другой.

Зависимая переменная:

рейтинг журнала «Франс Футбол» (рейтинг Франс-футбола) — место сборной СССР в рейтинге национальных европейских сборных за текущий год (чем ниже число, тем выше место, сборная СССР за рассматриваемый период занимал места от 1 до 24).

Независимые переменные:

число игр в первенстве — количество матчей в высшей лиге (до 1971 г. — классе «А»).

Коэффициент атакующего футбола — отражает степень важности для конкретного турнира (сезона) числа забитых и пропущен-

⁵² Это не означает, что они не влияют на некоторые другие переменные. В частности, была обнаружена сильная и статистически значимая положительная зависимость между темпами национального дохода и средней посещаемостью матчей первенства.

ных голов для определения места команды в первенстве страны⁵³. Чем выше этот показатель, тем более важными являются именно забитые голы, чем ниже — пропущенные.

Число игр национальной сборной — учитывались только официальные матчи сборной команды.

КПД сборной — вычисляется как количество набранных национальной сборной очков в сезоне, деленное на максимально возможное количество очков, которые можно было набрать в этих играх. Переменная изменяется от 0 до 1.

Полученные статистические результаты приведены в табл. 1.

Таблица 1

Регрессионные коэффициенты и коэффициенты детерминации для комплексных аддитивных моделей (в скобках указаны значения t-теста)

Независимые переменные	Зависимая переменная: рейтинг журнала «Франс Футбол», 1960–1990 гг.		
	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Число игр в первенстве	-0,6*** (-4,3)	-0,34*** (-2,9)	-0,43*** (-3,8)
Коэффициент атакующего футбола	-0,34* (-2,5)	-0,26* (-2,3)	-0,22* (-2,1)
Число игр национальной сборной	-0,39* (-2,7)		-0,29* (-2,64)
КПД сборной		-0,57*** (-4,7)	-0,51*** (-4,5)
Скорректированный R-квадрат	0,47	0,62	0,69
Общее количество сезонов	31	31	31

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Наилучшие результаты показала модель 3, которая объясняет 69% дисперсии зависимой/целевой переменной. Из моделей видно, что после переменной «КПД сборной» (вполне ожидаемой), самое

⁵³ Коэффициент предложен в работе: *Петрунин Ю.Ю.* Управление эффективностью в футболе // Государственное управление. Электронный вестн. 2012. № 35; и протестирован в: *Петрунин Ю.Ю., Рязанов М.А.* Как выиграть чемпионат мира. Методы математической статистики в управлении национальным футболом. М., 2015.

большое влияние на международные успехи оказывает переменная «Число игр в первенстве», коэффициент бета которой варьируется от 0,34 до 0,22 по модулю. Знак минус перед коэффициентом означает, что чем больше число игр/команд, тем ниже место сборной в рейтинге Франс-футбола, т.е. на самом деле сборная оценена более высоко (потому что 1 место лучше, чем 24).

На втором месте по значимости оказывается число игр сборной за сезон: чем выше значение этой переменной, тем лучше оценено выступление сборной журналом «Франс Футбол». На третьем месте находится переменная «Коэффициент атакующего футбола», которая также обратно пропорционально (отрицательный коэффициент) связана с успехами сборной, т.е. чем выше этот предиктор, тем лучше показатели сборной страны. Все коэффициенты имеют надежный показатель статистической значимости (p меньше 0,05 или даже меньше 0,001).

Таким образом, можно утверждать, что увеличение количества матчей в национальной лиге положительно влияло на успехи сборной команды. Здесь, конечно, нужно сделать несколько пояснений/уточнений. Во-первых, этот вывод нужно строго ограничивать тем разбросом числа игр, которые наблюдались в советском футбольном чемпионате в 1960–1990 гг. — от 91 до 380 игр. Во-вторых, использовать данные модели для других европейских стран невозможно: разброс количества игр в первенстве в ведущих футбольных странах Европы за последние 60 лет не превышает 10–15%, в отличие от нашего Отечества, где этот показатель зашкаливает за 80%. Применять эту модель для современной России можно только чрезвычайно осторожно, потому что многие характеристики внутренней и внешней среды футбола сильно отличаются от советской⁵⁴. Наконец, последнее: позитивная важность числа игр в первенстве нисколько не отменяет важности соблюдения спортивного принципа формирования лиги⁵⁵. Вполне возможно, что при соблюдении последнего, значение переменной «число игр в первенстве» было бы еще больше.

Из полученных результатов следует вывод о том, что предпринятое Федерацией футбола (или Союзом спортивных обществ и

⁵⁴ Например, система начисления очков по итогам матчей. Математически это уже игра не с нулевой суммой, как было прежде.

⁵⁵ Впрочем, спортивный принцип может пониматься по-разному: в североамериканских лигах клуб не покидают лигу по спортивным результатам сезона. Вряд ли кто-то скажет, что эти лиги уступают по мастерству европейским.

организаций СССР) увеличение числа команд/игр было *правильным решением*, работающим на завоевание сборной страны более высоких позиций в мировом футболе.

Нельзя обойти вниманием две другие переменные, обнаружившие позитивное влияние на международный престиж советского футбола. Ясно, что количество игр сборной напрямую зависело от деятельности Федерации футбола. Сложней обстоит дело с переменной «Коэффициент атакующего футбола», поскольку не совсем понятно, как на это могла повлиять Федерация футбола СССР. Для решения этого, а также некоторых других вопросов, эконометрических методов оказывается недостаточно. Перспективным для решения данной задачи представляется применить методы искусственного интеллекта, к рассмотрению которых мы и переходим.

Проведенный эконометрический анализ показал оригинальные, интересные и, главное, надежные/достоверные результаты. Однако из всех эндогенных переменных он нашел связи с итоговой/целевой переменной только с тремя из них (исключая контрольную переменную). Методы искусственного интеллекта позволяют найти более сложные и слабые, но надежные зависимости. В настоящем исследовании использовались программа поиска зависимостей в данных WizWhy и методы искусственных нейронных сетей (модуль Data Mining программы Statistica и программа NeuroShell Predictor).

С помощью программы WizWhy были подтверждено положительное влияние числа игр в национальном чемпионате и сборной страны с рейтингом Франс-футбола. Также были обнаружены новые интересные связи между независимыми переменными и рейтингом французского еженедельника: увеличение в турнире назначенных судьями пенальти⁵⁶, как и увеличение числа удалений с поля⁵⁷, улучшает позицию сборной в рейтинге Франс-футбола; при увеличении неравенства команд лиги⁵⁸ также возможно улучшение позиции сборной в рейтинге Франс-футбола.

⁵⁶ Вычисляется как число всех назначенных пенальти, деленное на число всех игр турнира.

⁵⁷ Вычисляется как число всех удалений игроков, деленное на число всех игр турнира.

⁵⁸ Вычислялся как коэффициент вариации CV набранных командами очков в турнире.

Рис. 1. Наблюдаемые и прогнозируемые места в рейтинге Франс-футбола сборной СССР

Использование нейросети программы NeuroShell Predictor с 9 входными переменными⁵⁹ (за исключение контрольной переменной КПД сборной) позволило добиться лучшего качества прогноза, чем в эконометрических моделях: средняя ошибка на тестовом множестве составила всего лишь 1,14, точность прогноза 0,8825 (88%).

Программа Statistica позволяет использовать искусственные нейронные сети разной архитектуры. В исследовании были задействованы две архитектуры нейросетей — с радиальными базовыми функциями (RBF) и многослойный перцептрон (MLP). Полученная точность искусственных нейросетей также превзошла точность эконометрических моделей (см. табл. 2).

Использование нейросетей не только подтвердило значимость переменных «число игр в первенстве», «коэффициент атакующего футбола» и «игр сборной», но и дало возможность ретроспективно оценить ожидаемые места сборной СССР в 1952–1959 гг. Точность

⁵⁹ Переменные: количество игр в первенстве, коэффициент атакующего футбола, число игр национальной сборной, уровень состязательности (конкурентного баланса, уровень неравенства команд), средняя результативность, пенальти, удаления, доля ничьих, посещаемость.

**Результаты обучения искусственных нейронных сетей
для прогнозирования переменной «рейтинг Франс-футбола»
по выборке 1960–1990 гг.**

Архитектура нейросети (тип и количество нейронов в каждом слое)	Степень обученности	Тестовые результаты	Качество при проверке
RBF 9-8-1	0,757977	0,969153	0,945876
RBF 9-6-1	0,225391	0,908237	0,942768
RBF 9-8-1	0,740939	0,982271	0,983545
RBF 9-8-1	0,698477	0,973707	0,997014
MLP 9-4-1	0,895643	0,935186	0,989989

и достоверность эконометрических моделей давала очень большой разброс в такого рода оценках. Например, интервальная оценка предполагаемого места советской сборной в рейтинге Франс-футбола в 1952 году⁶⁰ находилась в диапазоне от 7 до 14! Кроме того, использование контрольной переменной КПД сборной, было не всегда возможно, потому что в 1953 г. она не провела ни одного матча. Применение комплексной оценки ожидаемого места с учетом всех вышерассмотренных технологий искусственного интеллекта, с большим количеством переменных позволила сделать более обоснованные и точные оценки. Их результаты показаны на *рис. 2*. Несомненно, необходимость в реформировании советского футбола не вызывает сомнений. Возможно, она могла бы быть несколько иной. Однако предложенные конкретные меры оказались действенными и полезными.

Возникает вопрос, почему наблюдается такой резкий скачок уже в 1960 г.? Могли ли так рано проявиться последствия реформы? Не могла же она начать действовать мгновенно?! Рассмотрим этот вопрос более подробно. Конечно, следствия реформ могут по времени проявляться по-разному. Если, например, речь идет о финансовых, материальных, организационных вложениях в детский футбол, то очевидно отдача для взрослого футбола произойдет только лет через десять. В реформе 1959 г. изменения в розыгрыше первенства СССР произошли весной 1960 г., а уже в июле 1960 г. сборная взяла Кубок Европы. Что успела за такой короткий срок дать реформа лучшим футболистам страны?

⁶⁰ Который тогда еще не существовал.

Рис. 2. Динамика рейтинга сборной СССР по футболу до и после реформы

Главное новшество состояло в увеличении числа команд национального турнира, а, следовательно, и числа игр в нем. Сравним старт чемпионатов страны 1959 и 1960 гг. К 1 июня было сыграно 7 туров в 1959 г. и 9 туров в 1960 г., к 1 июля 8 и 14 соответственно. Разница очевидна. Обратим внимание, что среднее число дней между матчами в сезоне 1959 г. составляло почти 10 дней (9,67), а в сезоне 1960 — 6 дней на первом, предварительном этапе и 6,1 на втором, заключительном⁶¹. Иными словами, три месяца первенства были вполне достаточным сроком для проявления последствий увеличения числа команд. Найденная зависимость успехов сборной от числа игр в национальном первенстве отражает важность в спорте не только тренировок, но и еще большую важность состязаний⁶². Роль числа матчей для ключевых показателей спортивной лиги уже отмечалась в специальной литературе⁶³.

Как обнаружено в исследовании, важным предиктором международного успеха сборной является коэффициент атакующего футбола. Сложность вычисления этого показателя/статистики делает сложным его интерпретацию. Какие управленческие действия могли повлиять на него? Для более содержательного понимания этого коэффициента была использована программа WizWhy для

⁶¹ Вычислялось по расписанию матчей чемпиона предшествующего года.

⁶² Поэтому резкое сокращение футбольной лиги в 1952 г. было одним из важнейших причин поражения сборной на Олимпиаде.

⁶³ Ben-Naim E., Vazquez F., Redner S. What is the most competitive sport? Physics>Data Analysis, Statistica and Probability. arXiv.org > physics > arXiv:physics/0512143. Cornell University. 2005.

выяснения того, с какими другими переменными и как связан данный показатель.

Исследование показало, что данный коэффициент связан обратной зависимостью с долей ничьих и прямой зависимостью с уровнем состоятельности. Т.е. чем больше ничьих в первенстве, тем ниже коэффициент атакующего футбола, и, наоборот, чем больше неравенство команд в турнире/лиге, тем выше коэффициент атакующего футбола в ней. Следовательно, действия, направленные на уменьшение количества ничьих или увеличение неравенства способствуют росту коэффициента атаки. Увеличение команд во время реформы косвенно благоприятствовало росту важности забитых мячей по сравнению с пропущенными, поскольку неравенство команд увеличилось за счет притока менее опытных команд. Также борьба с «ничейной болезнью», организованная в следующем десятилетии, косвенно должна ассоциироваться с борьбой за торжество атаки. Во времена рассматриваемой реформы данная тема не была на повестке дня.

Время с середины 1950-х гг. до середины 1960-х справедливо называют «золотым веком» советского футбола. Рассматривая это десятилетие более подробно, мы видим, что в истории нет абсолютной предопределенности, и были моменты (моменты с точки зрения истории, а не человека), когда дальнейший ее ход мог бы сложиться иначе. Определенную роль в этом сыграли действия по управлению отечественным футболом (как положительную, так и отрицательную). Советский футбол не занял первые позиции в европейском и мировом сообществе, но уверенно входил в группу лучших, сохраняя зримые черты своеобразия и обаяния, которые помнят и сейчас не только на Родине. Своеобразия и культурного, и социального, и идеологического. Например, в английской прессе и ранее и сейчас активно используется (без перевода!) слово «стахановец»: стахановцем называют великого английского футболиста Стэнли Мэтьюза⁶⁴, который первым из футболистов был пожалован в 1965 г. королевой Елизаветой II рыцарским званием, а про недавнюю английскую суперзвезду Дэвида Бекхэма известная британская газета «Гардиан» написала «стахановское свечение Бекхэма»⁶⁵.

⁶⁴ SRIJANDEEP DAS. Magician, Stakhanovite, Stanley Matthews: A Brief History of English Football's Anxiety — Part 3. OCTOBER 20, 2017. // Football Paradise. <https://www.footballparadise.com/merlin-miner-stakhanovite-stanley-matthews-a-brief-history-of-english-footballs-anxiety-part-3/> (дата обращения 15.10.2020).

⁶⁵ Walker M. Beckham a shining captain of industry. How England's players rated // The Guardian. Mon. 8 Oct. 2001. <https://www.theguardian.com/football/2001/oct/08/sport.England1> (дата обращения 15.09.2020).

Не говоря уж о том, что о золотом веке советского футбола пишутся книги, снимаются фильмы, вспоминают болельщики.

Проведенный анализ показал, что не только могущественные партийные механизмы, но и конкретные технические, организационные, оперативные решения по управлению футболом могут приводить к долговременным стратегическим последствиям. Создание эконометрической модели на основе 31 сезона высшей лиги (класса «А» до 1971 г.) на основе эндогенных переменных позволяет обосновано утверждать, что увеличение количества команд в лиге статистически значимо вело к улучшению международной репутации национальной сборной. Тем самым, главное новшество реформаторов 1959 г. — понимали ли они это или нет — способствовало достижению высоких спортивных и имиджевых рубежей национальной сборной, и, соответственно, отказ от реформы был одной из существенных причин ухудшения международных показателей советского футбола. Использование методов искусственного интеллекта подтверждает данный вывод и позволяет раскрыть более сложные и менее заметные управленческие факторы, влияющие на достижение поставленных целей.

Список литературы

Астахова М., Кошелева Л. Дебют СССР на XV Олимпийских играх: кто принимал решение об участии // Родина. 2014. № 1.

Вартамян А. Хет-трик Бориса Аркадьева // История чемпионатов СССР (1936–1991). <https://document.wikireading.ru/35478>

Вартамян А. Нарушив все каноны // История чемпионатов СССР (1936–1991). <https://document.wikireading.ru/35490>

Вартамян А. Матчу века — 60! / Летопись Акселя Вартамяна // Спорт-Экспресс. Футбол. 21 августа. 2015. <https://www.sport-express.ru/football/reviews/908851/>

Вартамян А., Юдин Ю., Калинин В. История чемпионатов СССР (1936–1991. iBooks.

Ватлин А.Ю. Вхождение СССР в олимпийское движение // Вестн. Российского Международного Олимпийского ун-та. 2015. № 3 (16).

Вит А., Радчук Г. Большой разговор // Футбол. 1964. № 3.

Гранаткин В.А. Некоторые итоги и перспективы // Футбол. 1960. № 30.

Душанин А. Физкультура и спорт: оптимальна ли система управления? // Российский стадион. Интернет-газета. 23.05.2019 <https://stadium.ru/reportsandcomments/experts/26400?P=first&theme=217>

Дюфрес С. Спортивные знаменитости: возникновение и развитие феномена в СССР // Социология власти. 2018. 30 (2): 83–100. doi: 10.22394/2074-0492-2018-2-83-100.

Есенин К.С. Футбол: сборная СССР. М., 1983.

Жирнов Е. «Выглядит в известной мере как обман населения». Кто делал ставку на создание всесоюзного тотализатора. // Коммерсантъ. 09.03.2018 <https://www.kommersant.ru/doc/3569122>)

Игра миллионов под партийным контролем: Советский футбол по документам ЦК КПСС / Под ред. Н.Г. Томилиной и М.Ю. Прозуменщикова. Составители: И.В. Казарина, Т.Ю. Конова, М.Ю. Прозуменщиков. М.: МФД, 2017.

Каширин Д.А. От провала к триумфу: роль системы управления советским футболом в середине 1950-х годов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2020. № 1.

Петрунин Ю.Ю. Антропный принцип в науке о спорте // Вопросы философии. 2019. № 9. doi: 10.31857/S004287440006325-2.

Петрунин Ю.Ю. Конкурентный баланс и реформа сезонности в российском профессиональном футболе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2019. № 2. С. 111–112.

Петрунин Ю.Ю. Управление эффективностью в футболе // Государственное управление. Электронный вестн. 2012. № 35.

Петрунин Ю.Ю., Рязанов М.А. Как выиграть чемпионат мира. Методы математической статистики в управлении национальным футболом. М., 2015.

Прозуменщиков М.Ю. Большой спорт и большая политика. М., 2004.

Прозуменщиков М.Ю. Обратная сторона советского футбола // Игра миллионов под партийным контролем: Советский футбол по документам ЦК КПСС / Под ред. Н.Г. Томилиной и М.Ю. Прозуменщикова. Составители: И.В. Казарина, Т.Ю. Конова, М.Ю. Прозуменщиков. М.: МФД, 2017.

Хорошева А. «Пролетарская» Спартакиада 1928 года и «буржуазное» олимпийское движение // Свободная мысль. 2018. № 2 (1668).

Хорошева А.В. Деятельность Красного Спортивного Интернационала в 1933–1937 гг. // Российская история. 2018. № 6.

Эдельман Р. Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР. Перевод с англ. И.С. Давидян. М.: Советский спорт, АИРО-XXI, 2008.

Arrow K.J. Social Choice and individual values. N.Y.: Wiley, 1951.

Ben-Naim E., Vazquez F., Redner S. What is the most competitive sport? Physics>Data Analysis, Statistica and Probability.arXiv.org>physics>arXiv:physics/0512143. Cornell University. 2005.

Clifton D. 80,000 See Russia Top West German Eleven, 3-2 // The New York Times, Aug. 22, 1955.

Clifton D. Soviet Stresses Germans' Amity // The New York Times, Aug. 21, 1955.

Downing D. Passovotchka: Moscow Dynamo in Britain, 1945. Bloomsbury UK. 1999. Перевод на русский: Даунинг Д. Пассовочка. Турне московского «Динамо» по Британии, 1945. М.: Издатель А. Ельков, Перевод с английского, оформление Андрей Ельков. 2015.

Dufraisse S. Les Héros du sport. Une histoire des champions soviétiques (années 1930 — années 1980). Ceyzérieu: Champ Vallon, 2019.

Edelman R. Spartak Moscow: A History of the People's Team in the Workers' State. Cornell University Press. 2009.

Gilmour J., Clement B. E. "If you want to be like me, Train!" // Russian Masculinities in History and Culture, ed. Barbara Evans Clement, Rebecca Friedman, and Dan Healy. NY.: Palgrave, 2002.

Mertin E. Presenting Heroes: Athletes as Role Models for the New Soviet Person // The International Journal of the History of Sport. 2009. Vol. 26. Issue 4.

O'Mahony M. Sport in the USSR, Physical Culture-Visual Culture. Londres: Reaktion books. 2006.

Petrinin Yu. Yu., Siluyanova Yu. A. Data analysis in evaluation the effectiveness of governance in sports // 12th International Symposium on Computer Science in Sport Book of Abstracts. 2019.

Riordan J. Soviet Sport and Soviet Foreign Policy // Soviet Studies. Vol. 26. No 3. (Jul., 1974).

Riordan J. Sport in Soviet Society: development of sport and physical education in Russia and the USSR. Cambridge; NY.: Cambridge University Press, 1977.

SRIJANDEEP DAS. Magician, Stakhanovite, Stanley Matthews: A Brief History of English Football's Anxiety — Part 3. OCTOBER 20, 2017. // Football Paradise. <https://www.footballparadise.com/merlin-miner-stakhanovite-stanley-matthews-a-brief-history-of-english-footballs-anxiety-part-3/>

Walker M. Beckham a shining captain of industry. How England's players rated // The Guardian. Mon. 8 Oct. 2001. <https://www.theguardian.com/football/2001/oct/08/sport.England1>

Wright C. The Beautiful Game as a Soviet Game: Sportsmanship, Style, and Statecraft during the Golden Age of Soviet Soccer. Dissertation. Graduate School. University of Montana, Missoula. 2018.

Zeller M. Sport and Society in the Soviet Union: The Politics of Football after Stalin (Library of Modern Russia). L., NY.: I.B. Tauris, 2018.

А.А. Сидорова*

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИЙ

Статья посвящена проблемам развития высшего образования в цифровой экономике, в частности — возможностям применения блокчейн-технологий в университетах. Распространение современных информационных технологий оказывает серьезное влияние на сущность процессов, в которые они внедряются, вызывая вследствие этого изменения в организационной структуре, регламентах исполнения функций, структуре должностей, а также квалификационных требованиях. В этой связи представляется актуальным провести анализ блокчейна — технологии, являющейся новой для сферы образования и обладающей, по мнению ряда экспертов, высоким потенциалом. В статье рассматривается механизм блокчейн-обучения, основные компоненты блокчейна в образовательном процессе вуза, а также дается подробный анализ преимуществ и рисков применения данных технологий. Главными преимуществами блокчейна являются децентрализованное хранение данных и невозможность их изменения или удаления, что является особенно актуальным ввиду нарастания объема данных, ускоренного массовым переходом на дистанционное обучение из-за пандемии COVID-19. Ограничениями применения блокчейн-технологий являются: проблемы, связанные с обеспечением безопасности применения блокчейна (с технологической точки зрения), недостаточная информированность общества о сущности блокчейна, а также часто возникающее его негативное восприятие (вследствие ошибочного приравнивания данной технологии исключительно к майнингу и операциям с криптовалютой). Вместе с тем, применение блокчейна в вузах представляется перспективным, ввиду общей тенденции цифровизации образования и развития цифровых образовательных организаций (организаций, в которых посреднические структуры заменяются алгоритмами и информационными системами), однако на данном этапе оно будет ограничено отдельными сферами, связанными с организацией хранения большого массива данных.

* Сидорова Александра Александровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и методологии государственного и муниципального управления, факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ; e-mail: Sidorova_A@sipa.msu.ru

Ключевые слова: цифровая экономика, высшее образование, блокчейн, цифровизация, цифровая образовательная организация, цифровой университет, биткойн.

The article is devoted to the problems of the development of higher education in the digital economy, in particular, to the possibilities of using blockchain technology in universities. The proliferation of modern information technologies has a serious impact on the essence of the processes in which they are being implemented, as a result of this, causing changes in the organizational structure, regulations and qualification requirements. In this regard, it seems relevant to analyze the blockchain — a technology that is new for the education sector and has, according to a number of experts, high potential. The article examines the mechanism of blockchain, the main components of the blockchain in the educational process of the university, and also provides a detailed analysis of the benefits and risks of these technologies. The main advantages of the blockchain are the decentralized storage of data and the impossibility of changing or deleting them, which is especially relevant due to the increase in the volume of data, accelerated by the massive transition to distance learning due to the COVID-19 pandemic. Limitations of the use of blockchain are: problems associated with ensuring the security of the use of the blockchain (from a technological point of view), insufficient public awareness of the essence of the blockchain, as well as its frequent negative perception (due to the erroneous equating of this technology exclusively to mining and operations with cryptocurrency). At the same time, the use of blockchain in universities seems promising, in view of the general trend of digitalization of education and the development of digital educational organizations (organizations in which intermediary structures are replaced by algorithms and information systems), but at this stage it will be limited to certain areas related to the organization of storage of large data array.

Keywords: Digital Economy, Higher Education, Blockchain, Digitalization, Digital Education Institution, Digital University, Bitcoin.

Введение

Становление цифровой экономики, влекущей за собой многоуровневую глубокую трансформацию всей социально-экономической системы на основе цифровых технологий, оказывает непосредственное влияние и на сферу образования. Причем основные направления изменений являются общими для всех сфер жизнедеятельности человека, несмотря на то, что протекают эти процессы нелинейно и с разными скоростями. Так, если в начале XXI в. под цифровой экономикой понималось ведение бизнеса в электронной среде — т.е. без изменения характера и внутренней сущности

процессов, то современные реалии показывают их значительную сущностную трансформацию¹.

Схожие изменения происходят в сфере образования. В начале XXI в. информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) рассматривались как дополнение к существующим средствам обучения, позволяющим сделать образовательный процесс более интересным и эффективным без существенных изменений в методике преподавания. В настоящее время становится заметной усиливающаяся тенденция трансформации внутренних процессов (как в сфере педагогики, так и в сфере управления образованием) в школах и университетах. Пандемия коронавируса COVID-19 и вынужденный быстрый переход к онлайн-обучению только ускорили развитие данных трендов и показали необходимость реформирования организации образовательной деятельности в новых социально-экономических условиях.

Сам термин «цифровая экономика», являясь одним из наиболее популярных терминов, описывающих настоящую социально-экономическую действительность, понимается исследователями по-разному. Так, ряд ученых являются приверженцами более узкого, утилитаристского подхода, признавая влияние распространения ИКТ на ряд отраслей, однако отрицая существование «новой экономики как экономического явления» и объясняя происходящие изменения трансформацией традиционной экономики информационными технологиями². Другие исследователи, напротив, рассматривают цифровую экономику в качестве новой парадигмы экономического развития³. Цифровая экономика в этой связи рассматривается как «экономика нового технологического поколения», требующая развития «компетенций 21-го века»: цифровых компетенций, инициативности и предпринимательских компетенций,

¹ Устюжанина Е.В., Сигарев А.В., Шеин Р.А. Цифровая экономика как новая парадигма экономического развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. № 10. С. 1792.

² Просвирина И.И., Тацев А.К. Экономика знаний и современные тенденции использования труда в России // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер.: Экономика и менеджмент. 2014. Т. 8. № 1. С.74.

³ Устюжанина Е.В., Сигарев А.В., Шеин Р.А. Указ. соч.; Зубарев А.Е. Цифровая экономика как форма проявления закономерностей развития новой экономики // Вестн. ТОГУ. 2017. № 4 (47). С. 177–184; Колесник А.П. Социальные системы в цифровой экономике // Стратегии бизнеса. 2018. № 1 (45). С. 3–11; Чумаченко Н.Э. Информационная экономика и новая экономика: общее и особенное, понятийный аппарат и содержание // Вестн. Саратовского гос. социально-экономического ун-та. 2014. № 3 (52). С. 35–39.

а также так называемых softskills (способности выстраивать межкультурные сетевые коммуникации)⁴. При этом у многих экономистов серьезные опасения вызывают преувеличенные ожидания от внедрения ИКТ и абсолютизация данных технологий⁵. Тем не менее, не вызывает сомнений тот факт, что развитие и масштабирование современных информационных технологий оказывает серьезное влияние на сущность процессов, в которые они внедряются, вызывая вследствие этого изменения в организационной структуре, регламентах исполнения функций, структуре должностей, а также квалификационных требованиях.

В этой связи представляется актуальным проводить анализ современных информационно-коммуникационных технологий в разрезе ключевых отраслей еще до их повсеместного внедрения, чтобы предпринять попытку выявления и уточнения их воздействия на социально-экономические процессы.

Целью настоящей статьи является анализ перспектив и ограничений использования блокчейн-технологий, развивающихся в финансовой сфере, для организаций высшего образования.

Особенности применения блокчейн-технологий в сфере образования

Российские и зарубежные исследователи отмечают, что блокчейн-технологии могут активно применяться и быть эффективными не только в сфере финансов, но также и в других секторах экономики. Так, А. Уитекер (A. Whitaker) видит широкие перспективы применения блокчейна в сфере искусства, предвидя последующие изменения в структуре собственности на произведения искусства, а также расширение возможностей государственной и частной

⁴ Шмелькова Л.В. Кадры для цифровой экономики: взгляд в будущее // Дополнительное профессиональное образование в стране и мире, 2016. № 8 (30). С. 1–4.

⁵ Отечественные экономисты Е.Н. Ведута и Т.Н. Джакубова отмечают: «Подход к экономике как «экономике данных» стал популярным среди представителей ИТ-сектора, математиков, работающих над созданием экономико-математических моделей, а также статистиков, использующих некоторые количественные взаимосвязи статистических показателей для составления эконометрических моделей. Создание на основе “Big Data” новых информационных, математических и эконометрических моделей, как и расширение “Big Data”, может быть бесконечным, при этом не иметь никакого отношения к решению экономических проблем, но увеличивать рутинные затраты предприятий на сбор ненужной информации» (Ведута Е.Н., Джакубова Т.Н. Big Data и экономическая кибернетика // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 63. С. 44.

поддержки данной отрасли⁶. Блокчейн также представляется перспективным для городского хозяйства, однако, несмотря на наличие примеров успешного практического применения данных технологий в «умных» городах, исследователи отмечают недостаточную теоретическую проработанность этой проблематики⁷. Блокчейн может также способствовать повышению эффективности городского управления, столкнувшегося с серьезными трудностями в связи с пандемией COVID-19⁸.

В сфере образования возможности применения блокчейн-технологий также положительно оцениваются российскими и зарубежными исследователями, главным образом потому, что данные технологии подходят для «организации синхронного и асинхронного взаимодействия преподавателя и студента университета в среде веб-технологии вуза»⁹. В настоящее время уже есть примеры успешного применения данных технологий в сфере хранения данных об образовании, проверке личности и информационной безопасности, хранении персональных данных обучающихся, а также в области интерактивного обучения и аналитики¹⁰. Остановимся подробнее на механизме блокчейна в образовании.

Блокчейн-обучение основано на децентрализованных учебных контрактах. В своей книге «Блокчейн: схема новой экономики» Мелани Свон подробно описывает механизм блокчейн-обучения: «...Децентрализованная система контрактов может способствовать заключению контрактов на обучение непосредственно с группами

⁶ Whitaker A. Art and Blockchain: A Primer, History, and Taxonomy of Blockchain Use Cases in the Arts // *Artivate*, 2019. No 8 (2). P. 21–46. <https://www.jstor.org/stable/10.34053/artivate.8.2.2> (дата обращения: 10.11.2020).

⁷ Russell H. Sustainable Urban Governance Networks: Data-Driven Planning Technologies and Smart City Software Systems // *Geopolitics, History, and International Relations*, 2020. Vol. 12. No. 2. P. 9–15. URL: www.jstor.org/stable/26939888 (дата обращения: 10.11.2020).

⁸ Scott R., Poliak M., Vrbka J., Nica E. COVID-19 Response and Recovery in Smart Sustainable City Governance and Management: Data-driven Internet of Things Systems and Machine Learning-based Analytics // *Geopolitics, History, and International Relations*. 2020. Vol. 12. No 2. P. 16–22. doi:10.2307/26939889 URL: <https://www.jstor.org/stable/26939889> (дата обращения: 10.11.2020).

⁹ Часовских В.П., Лабунец В.Г., Воронов М.П. Технология «Блокчейн» (blockchain) в образовании вузов и цифровой экономике // *Эко-потенциал*. 2017. № 2 (18). С. 100; Свон М. Блокчейн: схема новой экономики. М.: Издательство «Олимп-Бизнес». 2017. С. 144–161.

¹⁰ Литвин А.А., Корнев С.В., Князева Е.Г. Современные возможности использования технологии блокчейн в системе образования // *Развитие образования*. 2020. № 3 (9). С. 109–110.

студентов или отдельными студентами по пиринговому принципу... Обучающиеся могут получать от благотворителей со всего мира биткойны или другие криптовалюты непосредственно в свои цифровые кошельки... Затем они могут использовать эти средства... на обучение в школах или самообучение. Ключевая составляющая цепочки создания ценности — наличие механизма отчетности ... для проверки достижений обучающихся. Правила, встроенные в умные контракты на обучение, могут автоматически подтверждать завершение учебных модулей посредством стандартизированных онлайн-тестов, включающих подтверждение личности обучающегося... После успешного прохождения теста умный контракт может автоматически инициировать передачу средств на оплату следующих учебных модулей»¹¹.

При этом студенты могут оставлять запросы на финансирование на специализированных платформах, которые могут оплачиваться спонсорами. Данный механизм уже успешно реализуется на краудфандинговых площадках, позволяющих предпринимателям найти необходимое финансирование для реализации своих идей. В качестве примера можно привести опыт работы некоммерческой организации Kiva¹², предоставляющей возможность выдавать беспроцентные займы непосредственно от работодателей заемщикам. Более того, любой университет может выпускать собственную валюту — Campuscoin, используя открытое шаблонное решение. Такая валюта, по мнению сторонников блокчейна, может использоваться для покупки или продажи каких-либо товаров или оказания услуг внутри конкретного университетского сообщества¹³.

В.П. Часовских, В.Г. Лабунец и М.П. Воронов выделяют базовые компоненты блокчейна в образовательном процессе вуза, к которым относятся:

- Криптография (криптошифрование), помогающая обеспечить конфиденциальность (защиту от просмотра третьими лицами), целостность (защиту от стороннего изменения информации), аутентификацию (подтверждение подлинности сторон) информации, а также гарантирующая невозможность отказа сторон информационного взаимодействия от авторства);
- Транзакции — базовые взаимодействия участников образовательного процесса по поводу: расписания занятий, консультаций

¹¹ Свон М. Указ соч. С. 143–144.

¹² Официальный сайт KIVA — <https://www.kiva.org/> (дата обращения: 10.11.2020).

¹³ Свон М. Указ соч. С. 160.

(вопрос-ответ), выбора и фиксации заданий контрольных работ и тем курсовых проектов, загрузки выполненных работ, аттестации и проч.;

- Идентификаторы (студента, преподавателя, времени и проч.);
- Хеш-функция, структура данных и целостность системы;
- Распределенные системы, обеспечивающие «распределенное хранение данных на персональных компьютерах пользователей, связанных между собой и поэтому являющихся частью единой системы»¹⁴, и распределенные соглашения;

- Пиринговые системы (peer-to-peer systems, P2P) — «распределенные системы, состоящие из узлов (персональных компьютеров), которые предоставляют доступ другим узлам системы к своим вычислительным ресурсам, позволяющие их узлам взаимодействовать напрямую, без участия посредников»¹⁵.

В России уже есть опыт применения блокчейн-технологий в сфере образования и науки. В качестве примера можно привести проект «Science Talent — Научный Талант», реализованный АНО «Лаборатория гуманитарных проектов и ООО «Цифровые платежи» (Joys)¹⁶, целью которого является оказание поддержки исследователям (а также — популяризация блокчейн-технологий). Одним из участников проекта является журнал «РУССКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ — RUSSIAN POLITICAL SCIENCE»¹⁷. Алгоритм работы выглядит следующим образом: статье присваивается уникальный

¹⁴ Исследователи отмечают, что «в сравнении с централизованными распределенные системы обладают следующими отличительными чертами: повышение вычислительной мощности; снижение затрат на эксплуатацию при увеличении расхода вычислительных мощностей и затрачиваемых усилий с целью координации системы в целом и для обеспечения коммуникаций внутри системы; высокая надежность системы в сравнении с централизованными системами, но при этом повышенная сложность программного обеспечения, координирующего работу системы; способность развиваться естественным способом (путем включения новых пользователей в систему) и тем самым — почти бесплатно увеличивать вычислительную мощность системы» (Часовских В.П., Лабунец В.Г., Воронов М.П. Технология «Блокчейн» (blockchain) в образовании вузов и цифровой экономике // Эко-потенциал. 2017. № 2 (18). С. 101).

¹⁵ Часовских В.П., Лабунец В.Г., Воронов М.П. Указ. соч. С. 100–104.

¹⁶ Официальный сайт Joys Digital — <https://joys.digital/ru/> (дата обращения: 10.11.2020). Мифы в отношении блокчейн-технологий, а также специфика сервисов Joys раскрыта в статье А. Михайлишина CEO и соучредителя Joys Digital (Mikhailishin A. JOYS — THE SOLUTION FOR THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY OF MODERN STATES // Russian Political Science. 2019. № 1 (10). P. 86–91).

¹⁷ Официальный сайт журнала «РУССКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ — RUSSIAN POLITICAL SCIENCE» — Rupolology.ru (дата обращения: 10.11.2020).

номер, и каждый желающий (подключенный к системе) может перечислить средства создателям публикации (авторам, корректорам, переводчикам), которые должны быть также подключены к системе. Пропорции распределения средств между создателями публикации закладываются в смарт-контракте, в основе которого лежит технология распределенного реестра (блокчейн)¹⁸.

Однако у такого механизма поддержки авторов есть существенные (на данный момент) ограничения, связанные с недостаточной осведомленностью широкой аудитории о блокчейн-технологиях и опасениях, с ними связанных (страх потерять свои деньги или нарушить закон, так как в СМИ превалирует негативное восприятие блокчейн-технологий, что увеличивает степень недоверия к ним). Еще одним ограничением является необходимость совершения дополнительных действий для выполнения транзакции (установить приложение, разобраться в основном функционале и проч.).

В целом же, проблемы распространения блокчейн-технологий в России подтверждаются результатами опроса ВЦИОМ «Отношение представителей культуры, искусства и науки РФ к внедрению инновационных технологий в процессы управления интеллектуальной собственностью в этой сфере», проведенного в 2018 г. Опрос показал, что, несмотря на превалирующий запрос на перемены на рынке интеллектуальной собственности (необходимость изменений в этой сфере отметили 84–85% респондентов), информированность о блокчейн-технологиях была крайне низкой: лишь 3–5% владельцев и пользователей контента полагали, что хорошо знают о них, 58–64% опрошенных «что-то слышали» о данных технологиях¹⁹. При этом следует отметить, что опрос проводился среди представителей целевой аудитории — владельцев и пользователей контента. Если рассматривать более широкую аудиторию, то можно предположить, что доля людей, разбирающихся в блокчейн-технологиях, будет еще ниже.

Преимущества и ограничения применения блокчейн-технологий в образовании

Система образования, по мнению некоторых российских и зарубежных авторов, получит дополнительные преимущества за счет использования технологии Блокчейн 3.0, к которым относятся

¹⁸ Участникам проекта «SCIENCE TALENT — НАУЧНЫЙ ТАЛАНТ» // Русская политология. 2019. № 3 (12). С. 187–188.

¹⁹ «Блокчейн-технологии на российском рынке управления интеллектуальной собственностью», № 3632 (11 апреля 2018 г.) <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9040> (дата обращения: 10.11.2020).

масштабируемость, экономичность, повышение эффективности управленческих функций и проч.²⁰ В целом, «система отслеживания ресурсов при помощи блокчейна позволит автоматически и без задержек оценивать последствия любых транзакций с участием всех вовлеченных сторон и анализировать их на макроуровне»²¹.

В свою очередь, существующие технологии отслеживания «цифрового следа» обучающихся позволяют повысить точность оценки реального объема полученных знаний. Цифровой след представляет собой уникальный набор действий пользователя в Интернете, при этом выделяют два его типа — активный (включающий информацию, который пользователь намеренно публикует в социальных сетях и личных кабинетах на различных сайтах) и пассивный (данные, которые оставляются ненамеренно или вследствие работы программного обеспечения)²². В настоящее время рассматривается возможность законодательного закрепления самого понятия «цифровой след» и регламентации использования активного цифрового следа, в частности — механизма получения согласия пользователя на использование этих данных, доступа к ним и ответственности и обязанностей, возникающих вследствие использования цифрового следа (данные предложения сформулированы в проекте Концепции комплексного регулирования отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики)²³. Но, несмотря на то, что необходимость регулирования подобной информации (цифрового следа и big data) отмечается большинством исследователей и практиков²⁴, представители крупных участ-

²⁰ Воронов М.П., Часовских В.П. Blockchain — основные понятия и роль в цифровой экономике // *Фундаментальные исследования*. 2017. № 9. С. 30–35.

²¹ Свон М. Указ. соч. С. 86.

²² Баленко Е., Посыпкина А. В России предложили менять законодательство с помощью big data, а также регулировать «цифровой след» (12.06.2020) — <https://pro.rbc.ru/news/5d6d2d529a7947132a5e7213> (дата обращения: 10.11.2020).

²³ «Разработка концепции комплексного регулирования (правового регулирования) отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики», разработанная Федеральным государственным научно-исследовательским учреждением «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве российской Федерации (ИЗИСП) от 10 декабря 2018 г. — https://sk.ru/documents/220/%D0%A1%D1%82%D1%80%D1%83%D0%BA%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0_%D0%B8_%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%9A%D0%9D%D0%9F%D0%A0_1_%D1%8D%D1%82%D0%B0%D0%BF.pdf (дата обращения: 10.11.2020).

²⁴ В настоящее время в России законодательно закреплён оборот только персональных данных — то есть информации, которую можно соотнести с конкретным физическим лицом (Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ).

ников рынка (в частности, компаний «МегаФон» и «ВымпелКом»), по данным РБК PRO, высказались против закрепления понятия цифрового следа и отметили необходимость детального анализа указанных в Концепции нововведений²⁵.

С практической точки зрения, использование технологий отслеживания и анализа «цифрового следа» обучающихся в рамках изучения конкретных модулей будет способствовать более комплексной оценке знаний и навыков, полученных в результате прохождения обучения. Речь здесь может идти, в частности, о фиксации действий в рамках конкретных цифровых платформ онлайн-обучения (прохождение тестов, активность на форуме, взаимодействие в чате и проч.). Однако, как и многие другие аспекты развития цифрового образования, связанные с возможностями сбора, хранения и передачей информации, проблема анализа «цифрового следа» является спорной в связи с потенциальным нарушением конфиденциальности личных данных пользователей и отсутствием законодательных рамок осуществления подобной деятельности.

Помимо широко освещенных в литературе проблем, связанных с безопасностью транзакций, необходимо подробнее остановиться на ограничениях самой блокчейн-технологии. В этой связи необходимо разделить ограничения блокчейна, проявляющиеся в финансовой сфере и связанные с операциями с криптовалютами, а также общие риски, связанные с применением данной технологии.

К наиболее уязвимым особенностям данной технологии, проявившимся в финансовой сфере, принято относить:

- «бесцельную» трату вычислительных ресурсов и электроэнергии²⁶. Стоимость майнинга одного биткойна в некоторые периоды превышала реальную стоимость криптовалюты: в четвертом квартале 2018 г. мировые средние затраты на «производство» биткойна колебались на уровне около 4060 долл., а его текущая стоимость составляла на тот момент 3600 долл.²⁷ (однако к осени 2019 г. стоимость 1 биткойна возросла почти в 3 раза и составила 10 058 долл.);

²⁵ Баленко Е., Посыпкина А. Указ. соч.

²⁶ Мелани Свон в своей книге «Блокчейн — схема новой экономики» отмечает, что потраченной в 2013 г. на майнинг биткойнов электроэнергии (около 982 мегаватт-часов в день) было бы достаточно для электропитания 31 тыс. домов в США или половины Большого адронного коллайдера, а ежедневные расходы на майнинг оцениваются в 15 млн долл. в день (Свон М. Указ. соч. С. 131).

²⁷ Расходы на майнинг биткойна превысили его стоимость — <https://naked-science.ru/article/sci/rashody-na-mayning-bitkoina-prevysili> (дата обращения: 10.11.2020).

- технологические ограничения блокчейна, к которым относятся: относительно низкая пропускная способность сети биткойна²⁸, задержка во времени (каждая транзакция с участием блока биткойна обрабатывается 10 мин.), а также постоянное увеличение распределенного журнала записей²⁹;

- проблемы, связанные с обеспечением безопасности транзакций. Среди наиболее серьезных — «атака 51%» (которая станет возможной, если некто получит контроль минимум над 51% вычислительных мощностей, используемых для майнинга, что позволит ему совершать двойную трату собственных биткойнов); проблема конфиденциальности персональных данных; потенциальная возможность взлома эллиптической криптографии, которую использует биткойн.

- необходимость изменения законодательства для легитимизации транзакций, включая вопросы налогообложения. По мнению экспертов, криптовалюты делают традиционные схемы налогообложения неэффективными, ввиду чего предлагается перейти к налогу на потребление³⁰.

Среди потенциальных рисков общего характера, возникающих в процессе внедрения блокчейн-технологий, следует выделить следующие:

- Недостаточная осведомленность пользователей о сущности и особенностях блокчейна (о чем уже было упомянуто выше);

- Восприятие общественностью блокчейна как платформы для отмывания денег и прочей теневой деятельности ввиду «постоянно происходящих краж, скандалов и случаев мошенничества». Так, «в октябре 2014 г. исполнительный директор Moolah исчез с 1,4 млн долл. в биткойнах, в июле было украдено 2 млн долл. в валюте Vericoин, в июне — 620 тыс. долл. в результате майнинг-атаки на Dogecoin»³¹, в марте 2019 г. Минюст США предъявил обвинение в создании «криптовалютной пирамиды» сооснователю компании OneCoin Константину Игнатову, ущерб от действий которого насчитывает млрд долл.³²). Помимо этого, ряд исследователей говорит

²⁸ Сеть биткойна обрабатывает 1 транзакцию в секунду (т/с), текущий (на 2016 г.) теоретический максимум — 7 т/с. Для примера, у VISA обычная нагрузка — 2 тыс. т/с, пиковая — 10 тыс. т/с) (Свон М. Указ. соч. С. 172).

²⁹ В конце 2014 г. размер распределенного журнала записей биткойна составил 25 ГБ, а в начале 2016 г. — более 60 ГБ. (Свон М. Указ. соч. С. 173).

³⁰ Свон М. Указ. соч. С. 182.

³¹ Там же. С. 174, 179–180, 183.

³² В США арестован сооснователь OneCoin Константин Игнатов (10 марта 2019 г.) URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=3124541> (дата обращения: 10.11.2020).

об использовании блокчейн-технологий террористическими организациями³³.

Помимо вышеперечисленных ограничений, в контексте рассмотрения возможностей использования блокчейн-технологии в образовании следует затронуть вопрос о морально-этических нормах контроля. Современные ИКТ предоставляют широкие возможности для отслеживания, фиксации и автоматической, «машинной» аналитики, которые часто вступают в конфликт с защитой частной жизни. Можно привести случай с молодым американцем, которого обвинили в нескольких кражах из магазинов компании Apple. Обвинение было построено на системе распознавания лиц, установленной в магазинах, и, вероятно, ошибочно связавшей персональные данные молодого человека с внешностью грабителя. Молодой человек принял решение подать в суд на компанию Apple и потребовал взыскать с нее 1 млрд долл.³⁴ Думается, что подобная «механизация» принятия решений, в особенности в таких сферах, как образование, где особенно важна роль педагога, наставника, системы воспитания, привития норм должного поведения в социуме, таит в себе больше опасностей, чем преимуществ.

К вопросу о развитии цифровых образовательных организаций в России

В научных кругах также активно обсуждается необходимость разработки нового закона о цифровом образовании, в котором бы закреплялись основы функционирования цифровых образовательных организаций. Ключевая особенность таких организаций заключается в том, что они не будут иметь привычной и обязательной инфраструктуры — аудиторного фонда, помещений библиотеки, столовых, общежитий и проч., а будут иметь только информационные системы, обслуживающих их сотрудников и управленческий аппарат³⁵. Именно ввиду этих особенностей цифровые образовательные организации не будут отвечать общим требованиям

³³ *Krishnan A.* Blockchain Empowers Social Resistance and Terrorism Through Decentralized Autonomous Organizations // Journal of Strategic Security 13. 2020. No. 1. P. 41–58. URL:<https://www.jstor.org/stable/26907412> (дата обращения: 10.11.2020).

³⁴ *Таиров Р.* Пойман не вор. Студент требует с Apple \$1 млрд за ошибку системы распознавания лиц (23.04.2019) URL:<https://www.forbes.ru/tehnologii/375205-royman-ne-vor-student-trebuets-s-apple-1-mlrd-za-oshibku-sistemy-raspoznavaniya-lic> (дата обращения: 10.11.2020).

³⁵ *Молчанов А.* Блокчейн в образовании. Почему закон о цифровом образовании устарел еще до того, как его разработали — <https://edexpert.ru/molchanov> (дата обращения: 10.11.2020).

российского законодательства, соблюдение которых необходимо для получения лицензии на осуществление образовательной деятельности³⁶. Вместе с тем в России предусмотрен механизм развития инновационных форм образовательной деятельности, не отвечающих части формальных требований, являющихся, однако, перспективными с позиций развития всей системы образования в целом. Создание и функционирование подобных образовательных организаций разрешено, например, в инновационном центре «Сколково», так как образовательная деятельность, осуществляемая частными образовательными организациями на его территории, не подпадает под действие требований к образователям организациям, обозначенным в Федеральном законе «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 22.04.2011 N 99-ФЗ (п. 4 ст. 1).

В качестве примера можно привести Автономную некоммерческую организацию «Университет Национальной технологической инициативы 2035», учрежденную «Агентством стратегических инициатив по продвижению новых проектов». Университет 20.35 сочетает в себе исследовательскую организацию, ИТ-компанию и «образовательную организацию нового сетевого типа», в которой нет «своих преподавателей, аудиторий и даже образовательных ресурсов»³⁷, так как университет опирается в своей деятельности на необходимые ресурсы других образовательных организаций, компаний и отдельных экспертов для реализации конкретных проектов и достижения конкретных результатов. Такой подход к организации образовательной деятельности кардинально отличается от классического университета, однако именно благодаря такому подходу к организации своей деятельности Университету 20.35 удастся решать конкретные задачи, в частности — создавать и масштабировать гибкие, практико-ориентированные образовательные форматы, развивать способы передачи знаний о технологиях «из первых рук», а также формировать общую сетевую образовательную среду, в которую включены все заинтересованные стороны — университеты, школы, бизнес.

Несомненной заслугой в деятельности подобных организаций является создание инновационных подходов в образовании без раз-

³⁶ В частности, статьи 91 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», Положения о лицензировании образовательной деятельности, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 28.10.2013 № 966.

³⁷ Официальный сайт Университета 20.35 — <https://2035.university/about/> (дата обращения: 10.11.2020).

рушения действующей системы и ломки образовательных традиций. Подобные образовательные организации обладают широкими возможностями разработки и апробации инновационных форматов организации и проведения обучения, подготовки специалистов, обладающих уникальным набором компетенций для цифровой экономики, а также осуществления консалтинговой деятельности и помощи в решении конкретных проблем вузов и школ. И все это — в рамках сложившейся системы образования, так как любые резкие и быстрые трансформации в образовании приводят к снижению эффективности деятельности образовательных организаций и падению качества подготовки кадров.

Заключение

Образование считается одной из наиболее приверженных традициям сфер, и в этой связи маловероятно, что масштабный переход на новые технологические платформы и связанная с этим коренная перестройка учебного и административного процессов будут носить массовый характер, в особенности — в ближайшем будущем. Безусловно, какие-то университеты могут пойти на апробацию блокчейна или выпуск собственной криптовалюты, как это сделал Массачусетский технологический институт, быстро распространив определенное количество биткойнов среди широкой массы студентов, чтобы стимулировать ознакомление, выработку доверия и принятие новой валюты.³⁸ Однако маловероятно, что все университеты начнут активно внедрять такого рода инновации, не имея, к тому же, поддержки со стороны государства.

Представляется, что использование блокчейн-технологий в вузах в ближайшем будущем будет ограничено отдельными сферами, например — организацией хранения большого массива данных (эта проблема особенно остро встает в связи переходом на дистанционно обучение из-за пандемии коронавируса COVID-19 и перевода занятий в онлайн). Вместе с тем, ряд исследователей отмечает, что в перспективе блокчейн может существенно упростить организационно-техническую сторону процесса обучения, например, автоматизировав перезачет оценок при переходе в другой вуз, снизить нагрузку по ведению и учету успеваемости студентов, а также сформировать более эффективную систему сотрудничества с работодателями³⁹.

³⁸ *Свон М.* Указ. соч. С. 160.

³⁹ *Кузнецова В.П., Бондаренко И.А.* Блокчейн как инструмент цифровой экономики в образовании // *Journal of Economic Regulation*. 2018. Т. 9. № 1. С. 107.

В сфере российского государственного и муниципального управления блокчейн-технологии уже используются⁴⁰. Например, московский проект «Активный гражданин»⁴¹, созданный по инициативе Правительства Москвы, стал применять технологию блокчейн, чтобы повысить уровень доверия к голосованиям и гарантировать неизменность данных. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) как исследовательская организация также планировал применять блокчейн для хранения данных опросов, чтобы обеспечить сохранность информации, не допустить фальсификации и снизить эффективность хакерских атак.⁴² Принципиальное значение при внедрении подобных технологий имеют рациональная обоснованность и адекватность потенциальным выгодам и издержкам. Непродуманное внедрение новых технологий «по моде времени» чревато, в лучшем случае, их отторжением, а в худшем — изменениями в системе, снижающими ее эффективность в целом.

Возвращаясь к проблемам цифровизации образования, необходимо отметить, что речь здесь идет не об оцифровке контента, а о замене посреднических процедур алгоритмами и информационными системами. Такие изменения не могут и не должны быть стремительными, так как, помимо затрат на покупку оборудования и обучение персонала, они повлекут за собой сокращения сотрудников. Что же касается опасений, что образовательная организация «потеряет собственные стены»⁴³, опыт дистанционного обучения в 2020 г. показал, что они преждевременны. Даже несмотря на очевидные преимущества онлайн-обучения (главным из которых в контексте пандемии стала безопасность), возвращения в аудиторию

⁴⁰ Подробнее о других аспектах цифровой трансформации государственного управления см.: *Косоруков А.А.* Роботизация в контексте цифровой трансформации государственного управления в Российской Федерации // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 11 (51). С. 2388–2397; *Купряшин Г.Л., Шрамм А.Е.* О проблемах информатизации в бюрократических системах и развитии общегосударственных информационных систем // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 80. С. 22–48.

⁴¹ Проект «Активный гражданин» — площадка для проведения открытых референдумов в электронной форме, созданная по инициативе Правительства Москвы. — <https://ag.mos.ru/blockchain> (дата обращения: 10.11.2020).

⁴² ВЦИОМ использует блокчейн для проведения опросов на выборах (05.03.2018) — <https://www.rspectr.com/novosti/53115/vciom-ispolzuet-blokchejn-dlya-provedeniya-oprosoy-na-vyborah> (дата обращения: 10.11.2020).

⁴³ *Молчанов А.* Блокчейн в образовании. Почему закон о цифровом образовании устарел еще до того, как его разработали — <https://edexpert.ru/molchanov> (дата обращения: 10.11.2020).

ждет большая часть преподавателей и студентов. Несмотря на то, что качество преподавания и освоения студентами материала остается на высоком уровне, другие (не менее важные) составляющие образовательного процесса в университете — общение, социализация, психологический комфорт, вовлеченность в образовательный процесс преподавателей и студентов и проч. — в онлайн-обучении реализуются труднее.

Таким образом, инновационные технологии в образовании (включая блокчейн-технологии) должны, во-первых, проходить апробацию в рамках пилотных проектов, а во-вторых, соответствовать базовым принципам и критериям образовательной деятельности — как деятельности, формирующей основу для будущего страны и мира.

Список литературы

Баленко Е., Посыпкина А. В России предложили менять законодательство с помощью big data, а также регулировать «цифровой след» (12.06.2020) — <https://pro.rbc.ru/news/5d6d2d529a7947132a5e7213>

Ведута Е.Н., Джакубова Т.Н. Big Data и экономическая кибернетика // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 63. С. 43–66. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2017/vipusk__63__avgust_2017_g./strategii_zifrovoi_ekonomiki/veduta_dzhakubova.pdf

Воронов М.П., Часовских В.П. Blockchain — основные понятия и роль в цифровой экономике // Фундаментальные исследования 2017. № 9. С. 30–35.

Зубарев А.Е. Цифровая экономика как форма проявления закономерностей развития новой экономики // Вестн. ТОГУ. 2017. № 4 (47). С. 177–184.

Колесник А.П. Социальные системы в цифровой экономике // Стратегии бизнеса, 2018. № 1 (45). С. 3–11.

Косоруков А.А. Роботизация в контексте цифровой трансформации государственного управления в Российской Федерации // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 11 (51). С. 2388–2397.

Кузнецова В.П., Бондаренко И.А. Блокчейн как инструмент цифровой экономики в образовании // Journal of Economic Regulation. 2018. Т. 9. № 1. С. 102–109.

Купряшин Г.Л., Шрамм А.Е. О проблемах информатизации в бюрократических системах и развитии общегосударственных информационных систем // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 80. С. 22–48. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2020/vipusk__80__ijun_2020_g./problemi_upravlenija_teorija_i_praktika/kupryashin_schramm.pdf

Литвин А.А., Корнев С.В., Князева Е.Г. Современные возможности использования технологии блокчейн в системе образования // Развитие образования. 2020. № 3 (9). С. 107–114.

Просвирина И.И., Тащев А.К. Экономика знаний и современные тенденции использования труда в России // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер.: Экономика и менеджмент. 2014. Том 8. № 1. С.73–77.

Свон М. Блокчейн: схема новой экономики. М.: Издательство «Олимп-Бизнес», 2017.

Устюжанина Е.В., Сигарев А.В., Шейн Р.А. Цифровая экономика как новая парадигма экономического развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13, № 10. С. 1788–1804.

Часовских В.П., Лабунец В.Г., Воронов М.П. Технология «Блокчейн» (blockchain) в образовании вузов и цифровой экономике // Эко-потенциал, 2017. № 2 (18). С. 99–105.

Чумаченко Н.Э. Информационная экономика и новая экономика: общее и особенное, понятийный аппарат и содержание // Вестн. Саратовского гос. социально-экономического ун-та. 2014. № 3 (52). С. 35–39.

Шмелькова Л.В. Кадры для цифровой экономики: взгляд в будущее // Дополнительное профессиональное образования в стране и мире. 2016. № 8 (30). С.1–4.

Krishnan A. Blockchain Empowers Social Resistance and Terrorism Through Decentralized Autonomous Organizations // Journal of Strategic Security 13. 2020. No. 1. P. 41–58. URL: <https://www.jstor.org/stable/26907412>

Mikhailishin A. JOYS — THE SOLUTION FOR THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY OF MODERN STATES // Russian Political Science. 2019. № 1 (10). P. 86–91.

Russell H. Sustainable Urban Governance Networks: Data-Driven Planning Technologies and Smart City Software Systems // Geopolitics, History, and International Relations. 2020. Vol. 12. No. 2. P. 9–15. URL: www.jstor.org/stable/26939888

Scott R., Poliak M., Vrbka J., Nica E. COVID-19 Response and Recovery in Smart Sustainable City Governance and Management: Data-driven Internet of Things Systems and Machine Learning-based Analytics // Geopolitics, History, and International Relations, 2020. Vol. 12. No. 2. P. 16–22. doi:10.2307/26939889 URL: <https://www.jstor.org/stable/26939889>

Whitaker A. Art and Blockchain: A Primer, History, and Taxonomy of Blockchain Use Cases in the Arts // Artivate. 2019. No. 8 (2). P. 21–46. <https://www.jstor.org/stable/10.34053/artivate.8.2.2>

В.Ю. Шайгарданова, Ю.З. Шайгарданов*

ИНДУСТРИЯ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА РОССИИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Цифровая экономика — относительно новое явление, концепцию которого ученые начали обсуждать в конце XX в. и обсуждают до сих пор. Но цифровые технологии развиваются настолько стремительно и настолько стремительно внедряются во все сферы жизни мирового сообщества, что можно утверждать: цифровая экономика, понимаемая специалистами то в широком, то в узком смысле, является состоявшимся фактом. Россия не может игнорировать общемировые технологические тенденции, ибо сегодня уже очевидно, что «цифра» начала определять международную конкурентоспособность не только отдельных компаний, но и целых отраслей и даже стран. Российская индустрия туризма и гостеприимства интернациональна по сути и подвержена цифровизации на основе передовых технологий, рассчитывая удовлетворить запросы даже самых взыскательных туристов из стран с развитой туриндустрией. Вместе с тем форсирование цифровой экономики сопряжено с серьезными социально-политическими рисками. В статье проанализированы взгляды представителей науки, бизнеса и социума на проблему развития цифровой экономики в России, изучен уровень доверия российского социума к цифровым инновациям и уровень подготовленности к их использованию. Особое внимание уделено технологическим инновациям в индустрии туризма и гостеприимства.

Ключевые слова: цифровая экономика, информационно-коммуникационные технологии, технологические инновации, туризм, гостеприимство.

The digital economy is a relatively new phenomenon. Scientists began discussing the concept of the digital economy at the end of the 20th century and are still discussing. But digital technologies are developing so rapidly and are so rapidly being introduced into all spheres of life of the world community that

Шайгарданова Вероника Юрьевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Туризм, гостиничный и ресторанный сервис» Института экономики и сервиса ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация; *e-mail:* ver579@yandex.ru

Шайгарданов Юрий Закирович — кандидат физико-математических наук, ученый секретарь Института математики с вычислительным центром УФИЦ РАН г. Уфа, Российская Федерация; *e-mail:* yshaigard@mail.ru

it can be argued that the digital economy, understood by specialists either in a broad or in a narrow sense, is an established fact. Russia cannot ignore global technological trends, since today it is already obvious that “digital” has begun to determine the international competitiveness of not only individual companies, but entire industries and even countries. The Russian tourism and hospitality industry is international in nature. It is prone to digitalization, because it wants to satisfy the needs of even the most discerning tourists from countries with a developed tourism industry. At the same time, forcing the digital economy is associated with serious socio-political risks. The article analyzes the views of representatives of science, business and society on the problem of the development of the digital economy in Russia, studies the level of trust of the Russian society in digital innovations and the level of preparedness for their use. Particular attention is paid to technological innovation in the tourism and hospitality industry.

Keywords: digital economy, information and communication technologies, technological innovation, tourism, hospitality.

Введение

В последние десятилетия перспективы развития мировой экономики не в последнюю очередь связаны с цифровыми технологиями.

Обсуждение концепции цифровой экономики начались в конце XX в. В 1994 г. была подготовлена к печати книга канадского экономиста Дона Тапскотта (Don Tapscott) «Цифровая экономика» (“Digital Economy”). Определения цифровой экономики автор не дал, но он объяснил понятие «сетевой интеллект» (“Networked Intelligence”) — взаимодействие людей посредством сетевых технологий, которое способно объединить «интеллект, знания и творчество для совершения прорыва в создании общественного капитала и благополучия»¹. Автор также сконцентрировал внимание на снижении транзакционных издержек и возникновении новых бизнес-моделей, приводящих к исключению посредников за счет прямого взаимодействия между потребителем и поставщиком².

В 1995 г. вышла книга профессора Николаса Негропonte (Nicholas Negroponte) из Массачусетса «Цифровое существование» (“Being Digital”). В этом издании впервые была представлена концепция цифровой экономики — «переход от обработки атомов,

¹ Бухт Р, Хикс Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики // Вестн. международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. Т. 13. № 2. С. 148.

² Козырев А.Н. Цифровая экономика и цифровизация в исторической ретроспективе // Цифровая экономика. 2018. № 1. С. 6; Бухт Р, Хикс Р. Указ. соч. С. 148.

составляющих материю физических веществ, к обработке битов, составляющих материю программных кодов»³.

С тех пор в многочисленных публикациях предлагались различные варианты определения цифровой экономики. Как отмечает обобщивший эту информацию З.В. Басаев, в расширенной трактовке термин понимается как часть социально-экономических отношений, «связанных с производством, распределением, обменом и потреблением информационных технологий». Проще говоря, данный подход охватывает любые виды экономической деятельности, если они реализуются с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Чаще же термин трактуется как вид экономической деятельности, базирующийся на «новых методах обработки, хранения и передачи данных»⁴. В данном контексте о цифровой экономике можно говорить лишь в случае, если ИКТ применяются экстенсивно (т.е. конкретный вид экономической деятельности без цифровых технологий невозможен или в основном невозможен)⁵.

Широкая трактовка термина «цифровая экономика» нередко вызывает критику. Высказывается, в частности, мнение, что основой экономики в наши дни, как и прежде, является материальное производство, ибо люди живут не в виртуальном, а реальном мире, и цифровые технологии, которые все шире применяются в различных отраслях, «могут лишь совершенствовать материальное производство, но не отменять его»⁶.

Узкая трактовка снимает обозначенную проблему, но констатирует, что сформировалась и продолжает развиваться самостоятельная цифровая отрасль. Речь идет, прежде всего, о производстве электронного оборудования, внедрении программного обеспечения, оказании информационных услуг и пр. Кроме того, появляются новые виды экономической деятельности, порожденные цифровыми технологиями. В частности, специалисты обращают внимание на специфическую деятельность платформенных компаний (например, Google), в том числе платформенных компаний, занятых торговлей материальными товарами (например, Amazon, eBay). В литературе подчеркивается, что цифровая экономика включает деятельность на стыке с традиционной экономикой, если компания непосредственно в материальном производстве не задействована, но обеспечивает

³ Басаев З.В. Цифровизация экономики: Россия в контексте глобальной трансформации // Мир новой экономики. 2018. № 4. С. 33.

⁴ Там же.

⁵ Бухт Р., Хикс Р. Указ. соч. С. 154–155.

⁶ Разуновская Н.Д., Рябиченко Л.А., Четверякова О.Н. Цифровая экономика. М.: Графика, 2018. С. 11.

цифровую платформу. Так, компания в сфере автоуслуг Uber — это агрегатор (онлайн-ресурс), координирующий продавцов и покупателей в реальном времени. Деятельность такого рода рассматривается как часть цифровой экономики, ибо без цифрового фундамента данная бизнес-модель не работает⁷. Цифровая экономика, таким образом, способствует товарообороту и развитию сферы услуг посредством обмена цифровой информацией и онлайн-торговли, а средства ИКТ, обеспечивая платформу, облегчают взаимодействие и сотрудничество между различными участниками рынка. В структурном плане цифровая экономика представляется в литературе следующим образом: инфраструктура электронного бизнеса, сам электронный бизнес (процессы, которые осуществляются через компьютерные сети) и электронная коммерция (онлайн-продажи)⁸.

В целом принимая узкую трактовку цифровой экономики, согласимся с мнением ряда авторов, что границы между ней и традиционной экономикой становятся все более размытыми⁹. Слишком быстро меняются не только средства поставки товаров и услуг на рынок, но также способы производства товаров и услуг и разновидности самих товаров и услуг.

«Цифра» в концепции социально-экономического развития России

Россия не относится к числу лидеров цифровой экономики (лидерами являются США, Китай, страны ЕС). Но «цифра», как утверждается в научной литературе, становится в России одним из приоритетных направлений государственного развития¹⁰. Еще в 2008 г. официально декларировался переход экономики на новую технологическую базу (информационные, био- и нанотехнологии) и курс на создание и развитие информационного общества¹¹. А в 2017 г.

⁷ Бухт Р, Хикс Р. Указ. соч. С. 152, 154.

⁸ Guo S., Ding W., Lanshina T. Digital Economy for Sustainable Economic Growth. The Role of the G20 and Global Governance in the Emerging Digital Economy // International organizations research journal. 2017. Vol. 12. No 4. P. 172.

⁹ Там же.

¹⁰ Капранова Л.Д. Цифровая экономика в России: состояние и перспективы развития // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 2. С. 61; Богомазова И.В., Аноприева Е.В., Климова Т.Б. Цифровая экономика в индустрии туризма и гостеприимства: тенденции и перспективы // Сервис в России и за рубежом. 2019. Т. 13. № 3 (85). С. 37.

¹¹ Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р «Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (в ред. ПП от 28.09.2018 № 1151) [Электронный ресурс] // Справочная система Техэксперт. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902130343> (дата обращения: 09.10.2020).

была принята Стратегия развития информационного общества в РФ, которая определила не только понятие «информационное общество», но и понятие «цифровая экономика». Информационное общество документ трактует как «общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан». Цифровую экономику — как «хозяйственную деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг». Стратегия, с одной стороны, призвала не препятствовать свободе выбора средств получения информации и традиционным формам получения товаров и услуг, но в то же время поставила ряд задач по системному развитию и внедрению цифровых технологий в различные сферы жизни российского социума¹².

В соответствии со Стратегией была принята программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Программа выделила три уровня цифровой экономики: 1) современные технологии и платформы; 2) рынки и отрасли экономики, где осуществляется взаимодействие поставщиков и потребителей; 3) условия для развития технологий и платформ, в том числе кадровое обеспечение, нормативно-правовое регулирование, информационная безопасность. Программа также представила перечень новейших цифровых технологий, выступающих в качестве основы цифровой экономики (в скобках отсутствующие в документе международные термины): большие данные (Big Data); нейротехнологии и искусственный интеллект; системы распределенного реестра (blockchain (блокчейн)); квантовые технологии; новые производственные технологии; промышленный интернет (IIoT — Industrial Internet of Things; в литературе упоминается также интернет вещей, или IoT — Internet of Things); компоненты робототехники и сенсорики; технологии беспроводной связи; технологии виртуальной и дополненной реальностей¹³.

¹² Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.» [Электронный ресурс] // Президент России: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 09.10.2020).

¹³ Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «О программе “Цифровая экономика Российской Федерации”» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71634878/> (дата обращения: 09.10.2020).

На основе программы «Цифровая экономика Российской Федерации» в 2019 г. была сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Национальная программа объединила ряд федеральных проектов:

- информационная инфраструктура;
- цифровые технологии;
- нормативное регулирование цифровой среды;
- кадры для цифровой экономики;
- цифровое государственное управление;
- информационная безопасность¹⁴.

Кроме того, в 2019 г. появились региональные проекты, которые включают как направления, соответствующие национальной программе (инфраструктура, образование и кадры, цифровое государственное управление), так и локально значимые направления (цифровой город, цифровое здравоохранение, цифровой туризм)¹⁵.

О взаимоотношениях между традиционной и цифровой экономикой в российских реалиях

Надо сказать, задекларированные в официальных документах приоритеты, во-первых, встречают аргументированное сопротивление отдельных ученых, а во-вторых, реализуются на практике не так, как планировалось.

Критика российской цифровой экономики связана, прежде всего, с неоднозначным толкованием самого термина. Есть немало ответственных лиц, желающих втиснуть в «цифру» всю экономику, а это, как отмечено выше, противоречит логике человеческой жизни и деятельности — мы все-таки живем в материальном мире, который не может быть полностью заменен миром виртуальным. В научных публикациях и в интервью СМИ специалисты выражают озабоченность в связи с тем, что до сих пор наблюдается критическая зависимость России от импорта IT-оборудования и программного обеспечения. Большинство учреждений пользуется зарубежными почтовыми серверами, системами управления базами данных (Microsoft, Oracle и др.). Организация дистанционных ком-

¹⁴ Цифровая экономика [Электронный ресурс] // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ: сайт. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 12.10.2020).

¹⁵ Проекты развития цифровой экономики утверждены во всех регионах / 06.04.2019 [Электронный ресурс] // ТАСС: сайт. URL: <https://tass.ru/nacionalnyeproekty/6302846> (дата обращения: 12.10.2020).

муникаций осуществляется посредством информационных систем Zoom от американской компании Zoom Video Communications, Inc. или Skype от люксембургской компании Skype Limited. Обратной стороной внедрения цифровых технологий и, в частности, проекта Big Data, называют создание баз персональных данных населения с передачей этих данных в некое «единое владение», что воспринимается как риск наступления тотального контроля над «оцифрованными» гражданами и перевода жизнедеятельности социума под внешнее управление. Все это и многое другое оценивается как угроза национальной безопасности. Отмечается также, что активная роботизация грозит отмиранием ряда профессий и появлением большого количества лишних людей. В целом считается недопустимым и опасным главенство искусственного интеллекта над человеком¹⁶.

Впрочем, речь идет не об отказе от передовых технологий, а о безопасных для российского социума подходах к цифровизации. Как отмечает директор Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ Владимир Воеводин, начинать надо с создания новой ИКТ-отрасли¹⁷. С ним солидарны другие авторы, полагающие, что технологическая независимость и безопасность России немыслимы без «собственной технологической базы, отечественных высокопроизводительных компьютерных систем, элементной базы, программного обеспечения и оригинальных цифровых технологий»¹⁸. Сомнения вызывают также намерения посредством массовой автоматизации / роботизации вытеснить человека из производственного процесса. Если и вытеснить, как считают некоторые ученые, то не отовсюду, а из сфер, где присутствие человека либо невозможно, либо сопряжено с рисками для здоровья и жизни¹⁹. Фактически утверждается, что цифровизация должна стать средством улучшения качества жизни общества, формирование же общества лишних людей ничего общего с улучшением качества жизни не имеет.

Налицо, как мы видим, серьезные противоречия между сторонниками разных подходов к цифровой экономике. На этапе реализа-

¹⁶ Разумовская Н.Д., Рябиченко Л.А., Четверякова О.Н. Указ. соч. С. 10, 21, 23; Киберов В. Российская цифровая экономика или цифровизация вместо экономики? / 11.02.2020 [Электронный ресурс] // Regnum.ru: сайт. URL: <https://regnum.ru/news/2854529.html> (дата обращения: 10.10.2020); Трушин А. Цифровая западня. Парадоксы отечественной цифровизации // Огонек. 2020. № 32. С. 18–19.

¹⁷ Трушин А. Указ. соч. С. 20.

¹⁸ Разумовская Н.Д., Рябиченко Л.А., Четверякова О.Н. Указ. соч. С. 33.

¹⁹ Там же.

ции национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» выявились и другие противоречия, тормозящие исполнение утвержденных проектов. Так, представители отечественных IT-компаний утверждают, что им приходится сталкиваться со следующими проблемами:

- саботажем перехода на российские программные продукты со стороны бизнеса, что связано либо с недоверием к российскому продукту (по сути, это результат перестроечного превращения России в «технологическую колонию»), либо с нежеланием вкладываться в дорогостоящие цифровые проекты;
- нежеланием управлять цифровым импортозамещением в отдельных властных структурах, что часто опять же объясняется недоверием к российской «цифре»;
- принятием решений о запуске инновационных технологий людьми, которые недостаточно квалифицированы в вопросах инноваций и информатизации;
- вовлечением в проекты национальной программы секторов экономики, зарабатывающих на digital-рынке и без участия государства²⁰.

Действительно, как свидетельствуют в открытом доступе аналитики, даже после ухудшения отношений с Западом в 2014 г. с последующими санкциями и взятии курса на импортозамещение, распространяемого в т.ч. на компьютерное оборудование и софт, существенного прогресса добиться не удалось²¹. Высказывается также мнение, что по ряду повесток государство не хочет оказаться в роли удаленного «цифрой» посредника²².

В целом, на наш взгляд, не до конца наведен порядок во взаимоотношениях между «цифрой» и традиционной экономикой, поэтому «цифра» одновременно и лоббируется, и тормозится.

²⁰ Почему буксует «Цифровая экономика»? Эксперты о том, что нужно для более активного внедрения digital-решений / 23.01.2020 [Электронный ресурс] // RSpectr: сайт. URL: <https://www.rspectr.com/articles/586/pochemu-buksuet-cifrovaya-ekonomika> (дата обращения: 16.10.2020).

²¹ Коломыченко М. 2010–2020: самое драматическое десятилетие Рунета Как русский интернет стал одной из самых быстрых, удобных — и несвободных сетей в мире / 04.01.2020 [Электронный ресурс] // Meduza: новостной сайт. URL: <https://meduza.io/feature/2020/01/04/2010-2020-samoe-dramaticheskoe-desyatiletie-runeta> (дата обращения: 16.10.2020).

²² Деготькова И. Цифровая экономика убьет государство: почему власти испугались криптовалют: интервью с интернет-омбудсменом Д. Мариничевым // Московский комсомолец. 2020. 11 октября.

О взаимоотношениях между «цифрой» и социумом

Теперь рассмотрим вопрос о взаимоотношениях между «цифрой» и социумом. Прежде всего, важно представить, насколько обширен российский сектор интернет-пользователей и в каких целях интернет используется.

Количество интернет-пользователей в России в течение последнего десятилетия стремительно росло. Доступ в интернет в 2009 г. имели всего 42 млн чел., в середине 2019 г. — 95 млн чел. (78% населения), в начале 2020 г. интернетом стало пользоваться 118 млн чел. (81%)²³. Это высокий показатель: Россия отстает, например, от Западной Европы, но значительно опережает страны Южной Азии, Африки и др. Достаточно сказать, что общемировой показатель составляет 57%²⁴.

Теперь рассмотрим, к каким удобствам цифровизации россияне уже фактически привыкли.

Досуг и общение в сети. Здесь отметим, что просмотр веб-страниц — это всего 9% проведенного в интернете времени, в основном же используются приложения, причем наиболее популярны мобильные игры и приложения для знакомств. Много времени пользователи проводят на социальных платформах (в среднем 2,5 часа ежедневно). В нашей стране лидируют WhatsApp, Viber, Вконтакте, Instagram (в мире — Facebook). Этот рынок с 2019 г. активно завоевывает китайский TikTok, но пока основная его аудитория находится в Китае.

Коммерция онлайн. В России покупки в сети совершают более половины пользователей интернета (примерно 60%).

Транспортные услуги. Не менее 60% рынка такси принадлежат агрегаторам: Uber, Яндекс.Такси и другим сервисам. В рамках этих проектов осуществляется не только перевозка пассажиров, но также доставка еды и других товаров.

Деловые операции. В России действует портал Госуслуги, который упрощает контакты с государственными организациями, и на этом портале в конце 2019 г. было зарегистрировано почти 100 млн человек. Создана инфраструктура электронных платежей. К слову,

²³ Коломыченко М. Указ. соч.; Сергеева Ю. Вся статистика интернета на 2020 год — цифры и тренды в мире и в России / 03.02.2020 [Электронный ресурс] // <https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy/> (дата обращения: 16.10.2020);

²⁴ Морозов М.А., Морозова Н.С. Инновационные тренды развития туризма и гостиничного бизнеса в условиях цифровизации // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 28 (2). С. 198. С. 196–201.

по количеству операций с использованием цифровых кошельков Россия опередила Европу, и эта ситуация названа «русским чудом»²⁵.

В плане развития цифровой экономики формально все выглядит благополучно. И все же нелишне поинтересоваться, каково же отношение россиян, которые, несомненно, интегрированы в формат digital, к развитию этого процесса.

По статистике, население России относится к технологическим инновациям в основном положительно, но перспективы их распространения не идеализирует. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) установил, что, например, технологии искусственного интеллекта в основном либо приветствуются (48% населения), либо вызывают нейтральное отношение (31%). Негативную реакцию демонстрирует меньшинство (12%). Вместе с тем опросы показали, что люди усматривают в нововведениях немало рисков. Риски респонденты связывают с угрозой безопасности личных данных (21%), проблемами, возникающими в работе техники (17%), нежелательностью замещения взаимодействия между людьми (16%), отсутствием представлений о последствиях внедрения (12%), угрозой выхода машин из-под контроля (8%), убеждением, что «человек надежнее» (6%), непредсказуемостью перспектив (5%) и пр. Поддержку идеи повсеместного digital-форсирования социологические опросы не показывают. Респонденты готовы использовать сервисы преимущественно в сфере государственных услуг (68%), досуга и развлечений (54%), для решения бытовых проблем (54%). Достаточно высок процент сторонников электронной медицинской помощи и диагностики (52%)²⁶.

По данным Аналитического центра НАФИ за апрель 2020 г., серьезную тревогу населения вызывает обозначенная выше проблема формирования на фоне автоматизации / роботизации общества лишних людей — многие (65% опрошенных) считают, что в организациях, где они работают, результатом внедрения новых технологий может стать значительное сокращение персонала²⁷.

Понятно, что перспективы цифровизации не в последнюю очередь связаны с уровнем цифровой грамотности населения. Этот вопрос также изучил Аналитический центр НАФИ, подразумевая

²⁵ Коломыченко М. Указ. соч.; Сергеева Ю. Указ. соч.

²⁶ Искусственный интеллект: угроза или возможность? / 27.01.2020 [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: сайт. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10132> (дата обращения: 11.10.2020).

²⁷ Цифровая грамотность россиян: исследование 2020 / 10.04.2020 [Электронный ресурс] // Аналитический центр НАФИ: сайт. URL: <https://nafir.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/> (дата обращения: 11.10.2020).

под цифровой грамотностью 1) информационную грамотность (навыки работы в интернете, в том числе с разными видами данных, а также умение оценивать достоверность сетевой информации) и 2) коммуникативную грамотность (умение пользоваться электронными устройствами и онлайн-сервисами). Было установлено, что высоким уровнем цифровой грамотности обладают всего 27% россиян. Самые низкие показатели отмечены в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах. Самые высокие — в Северо-Западном федеральном округе. В столицах уровень выше, чем в других городах, в городах выше, чем в селах и поселках. Существенные гендерные различия в данном вопросе не наблюдаются, но мужчины с проблемами в цифровой среде справляются лучше. Как показали опросы, можно уверенно связывать уровень цифровой грамотности с возрастом (лидирует аудитория до 44 лет) и профессиональной деятельностью (отстающий сегмент — неработающие пенсионеры). 24% работающих считают, что есть риск лишиться работы, если не будет пройден курс цифрового обучения, однако совершенствуют цифровую грамотность чаще те, кто и так достаточно компетентен²⁸.

Если обобщить изложенное выше, то получается, что однозначную (положительную или отрицательную) картину отобразить невозможно. С одной стороны, цифровой прогресс очевиден и неизбежен, с другой — несовершенен и небезопасен, причем обоснованно (вплоть до того, что любой пользователь наверняка сталкивался со сбоями приложений или проявлениями хакерства). Скорее, можно говорить о том, как развиваются и в дальнейшем могут развиваться отдельно взятые сферы применения «цифры», в том числе отрасли традиционной экономики.

Цифровизация индустрии туризма и гостеприимства

В рамках темы настоящего исследования интерес представляет цифровизация индустрии туризма и гостеприимства. Речь идет о сфере, интернациональной по сути. Россия, как и любая страна, заинтересована в удержании внутри страны собственных турпотоков и развитии въездного туризма: «Хочется, чтобы нашу родину уважали, чтобы сюда ехали иностранные туристы, чтобы с ней сотрудничали зарубежные бизнесмены и инвесторы»²⁹.

Соответственно, решения о цифровизации в этой сфере ориентированы на предпочтения туристов, как зарубежных, знакомых

²⁸ Цифровая грамотность россиян: исследование 2020.

²⁹ Леонтьева Л.С., Фоменко С.А. Бренд территории как один из источников увеличения доходов бюджета // Инновации. 2009. № S1. С. 75.

с передовыми технологиями в своих странах, так и отечественных, знакомых с передовыми технологиями в странах с развитой туриндустрией. Несомненно, российская индустрия туризма и гостеприимства из общей тенденции выпасть не может. Кроме того, ко многим благам цифровизации уже успели привыкнуть и туристы, и работники туриндустрии.

Например, прочно вошли в нашу жизнь платежные системы, системы онлайн-бронирования и пр. Ни одна туристическая компания сегодня не может работать без них. Причем развитие технологий создает бизнесу немало проблем, поскольку информатизация общества на фоне расширения спектра онлайн услуг ведет к росту количества туристов, бронирующих свои путешествия онлайн самостоятельно³⁰. Изначально были запущены глобальные системы (GDS), которые специализировались на бронировании авиабилетов, а позднее и гостиничных номеров. На сегодня крупнейшими из них являются системы Amadeus, Galileo, Sabre и Worldspan. Особенностью глобальных систем является то, что они связывают отели с клиентами исключительно через агентов туристических компаний. Позднее появились альтернативные системы бронирования (ADS), предоставившие возможность бронирования частным лицам. Крупнейшие из систем бронирования авиабилетов и отелей — Expedia.com, Travelocity.com, Orbitz.com. Крупнейшие из систем бронирования отелей — Booking.com (от американской компании Priceline.com), Hotels.com (от американской компании Expedia.com), Hotelopia.com (от английской компании TUI Travel PLC)³¹.

В России появились и свои сервисы бронирования, один из первых — Островок.ру. В литературе утверждается, что услуги по организации путешествий уже сейчас самостоятельно бронируют 18,5% пользователей интернета 15–74 лет³². Особенно ощутимо тенденция проявилась в период кризиса 2014 г., когда череда банкротств крупных туроператоров некоторым образом подорвала авторитет офлайн-сектора, а принцип «сам себе туроператор» научил туристов экономить на услугах туроператоров³³. Действительно, в системах

³⁰ Михина И.С., Ляшенко Е.Г. Современные тенденции развития электронных систем бронирования туристских услуг в России // Креативная экономика. 2017. Т. 11. № 6. С. 660; Полухина А.Н. Цифровизация сферы туризма и шеринг-экономика // Россия: тенденции и перспективы развития: сб. материалов XIX Национальн. науч. конф. с междунар. участием. М.: ИНИОН РАН, 2020. С. 347.

³¹ Крюков В.Ю. Тенденции развития рынка интернет-бронирования гостиничных услуг в России // Вестн. РМАТ. 2013. № 4. С. 68.

³² Морозов М.А., Морозова Н.С. Инновационные тренды развития ... С. 198.

³³ Михина И.С., Ляшенко Е.Г. Указ. соч. С. 660–661.

бронирования представлены предложения и тарифы многочисленных отелей, т.е. пользователь может, самостоятельно сравнивая условия и цены, выбрать наиболее подходящий вариант³⁴.

Немало цифровых проектов разработано для гостиничного бизнеса. Например, внедрены системы, именуемые PMS (буквально Property management system — система управления недвижимостью), которые позволяют «автоматизировать все циклы обслуживания гостей и бизнес-процессы в отеле», включая работу службы горничных, синхронизацию с системами бронирования, формирование финансовой отчетности и статистики. Наиболее устойчивы на рынке облачные системы Opera и Fidelio от мирового лидера в их производстве корпорации Micros-Fidelio, система-приложение HMS (Hospitality management system) от компании Libra. В России разработана система Эдельвейс. Малые средства размещения вместо многофункциональных дорогостоящих PMS могут использовать малоформатные PMS, например, на основе SaaS-технологий³⁵. SaaS (буквально Software as a service — программное обеспечение как сервис) — это модель, в которой программное обеспечение находится не в компьютере, а у сервис-провайдера, и пользоваться им можно через браузер или мобильное приложение по подписке (столько, сколько нужно). Заказчик, стало быть, платит не за владение софтом, а за его аренду³⁶.

Помимо PMS для гостиниц разработаны системы управления связями с клиентами — CRM (Customer relationship management): AmoCRM, MaxiBooking, VnovoPMS, Отеликс и др. CRM-система — это корпоративная база данных, благодаря которой менеджеры отеля могут отследить информацию о гостях, жизненный цикл взаимоотношений с ними, проанализировать данные об их платежеспособности, интересах, предпочитаемых услугах. Такая информация позволяет индивидуализировать подходы к клиентам и, таким образом, повышать уровень обслуживания³⁷.

³⁴ Крюков В.Ю. Указ. соч. С. 66.

³⁵ Джанджугазова Е.А., Кабелкайте-Вайткене Ю.А. Трансформация гостиничного бизнеса в условиях развития цифровой экономики в России // Сервис Plus. 2018. Т. 12. № 3. С. 100. С. 96–104.

³⁶ Гостеприимство из будущего: шесть трендов гостиничной индустрии. 01.10.2019 [Электронный ресурс] // B2B.ostrovok: сайт. URL: <https://b2b.ostrovok.ru/blog/gostepriimstvo-iz-budushhego-shest-trendov-gostinichnoj-industrii/> (дата обращения: 03.09.2020).

³⁷ Барышева А.В. Использование crm-систем на предприятиях индустрии гостеприимства // Вестн. ассоциации вузов туризма и сервиса. 2019. Т. 13. № 2. С. 7–8, 10.

Цифровые технологии используются в ресторанном бизнесе. Например, ряд ресторанных сетей (McDonald's и др.) предлагает использовать для заказа мобильные терминалы самообслуживания. Данные о выбранных посетителями позициях передаются исполнителям заказа по каналам связи³⁸. Многие потребители сегодня предпочитают заведения, представляющие услуги бесплатного Wi-Fi. Расширяется сервис доставки продукции на дом. Большая доля российского рынка доставки приходится на крупных агрегаторов Яндекс.Еда, Delivery Club, ZakaZaka³⁹.

Цифровые технологии используются в экскурсионной практике. Для тех, кто знакомится с экскурсионными объектами самостоятельно, внедряется технология QR-кодирования. QR-код буквально — быстрый отклик, двухмерный матричный код объекта, позволяющий изучать информацию об этом объекте с помощью фотокамеры мобильного устройства. Как правило, при считывании кода производится переадресация на страницу о данном объекте на привязанном ресурсе (портале)⁴⁰. В Уфе, например, QR-коды привязаны к информационно-туристическому portalу официального сайта городской администрации.

Распространились так называемые виртуальные экскурсии. Сейчас компьютерные технологии способны на двухмерной плоскости отображать объемное, трехмерное пространство (на языке компьютерщиков это называется 3D). Такие экскурсии позволяют погружаться в удаленное пространство (от улиц городов и музеев до подземелий и медвежьих берлог) и завоевывают популярность у любителей путешествий, особенно у молодежи⁴¹.

«Цифра» широко используется в продвижении услуг. Прочно вошли в обиход сайты турфирм и отелей с системой электронного бронирования, социальные медиаплатформы (Facebook, Instagram, Вконтакте и др.), мобильные приложения. «Социальные сети, мо-

³⁸ *Зайнашева З.Г., Мутраков О.С.* Современные тенденции развития предприятий сферы услуг // Вестн. БИСТ. 2016. № 1–2 (30). С. 100.

³⁹ *Меркулова Е.Г., Савин Д.А.* Цифровые тренды ресторанного бизнеса // Информационно-технологическая поддержка развития бизнеса в условиях цифровой экономики: сб. трудов Национальн. науч.-практ. конф. Орел: Орловск. гос. ун-т экономики и торговли, 2019. С. 74–75.

⁴⁰ *Кирсанова Е.А.* QR-коды и туризм. К опыту создания цифрового контента об историко-культурных объектах в контексте развития туристических порталов // Вестн. Кемеровск. гос. ун-та. 2015. № 2 (62). Т. 7. С. 93.

⁴¹ *Хайретдинова Н.Э., Хайретдинова О.А.* Инновационные технологии в туристско-экскурсионной деятельности // Актуальные вопросы современной науки: сб. науч. статей Междунар. науч.-практ. конф.: в 4 ч. Ч. 1. Уфа: УГУЭС, 2016. С. 194.

бильные устройства, — пишут Н.Г. Устинова и М.В. Шевченко, — позволяют маркетологам взаимодействовать с потребителями и заинтересованными сторонами в большем масштабе, чем когда-либо прежде»⁴². Для демонстраций в любых павильонах, на выставках и т.д. создаются виртуальные продукты, в т.ч. экскурсии, на основе так называемых погружных технологий, интегрирующих 3D-модели, интерактивные карты, видео, тексты, музыку и пр.⁴³

Формат статьи не позволяет в полном объеме представить спектр IT-инноваций, разработанных для индустрии туризма и гостеприимства. Но и приведенных примеров, полагаем, достаточно, чтобы убедиться в факте широкого распространения «цифры» в различных направлениях отрасли.

Вместе с тем нельзя не учитывать, что российская туриндустрия, как и в целом российская экономика, лидерских позиций в плане цифровизации не показывает. Аналитики отмечают, что проблемы цифровизации туризма в России оголились в ходе Чемпионата мира по футболу 2018 г., который проходил в 11 городах. «За короткий промежуток времени, — пишут И.В. Богомазова и ее коллеги, — большое количество иностранных граждан, приехавших в Россию (особенно из европейских стран, Китая и Америки), почувствовали контраст использования современных технологий в своей стране и в России». Среди недостатков называли отсутствие электронных виз и единого туристического портала страны, несовременную инфраструктуру за пределами туристических центров (Москвы, Санкт-Петербурга) и пр.⁴⁴ Впрочем, перемены происходят. Так, в июле 2020 г. запущен первый единый туристический портал России RusPass, на котором собираются данные о различных сервисах, услугах и достопримечательностях регионов. Это альтернатива пакетным турам — платформа разработана так, чтобы турист мог сам составить программу поездки и забронировать авиа или ж/д билеты, номер в отеле, билеты на культурные мероприятия, столик в ресторане и пр. Информационная база портала находится в стадии заполнения региональными участниками⁴⁵. В октябре 2020 г. к маркетплейсу RusPass подключился Башкортостан.

⁴² Устинова Н.Г., Шевченко М.В. Индустрия гостеприимства в эпоху цифровизации // Эпоха науки. 2019. № 20. С. 462.

⁴³ Хайретдинова Н.Э., Хайретдинова О.А. Инновационное экскурсионное обслуживание в курортных отелях: теоретический аспект проблемы // Современные проблемы сервиса и туризма. 2018. Т. 12. № 2. С. 61.

⁴⁴ Богомазова И.В., Аноприева Е.В., Климова Т.Б. Указ. соч. С. 38.

⁴⁵ Бабкин С. Турбаза данных. Заработал сервис путешествий по России RusPass // Российская газета. Столичный вып. 2020. 20 июля.

Заключение

Несомненно, цифровая экономика, если ее понимать в узком смысле, является состоявшимся фактом. Существует целая электронная отрасль, которая удовлетворяет информационные потребности государства, других отраслей экономики и частных лиц и сокращает время поиска и обработки информации, что в наше стремительное время чрезвычайно актуально. «Цифра» плотно осваивает российскую индустрию туризма и гостеприимства, которая не может игнорировать мировые тренды, ибо рискует проиграть в конкурентной борьбе за туристов, причем не только иностранных, но и своих.

Вместе с тем российская «цифра» (и не только в туризме) лидирующих позиций в мире не занимает. Причин много. Отсутствует эффективный правовой механизм регулирования отношений, связанных с развитием цифровой экономики, а в обществе тем временем не прекращаются обсуждения рисков безоглядной цифровизации, в том числе утечек баз персональных данных и иных посягательств на конституционные права граждан РФ. В плане финансирования предпочтения отдаются готовым решениям, в то время как наука в целом финансируется весьма скромно (не будем упускать из виду и проблему «утечки мозгов»).

Среднему и малому бизнесу часто невыгодно инвестировать в дорогостоящие цифровые проекты.

Высок процент малообеспеченных слоев населения, для которых приобретение многофункциональных гаджетов не является первостепенной задачей. Но даже владельцы современных устройств часто не озадачены освоением их возможностей и вообще возможностей цифровых технологий (в основном интерес к возможностям ИТ определяется возрастом, уровнем образования и профессиональной принадлежностью пользователей).

Настоящее исследование показало, что цифровизация официально лоббируется государством из соображений, как сообщается общественности, экономической целесообразности, и это логично. Но отметим, что лоббируются не отечественные цифровые технологии, а цифровые технологии в принципе.

Расширение сферы распространения российских разработок тормозится отдельными представителями госструктур и бизнеса — кто-то не верит в конкурентоспособность российских проектов, кто-то взаимодействует с зарубежными партнерами и не видит смысла разрушать налаженные и экономически целесообразные связи, кто-то не может себе позволить дорогостоящие инновации

и пр. Не дотягивает до мировых параметров и сама российская «цифра», которая не справляется в полном объеме с проблемой импортозамещения. Но такое течение процесса развития цифровой экономики встречает сопротивление ряда ученых и общественных деятелей, которые усматривают в сложившейся ситуации угрозу национальной безопасности и затягивание стагнации российской цифровой сферы.

Прогресс остановить невозможно. Но, на наш взгляд, государство должно принимать меры не столько по продавливанию скорейшей цифровизации во всех ее проявлениях, сколько по сбалансированию множества моментов в интересах российского общества и бизнеса. Прежде всего, необходимы широкомасштабные меры по поэтапному выводу российского цифрового сектора из догоняющего состояния. Речь идет о сверхсложной задаче. Но у государства, если оно действительно заинтересовано не только в экономической целесообразности, но и в преодолении рисков национальной безопасности, рычаги воздействия на ситуацию имеются. Это и финансирование отечественной цифровой сферы, и переосмысление бюрократических преград, и правовое регулирование на основе приоритета национальной безопасности ныне конфликтных правоотношений, и маркетинговые приемы и пр. История доказывает, что судьба фундаментальной и прикладной науки во многом зависит от политических решений (достаточно вспомнить, когда началось отставание советских технологий).

Пока российская индустрия туризма и гостеприимства вполне успешно интегрирует в бизнес-процессы зарубежные и отдельные отечественные цифровые технологии, стараясь не отстать от конкурентов. Об экспорте российских достижений цифровой экономики в мировую туриндустрию речь, как правило, не идет.

Литература

Басаев З.В. Цифровизация экономики: Россия в контексте глобальной трансформации // Мир новой экономики. 2018. № 4. С. 32–38.

Барышева А.В. Использование crm-систем на предприятиях индустрии гостеприимства // Вестн. ассоциации вузов туризма и сервиса. 2019. Т. 13. № 2. С. 5–12.

Богомазова И.В., Аноприева Е.В., Климова Т.Б. Цифровая экономика в индустрии туризма и гостеприимства: тенденции и перспективы // Сервис в России и за рубежом. 2019. Т. 13. № 3 (85). С. 34–47.

Бухт Р., Хикс Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики // Вестн. международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. Т. 13. № 2. С. 148.

Джанджугазова Е.А., Кабелкайте-Вайткене Ю.А. Трансформация гостиничного бизнеса в условиях развития цифровой экономики в России // *Сервис Plus*. 2018. Т. 12. № 3. С. 96–104.

Зайнашева З.Г., Мутраков О.С. Современные тенденции развития предприятий сферы услуг // *Вестн. БИСТ*. 2016. № 1–2 (30). С. 96–102.

Капранова Л.Д. Цифровая экономика в России: состояние и перспективы развития // *Экономика. Налоги. Право*. 2018. № 2. С. 58–69.

Кирсанова Е.А. QR-коды и туризм. К опыту создания цифрового контента об историко-культурных объектах в контексте развития туристических порталов // *Вестн. Кемеровск. гос. ун-та*. 2015. № 2 (62). Т. 7. С. 92–96.

Козырев А.Н. Цифровая экономика и цифровизация в исторической ретроспективе // *Цифровая экономика*. 2018. № 1.

Крюков В.Ю. Тенденция развития рынка интернет-бронирования гостиничных услуг в России // *Вестн. РМАТ*. 2013. № 4. С. 66–71.

Леонтьева Л.С., Фоменко С.А. Бренд территории как один из источников увеличения доходов бюджета // *Инновации*. 2009. № S1. С. 74–79.

Меркулова Е.Г., Савин Д.А. Цифровые тренды ресторанного бизнеса // *Информационно-технологическая поддержка развития бизнеса в условиях цифровой экономики: сб. трудов Национальн. науч.-практ. конф. Орел: Орловск. гос. ун-т экономики и торговли*, 2019. С. 72–77.

Михина И.С., Ляшенко Е.Г. Современные тенденции развития электронных систем бронирования туристских услуг в России // *Креативная экономика*. 2017. Т. 11. № 6. С. 659–666.

Морозов М.А., Морозова Н.С. Инновационные тренды развития туризма и гостиничного бизнеса в условиях цифровизации // *Естественно-гуманитарные исследования*. 2020. № 28 (2). С. 196–201.

Полухина А.Н. Цифровизация сферы туризма и шеринг-экономика // *Россия: тенденции и перспективы развития: сб. материалов XIX Национальн. науч. конф. с междуна. участием*. М.: ИНИОН РАН, 2020. С. 345–348.

Разумовская Н.Д., Рябиченко Л.А., Четверякова О.Н. Цифровая экономика. М.: Графика, 2018. 64 с.

Хайретдинова Н.Э., Хайретдинова О.А. Инновационные технологии в туристско-экскурсионной деятельности // *Актуальные вопросы современной науки: сб. науч. статей Междунаур. науч.-практ. конф.: в 4 ч. Ч. 1*. Уфа: УГУЭС, 2016. С. 191–198.

Хайретдинова Н.Э., Хайретдинова О.А. Инновационное экскурсионное обслуживание в курортных отелях: теоретический аспект проблемы // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2018. Т. 12. № 2. С. 58–69.

Устинова Н.Г., Шевченко М.В. Индустрия гостеприимства в эпоху цифровизации // *Эпоха науки*. 2019. № 20. С. 459–463.

Digital Economy // International organizations research journal. 2017. Vol. 12. No 4. P. 169–184.

Guo S., Ding W., Lanshina T. Digital Economy for Sustainable Economic Growth. The Role of the G20 and Global Governance in the Emerging.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

А.О. Наумов, Д.В. Демин*

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ И ИЗ-ЗА РУБЕЖА

Несмотря на большое количество исследований, посвященных «цветным революциям», в современном научном дискурсе отсутствует единый подход к пониманию данного геополитического феномена. Интерпретации сущности «цветных революций» могут различаться кардинально: от стихийного восстания народных масс, уставших терпеть диктаторский режим, до применения США специальной технологии свержения неугодных политических режимов. В данной статье впервые в отечественной историографии представлен системный анализ различных теоретико-методологических подходов к изучению «цветных революций». Ключевым вопросом является соотношение внутренних и внешних факторов, обусловивших их возникновение. Авторы приходят к выводу, что прикладные исследования «цветных революций» в трудах как зарубежных, так и отечественных ученых ведутся с различных позиций. В западном научном мире преобладает дискурс об эндогенных истоках «цветных революций», в то время как многие отечественные исследователи считают их первопричиной внешнее воздействие. Согласно авторской концепции, ключевую роль в происхождении «цветных революций» сыграл внешний фактор, ведь именно технологии «мягкой силы» США и их союзников стали главным катализатором и одновременно инструментами осуществления данных операций по демонтажу политических режимов.

Ключевые слова: «цветные революции», «мягкая сила», «гибридная война», ненасильственная борьба, «бульдозерная революция», «революция роз», «оранжевая революция», «тюльпановая революция», «арабская весна».

* Наумов Александр Олегович — кандидат исторических наук, доцент факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: naumov@spa.msu.ru

Демин Дмитрий Владимирович — аспирант факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: demindv@spa.msu.ru

Despite the substantial number of studies devoted to color revolutions, there is no common approach to understanding this geopolitical phenomenon in the modern scientific discourse. Interpretations of the essence of color revolutions can differ dramatically: from a spontaneous uprising of the masses to the use of special technology by the United States to overthrow political regimes. For the first time in Russian historiography this article presents a systematic analysis of various theoretical and methodological approaches to the study of color revolutions. The key issue is the ratio of endogenous and exogenous factors that led to the color revolutions. The scientific works of leading domestic and foreign experts on this problem are considered. The authors come to the conclusion that applied research of color revolutions in the works of both foreign and domestic scientists is carried out from different positions. Discourse about the endogenous origins of color revolutions prevails in the Western scientific world, while many Russian researchers consider external influences to be their primary cause. According to the author's concept, it was external factors that played a key role in the origin of the color revolutions, because it was the technologies of the soft power of the United States and its allies that became the key reasons and, at the same time, tools for carrying out these operations to dismantle political regimes in the beginning of the XXI century.

Keywords: Color revolution, Soft power, Hybrid war, Non-violent struggle, Bulldozer revolution, Rose revolution, Orange revolution, Tulip revolution, Arab Spring.

В современном общественно-политическом и научном дискурсе «цветными революциями» принято называть череду массовых протестов, приведших к ненасильственной смене власти в Сербии, Грузии, Украине (дважды), Киргизии, Тунисе и Египте в 2000–2014 гг. Каждая «революция» получила уникальное название и собственную символику, которая была привязана к объекту окружающего мира («бульдозерная революция»), цвету («оранжевая революция»), растению («революция роз», «тюльпановая революция», «жасминовая революция»), конкретной дате («революция 25 января») или собирательному образу, основанному на определенных общественных ожиданиях («Евромайдан»).

С середины 2000-х гг. «цветные революции» оказались в фокусе внимания зарубежных и отечественных ученых. Несмотря на то, что изучению этой научной проблемы уделяется большое внимание, все еще не существует единого понимания того, какое именно событие можно считать «цветной революцией», какова ее истинная природа, где та грань, перейдя которую «цветная революция» трансформируется в «гибридную войну» современного типа и т.д.

Цель данной статьи — проанализировать основные научные подходы западных и отечественных авторов к определению причин

возникновения «цветных революций» и предложить собственную трактовку этому уникальному феномену мировой и региональной политики начала XXI в.

Главным для нашего исследования является вопрос, что представляют «цветные революции»: стихийный демократический протест народа против собственных коррумпированных и авторитарных правителей или хорошо разработанную технологию демонтажа политического режима. Другими словами, «цветная революция» — это современный пример революционной трансформации, совершающийся с участием широких общественных масс, разных социальных групп, имеющий в своей основе в первую очередь внутренние причины, или это государственный переворот, основанный на технологиях геополитической инженерии, инициируемый внешними акторами?

Большинство североамериканских и европейских исследователей вопроса в качестве ключевых причин «цветных революций» называют эндогенные факторы. При этом, по мнению крупных ученых-международников, задающих тон в западном научном дискурсе (Г. Киссинджер, Ф. Фукуяма, З. Бжезинский, С. Хантингтон), «цветные революции» являются легальным и оправданным способом распространения демократии и либеральных ценностей Запада, с одной стороны, и средством для реализации стратегии американской внешней политики — с другой¹. Ф. Фукуяма отмечал, что усилия по смене тиранических и тоталитарных режимов путем внешних поощрений и санкций неизменно будут менее эффективными, нежели внутренняя перестройка их природы, и указывал, что к началу XXI в. усилиями США была создана широкая международная инфраструктура «мягкой силы», «призванная помогать народам в проведении первичного перехода от авторитарного правления к демократическому и к дальнейшему укреплению демократических институтов после того, как сделан первый шаг в осуществлении преобразований»². Однако он делал важное уточнение: «Инициатива перемен рождалась внутри самой страны... Внешние спонсоры не могут самостоятельно определить сроки проведения демократических преобразований. Взрыв происходит тогда, когда имеется искра — политическое убийство или недобросовестно проведенные

¹ См.: *Kissinger H. Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for The 21st Century.* Darby: Diane Pub Co, 2004; *Фукуяма Ф. Америка на распутье: Демократия, власть и неоконсервативное наследие.* М.: АСТ, 2008; *Brzezinski Z. The Choice: Global Domination or Global Leadership.* N.Y.: Basic Books, 2009; *Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order.* NY.: Simon & Schuster, 2011.

² *Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 47, 181.*

выборы. Тогда происходит мобилизация населения и начинаются вспышки недовольства»³.

Схожей позиции придерживается большинство западных исследователей, занимающихся непосредственно проблематикой «цветных революций». Так, Л. Митчелл называет «цветные революции» политическим транзитом от одной формы полудемократии к другой, происходящим вследствие фальсификаций выборов правящим режимом, в результате которых к власти приходят прозападные и более демократические правительства. Их предпосылки автор видит в коррумпированности и неэффективности властей, вызвавших в обществе стойкое желание перемен, а причину успеха — в структурной слабости этих режимов и относительной общественной свободе, которую они допускали⁴. Митчелл упоминает, что лидеры «цветных революций» организовывали каждую из них на основе предыдущей: «В случае с Грузией образцом была “бульдозерная революция” в Сербии, украинцы осознанно обратились к грузинской модели и консультировались с ее участниками, в то время как киргизы аналогично консультировались и обучались активистами украинской и грузинской “цветных революций”»⁵. Несмотря на это, Митчелл не признает существования определенной технологии по смене политических режимов, считая эти госперевороты «мирными демонстрациями с требованием соблюдения прав человека и демократических преобразований»⁶. Хотя ученый отмечает, что страны, которые столкнулись с «цветными революциями», получали значительную внешнюю помощь для «развития демократии», свержение законных правительств не являлось плодом «американского заговора». По его мнению, у США не было ни одной веской причины стремиться сменить режимы в Грузии, Украине и Киргизии, а финансирование антиправительственных организаций начинает восприниматься совсем по-другому, если принять во внимание значительно большую поддержку, которую США оказывали действующим правительствам, осуществляя разнообразные программы в сфере экономического развития, совершенствования сферы здравоохранения, модернизации государственного управления и сотрудничества в военной сфере⁷.

³ Там же. С. 183.

⁴ Mitchell L. The Color Revolutions. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012. P. 4, 71.

⁵ Ibid. P. 6.

⁶ Ibid. P. 1.

⁷ Ibid. P. 75, 79–80.

Непосредственный участник «революции роз» Г. Канделаки в исследовании, написанном для американского Института мира, выделяет следующие факторы происхождения «цветных революций»: системная слабость режима и его относительная либеральность, успешные действия оппозиции по радикализации и мобилизации большого количества участников для политической борьбы, усилия гражданского общества, деятельность независимых СМИ и стратегия ненасильственной борьбы молодежных движений. Очевидно, что все перечисленные факторы относятся к внутренним. По поводу роли США и европейских стран Г. Канделаки делает противоречащее объективным фактам заявление о том, что действия западных акторов не только не способствовали успеху «революции роз», но были даже вредны для нее⁸.

Еще один зарубежный исследователь вопроса М. Бейззингер называет «цветные революции» волной демократических изменений, в ходе которых в посткоммунистическом регионе были свергнуты режимы, практиковавшие фальсификации на выборах, и в целях демократизации к власти были приведены новые лица. По его мнению, «цветные революции» «основывались на местной инициативе из-за чувства неудовлетворенности среди населения» и «не были разработаны за рубежом, хотя и полагались на значительную иностранную поддержку»⁹. Таким образом, Л. Митчелл, Г. Канделаки, М. Бейззингер и еще целый ряд других специалистов однозначно интерпретируют «цветные революции» как некий естественный процесс демократизации общества, отвергая саму идею экзогенного характера их возникновения.

Часть западных авторов занимает более взвешенную позицию. Дж. Голдстоун, например, к предпосылкам возникновения «цветных революций» относит внутренние факторы, такие как нарушения режимом законности, и коррумпированность власти, которая прибегала к фальсификациям на выборах; именно протест против этих фальсификаций превращался в «мощное движение, приводившее к смене этого режима»¹⁰. В то же время он справед-

⁸ *Kandelaki G. Georgia's Rose Revolution: A Participant's Perspective // United States Institute of Peace. Special report 167. July 2006. URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/sr167.pdf> (дата обращения 25.08.2020).*

⁹ *Beissinger M. Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of the Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions // Perspectives on Politics. 2007. Vol. 5 (2). P. 262.*

¹⁰ *Голдстоун Д. Революции. Очень краткое введение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 146.*

ливо пишет, что для того, чтобы акции ненасильственного сопротивления переросли в «цветную революцию», завершающуюся сменой режима, одних внутренних предпосылок недостаточно. По его мнению, «цветные технологии» достигали успеха только в том случае, если режим имел сильную зависимость от одной из западных держав, которая в момент начала демонстраций, организованных натренированной по методике Дж. Шарпа международной сетью активистов оппозицией, не давала законному правительству решительно их подавить¹¹.

Американские политологи В. Банс и Ш. Волчик также не столь категоричны в этом вопросе. С одной стороны, они называют «цветные революции» стихийными массовыми протестами, вызванными фальсификациями на выборах, которые положили конец развитию авторитарных режимов и привели к настоящему скачку к демократии¹². Однако исследователи признают, что свергнуть авторитарные режимы удавалось благодаря применению инновационной стратегии — «электоральной модели», включавшей в себя организацию креативных и массовых политических акций, подготовку наблюдателей за выборами и проведение экзит-полов, тесное сотрудничество с институтами гражданского общества, молодежными и женскими организациями, а также широкое использование культурных мероприятий, например, рок-концертов и велопробегов. Именно эта стратегия помогла превратить выборы из средства, с помощью которого «диктаторы удерживали власть», в «вирус», занесенный в Сербию, Грузию, на Украину и в Киргизию. Данная «электоральная модель», по мнению авторов, была разработана и внедрена извне «содействующей развитию демократии» транснациональной сетью акторов, в которую входили финансируемые Агентством США по международному развитию фонды, американские дипломатические ведомства, европейские частые и общественные организации¹³.

Заслуживающий внимания методологический подход применил британский политолог С. Уайт, сопоставивший статистические данные стран, прошедших через «цветные революции», и близких по уровню развития государств, в которых их не произошло. В результате он был вынужден признать, что социально-экономические

¹¹ Там же. С. 145.

¹² *Bunce V., Wolchik S. Defeating Authoritarian Leaders in Postcommunist Countries.* Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 5.

¹³ *Ibid.* Pp. 332-335.

показатели не являлись непосредственными причинами «цветных революций». На основе проведенного анализа С. Уайт делает вывод, что возможность возникновения «цветной революции» зависит, прежде всего, от того, как население воспринимает действующее правительство: «Если режим считается коррумпированным, и он лишает население возможности привлечь себя за это к ответственности на выборах путем их фальсификаций, это является очевидной причиной общественного недовольства, которое приводит к свержению этого режима»¹⁴.

Интересна и позиция американского специалиста по «цветным революциям» Д. Лэйна. По его мнению, возникшее в обществе желание перемен вследствие недовольства низким уровнем жизни, коррумпированностью и неэффективностью государственного управления было далеко не главной причиной этих государственных переворотов. Важнейшую роль сыграло наличие у элиты определенной альтернативы существовавшему порядку, например, потенциальной возможности получения выгод от более тесных взаимоотношений с ключевыми экономическими и военно-политическими структурами Запада. В результате государства, в которых элиты или контрэлиты имели тесную связь с ЕС и/или НАТО, стали очевидными целями для реализации технологий геополитической инженерии. «Поддерживая “цветные революции” через оспаривание результатов выборов, которые были сфальсифицированы, и содействуя развитию институтов гражданского общества для смены режима в авторитарных странах с помощью мирных и легитимных средств, — пишет Лэйн, — Запад использовал стратегию “мягкой силы”»¹⁵. При этом исследователь справедливо отмечает, что в государствах, где экономические интересы США и их союзников срачивались с интересами правящей элиты, программы по продвижению демократии не получили особого развития, а оппозиция была практически лишена возможности получать финансирование из внешних источников¹⁶.

Есть среди западных авторов и те, кто однозначно определяют «цветные революции» как заранее спланированные извне государственные перевороты. Американский специалист Ф. Энгдаль, например, считает, что эти «революции» были разработаны спе-

¹⁴ White S. Is There a Pattern? // Rethinking the “Coloured Revolution” / ed. by Lane D., White S. NY.: Routledge, 2010. P. 293.

¹⁵ Lane D. “Coloured Revolution” as a Political Phenomenon // Rethinking the “Coloured Revolution” / ed. by Lane D., White S. NY.: Routledge, 2010. P. 18.

¹⁶ *Ibid.* P. 15.

циалистами Государственного департамента и разведывательного сообщества США. «Казалось, это идеальная модель для ликвидации режимов, противостоящих политике Вашингтона», — писал он о «бульдозерной революции» в Сербии. — «Не имело значения, популярен ли был режим, избран ли демократическим путем, любой становился уязвимым для новых методов ведения войны Пентагоном — техник “роения” и “цветных революций”»¹⁷.

В целом же, привилегированное положение в западном научном мире занимает дискурс о внутренних причинах, эндогенных истоках «цветных революций».

Этот взгляд на проблему разделяют и некоторые отечественные ученые. Часть из них вообще рассматривает операции по смене режимов в 2000–2014 гг. в качестве революций в классическом понимании данного термина, полагая, что «цветные революции» являются естественным процессом демократического развития, реакцией населения на нарушения их прав и свобод. Консолидация же масс против правящих режимов, по их мнению, обусловлена обострением внутренних социально-экономических проблем. Д.Е. Фурман еще в 2006 г. отмечал, что «цветные революции» — «следствие не просчетов, а естественных процессов, следствие деградации режимов управляемых демократий, погружающихся в коррупцию, теряющих обратные связи с обществом, переходящих к открытым репрессиям и убийствам своих оппонентов и утрачивающих свою легитимность»¹⁸. По мнению отечественного эксперта В.Д. Соловья, первопричинами «цветных революций», которые он относит к категории «настоящих революций», выступали именно внутренние факторы. «Зарубежное участие в них — реальное или мнимое — несколько не отрицает оценки этих событий как революций... даже если мы признаем важную роль внешних сил в «цветных революциях», это не отменит их права называться революциями, а лишь рельефнее подчеркнет революционный характер событий»¹⁹, — отмечает автор. Утверждения о ключевой роли внешних сил в данных государственных переворотах он относит к продуктам пропаганды официальной Москвы, упоминая, тем не менее, что западные страны «оказывали организационную, финан-

¹⁷ *Engdahl F.W.* Full Spectrum Dominance: Totalitarian Democracy in the New World Order. Boxboro: Third Millennium Press, 2009. P. 41.

¹⁸ *Фурман Д.* Холодная война без слов // Независимая газета. 27.03.2006. URL: http://www.ng.ru/courier/2006-03-27/9_coldwar.html (дата обращения 25.08.2020).

¹⁹ *Соловей В.Д.* «Цветные революции» и Россия // Сравнительная политика. 2011. № 1. С. 34.

совую и технологическую помощь оппозиции и могли выступать посредниками между конфликтующими сторонами в случае развертывания революционного процесса»²⁰.

И.Д. Звягельская, в качестве кейса использующая события «арабской весны», высказывает мнение, что причины протестных выступлений носили внутренний характер, а подозрения о причастности правительств западных стран к изгнанию и отставкам своих союзников в арабском мире лишены всякой логики²¹. А.М. Васильев, рассматривая «революцию 25 января» в Египте, подчеркивает, что она «произошла не потому, что появились Интернет, “Фэйсбук” или “Твиттер”, — это была искра в куче сухого хвороста. Ее двигали те же силы, которые не раз разжигали революции: ненависть к коррумпированной автократии и тайной полиции, отчаяние поднимающегося среднего класса, безнадежное положение бедных, неспособность “верхов” на реальные реформы»²². Г.Ш. Кадирова считает, что серия антиправительственных выступлений в странах Ближнего Востока и Магриба «была направлена на установление демократического и справедливого общества», и в ходе смены режима в Египте администрация президента США Б. Обамы «воздерживалась как от прямой поддержки президента Х. Мубарака, так и от требований оппозиции о немедленном переходе власти»²³. Л.Л. Фитуни также указывает на внутренние социально-экономические и политические противоречия как на причину нарастания протестного движения в арабских странах. Тем не менее, важным фактором «весенних революций» исследователь называет иностранное влияние: «Без соответствующего внешнего фона, моральной, политической и, что не менее важно, материальной поддержки извне ни тунисская, ни египетская, ни тем более ливийская революции не имели бы реальной перспективы»²⁴.

²⁰ Соловей В.Д. Революtion! Основы революционной борьбы в современную эпоху. М.: Эксмо, 2017. С. 16.

²¹ Звягельская И. Д. События на Ближнем Востоке: российский взгляд // Россия сегодня и завтра. 2011. № 4. С. 5.

²² Васильев А.М. Цунами революций // Азия и Африка сегодня. 2011. № 6. С. 17.

²³ Кадирова Г.Ш. «Арабская весна» как попытка демократизации Ближнего Востока по западному образцу // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 81. С. 173, 178. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/81_2020kadirova.htm. (дата обращения 25.08.2020).

²⁴ Фитуни Л.Л. «Арабская весна»: трансформация политических парадигм в контексте международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 1. С. 12.

Действительно, большая часть представителей отечественного научного и экспертного сообщества склонна считать, что наряду с определенными внутренними предпосылками при реализации «цветных революций» огромную роль играл внешний фактор. К сторонникам такого подхода относятся авторы, характеризующие «цветные революции» как государственный переворот, организованный при участии внешних сил, преимущественно в интересах западных стран.

Выдающийся отечественный дипломат и исследователь Е.М. Примаков писал в 2009 г., что на Украине и в Грузии активнейшую роль в смене существовавших правительственных структур играли посольства США в Киеве и Тбилиси, и «это даже не скрывалось»²⁵. Профессор МГИМО А.М. Мигранян, подчеркивая роль экзогенного влияния, отмечал: «Элементы внешнего воздействия на осуществление революций чрезвычайно важны... Легитимность власти оказывается оспоренной извне. А до недавних пор на постсоветском пространстве, чтобы заручиться международным признанием, власти нуждались в одобрении Вашингтона и Брюсселя. Потеря такого благословения приводит автоматически к краху этих режимов»²⁶. Е.Г. Пономарева и Г.А. Рудов также подчеркивают решающую роль внешнего фактора в «цветных революциях». По их мнению, в «революционных потрясениях новейшего времени» огромную роль играет финансовая и организационно-информационная поддержка антисистемных сил из-за рубежа, причем в стране, которая подвергается атакам «цветных технологий», может даже не быть предпосылок для революционной ситуации²⁷.

Скрупулезно изучавший международный аспект «цветных революций» Н.С. Данюк придерживается точки зрения, что их возникновение, несмотря на существование внутренних противоречий, основывается в большей степени на факторе иностранного вмешательства. Автор прямо называет организатора и бенефициара этих геополитических операций: ««Цветные революции» стали одним из наиболее эффективных внешнеполитических инструментов Вашингтона, позволяющих при минимальных затратах и издержках

²⁵ *Примаков Е.М.* Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: ИИК «Российская газета», 2009. С. 199.

²⁶ *Мигранян А.* «Я не очень уверен, что киргизам удастся преодолеть разрыв севера и юга» // ЦентрАзия. 18.09.2005. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1127008080> (дата обращения 25.08.2020).

²⁷ *Пономарева Е.Г., Рудов Г.А.* «Цветные революции»: природа, символы, технологии // Обозреватель. 2012. № 3. С. 46.

реализовывать широкий спектр геополитических и геоэкономических задач за рубежом, расширять зону и закреплять влияние американских интересов в различных регионах мира»²⁸.

Исследователь технологий управления радикальными формами социального протеста Э.Э. Шульц не относит «цветные революции» (включая «арабскую весну») к революциям в классическом понимании, так как эти события не привели к изменениям политического строя и социальной системы государств. В то же время он считает неправомерным рассматривать их и как простой государственный переворот, так как для него не характерны массовые протестные движения²⁹. В контексте рассмотрения вопроса о причинах «цветных революций» Шульц отмечает, что наряду с наличием конфликтов и определенного недовольства, которые существуют в любом обществе, использование специальных «технологий бунта» привело к «цветным революциям» в тех странах, где присутствовал сильный внешний фактор, который мог принимать разные формы, от финансирования западными правительствами оппозиционных лидеров и организаций до экономического давления или угрозы прямого военного вмешательства³⁰.

Подобной трактовки причин и предпосылок «цветных революций» придерживается большинство российских специалистов, занимающихся изучением операций по ненасильственной смене политических режимов в начале XXI в.

Отечественные исследователи Т.В. Вербицкая и А.А. Керимов утверждают, что в российской науке можно выделить три альтернативных подхода к изучению «цветных революций», в соответствии с которыми они рассматриваются в качестве явления (государственный переворот, инициируемый и управляемый извне для реализации геополитических интересов заказчика), технологии (разновидность революции эпохи постмодерна, обладающая характером политической технологии и осуществляемая с целью свержения авторитарного режима с помощью провоцирования массовых протестов) и целенаправленного процесса (использование массовых уличных протестных акций в интересах государства-заказчика)³¹.

²⁸ Данюк Н.С. «Цветные революции». От теории к практике: монография. М.: Юнити-Дана, 2018. С. 487.

²⁹ Шульц Э.Э. Технологии бунта. Технологии управления радикальными формами социального протеста. М.: Подольская фабрика офсетной печати, 2014. С. 316.

³⁰ Там же. С. 320.

³¹ Вербицкая Т.В., Керимов А.А. Цветная революция как угроза политической системе государства: проблемы определения // Вопросы управления. № 2 (57). 2019. URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2019/02/01> (дата обращения 25.08.20).

Представляется, что данная точка зрения требует серьезной корректировки, ведь указанные дефиниции, по сути, не противоречат друг другу, и во всех трех случаях речь идет о неких импортированных из-за рубежа технологиях по смене правящих режимов. Эту проблему, однако, легко устранить, если анализировать «цветные революции» с точки зрения реализации определенных технологий по ненасильственной смене режима.

Дискуссионным остается лишь вопрос об особенностях применения этих технологий. Некоторые российские исследователи в качестве таковых рассматривают публичную дипломатию. Так, Н.А. Цветкова и Г.О. Ярыгин на примере Украины показывают, что Вашингтон способствовал государственным переворотам на постсоветском пространстве путем образования новых политических партий, содействия в организации электорального процесса, создания лояльных по отношению к США средств массовой информации и неправительственных организаций, включая молодежные структуры³². Другие российские специалисты полагают, что в случае провала первоначального плана по ненасильственному свержению законной власти «цветные революции» могут быть использованы в качестве катализатора для перевода ситуации в фазу боевых действий с подключением внешних акторов, и относят к «цветным революциям» события в Ливии и Сирии (что, на наш взгляд, не совсем верно). Этот, условно, военно-политический подход к исследованию «цветных революций» близок к популярной сегодня концепции «гибридной войны». С.М. Небренчин, например, относит «цветные революции» именно к категории «гибридных войн», отмечая, что деструктивные политические технологии являются наиболее эффективным инструментом для вмешательства во внутренние дела суверенных государств и подрыва основ их национальной безопасности³³. А.А. Бартош убежден, что общим для «цветной революции» и «гибридной войны» является информационно-психологическое воздействие на противника, которое ведется в соответствии с избранной стратегией³⁴. При этом он справедливо подчеркивает, что

³² Цветкова Н.А. Ярыгин Г.О. Участие публичной дипломатии США в политической трансформации Украины, 1990–2000-е гг. // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. 2015. Сер. 6. Вып. 4. С. 71.

³³ Небренчин С. Устоит ли Россия против «гибридной цветной революции». REGNUM. 19.06.2016. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2158662.html> (дата обращения 25.08.2020).

³⁴ Бартош А.А. Адаптивные стратегии информационной войны // Центр военно-политических исследований МГИМО. 18.09.2016. URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/37336> (дата обращения 25.08.2020).

организаторам «цветных революций» далеко не всегда удается выдержать ненасильственный формат, приводя в пример ливийские и сирийские события³⁵.

Подводя итог, следует констатировать, что на Западе и в России существуют различные подходы к определению реальных причин и предпосылок «цветных революций». Большинство западных авторов трактуют «цветные революции» исключительно как естественный процесс демократизации общества, стремящегося к переменам к лучшему. Такая точка зрения, безусловно, имеет право на существование. Однако в эту схему не укладывается технологичность «цветных революций», ведь не ясно, каким образом даже недовольное действующей властью население оперативно овладевает приемами ненасильственной борьбы с режимом и в этой борьбе начинает опираться на появившиеся как будто «из воздуха» институты и инструменты «мягкой силы». Данный факт позволяет российским экспертам говорить о том, что «цветные революции» — это лишь мимикрирующие под стихийные процессы технологии, которые западные специалисты старательно пытаются выдать за проявление воли народа, внезапно решившего свергнуть правивших годами и даже десятилетиями правителей. В этой связи отмечается и отличительный стиль работы Запада, и строгое соответствие плана любой «революции» определенному сценарию, и полное отсутствие истинно революционной идеологии у оппозиции и ведомых ею протестных масс³⁶. Кроме того, позиционируя «цветные революции» как естественный процесс самоорганизации общества, зарубежные геополитические «инженеры» зачастую таким образом лишь стремятся усилить давление на действующие власти, побуждая их отказаться от права на легитимное насилие в отношении протестующих и пойти по пути максимальных уступок последним (что в конечном итоге неизбежно приводит к краху режимов). Нелишним будет отметить и тот факт, что в англоязычных научных исследованиях крайне редко фигурирует дискурс о «мягкой силе» Запада как технологии осуществления государственных переворотов.

Однако, как было показано выше, западный дискурс о «цветных революциях» не однороден. В нем есть место, как тем, кто полностью не исключает наличие внешнего фактора, при этом все равно ставя на первое место эндогенные причины происхождения «цветных

³⁵ Бартош А.А. Разрушительный тандем: цветная революция и гибридная война // Независимое военное обозрение. 24.07.2015. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2015-07-24/1_revolution.html (дата обращения 25.08.2020).

³⁶ Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А.В. Технологии «мягкой силы» на вооружении США: ответ России. М.: Юнити-Дана, 2015. С. 414–416.

революций», так и тем, кто абсолютизирует иностранное вмешательство, настаивая на исключительно экзогенном характере этого геополитического феномена. Едва ли не прямо противоположенную картину можно увидеть при обращении к трудам отечественных специалистов. Большинство российских ученых склонны считать, что «цветные революции» не могли бы состояться без всесторонней поддержки со стороны внешнего контура или вовсе были полностью инспирированы зарубежными силами.

В этой связи позволим себе высказать собственную точку зрения на природу «цветных революций». Полагаем, что существуют как объективные, так и субъективные причины их возникновения. Необходимым условием осуществления «цветной революции» является наличие в стране реальных социально-экономических и политических проблем, которые так или иначе присутствуют практически в любом государстве современного мира (бедность, коррупция, неэффективное государственное управление, национально-религиозные противоречия и т.д. и т.п.). Безднадежность, отсутствие перспективы, «усталость терпеть» — вот основные двигатели протестного движения. Как очень точно подметила О.Ф. Волочаева, власть в странах — жертвах «цветных революций» сама на протяжении долгого периода времени собирала «хворост для костров оппозиции»³⁷.

Но все же значительно более важную роль сыграл субъективный фактор, заключавшийся в активном внешнем вмешательстве со стороны западных государств. Распространение разработанных США, Канадой и странами Европейского союза программ по продвижению демократии, создание оппозиционных акторов «мягкой силы» (политические партии, НПО, молодежные движения, традиционные и новые медиа), искусственное разжигание противоречий между различными социальными, этническими, профессиональными группами, нагнетание атмосферы тревоги и нестабильности в обществе, мощное иностранное давление на политические, финансовые, военные элиты страны — все это и создало благоприятные предпосылки для начала «цветных революций», а затем и для успешной реализации операций по демонтажу политических режимов.

На наш взгляд, именно технологии «мягкой силы» США и их союзников, обрушившиеся на Сербию, Грузию, Украину, Киргизию, Тунис и Египет, и стали ключевыми причинами и одновременно

³⁷ Волочаева О.Ф. «Ненасильственное» изменение политических режимов как феномен информационного общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 85.

инструментами неконституционной смены власти в указанных странах в 2000–2014 гг. Соответственно, «цветную революцию» следует определить как государственный переворот, незаконную операцию по смене политического режима с использованием импортированных из-за рубежа технологий «мягкой силы». Конечно, если бы условия для народного недовольства вообще отсутствовали, то даже масштабная иностранная помощь не смогла бы кардинально изменить внутривнутриполитическую ситуацию. Но верно и обратное. Ни одна из «цветных революций» не смогла бы начаться и победить без всесторонней поддержки извне.

Литература

Бартош А.А. Адаптивные стратегии информационной войны // Центр военно-политических исследований МГИМО. 18.09.2016. URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/37336>

Бартош А.А. Разрушительный тандем: цветная революция и гибридная война // Независимое военное обозрение. 24.07.2015. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2015-07-24/1_revolution.html

Васильев А.М. Цунами революций // Азия и Африка сегодня. 2011. № 6. С. 2–18.

Вербицкая Т.В., Керимов А.А. Цветная революция как угроза политической системе государства: проблемы определения // Вопросы управления. 2019. № 2 (57). URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2019/02/01>

Волочаева О.Ф. «Ненасильственное» изменение политических режимов как феномен информационного общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 83–86.

Голдстоун Д. Революции. Очень краткое введение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 192 с.

Данюк Н.С. «Цветные революции». От теории к практике: монография. М.: Юнити-Дана, 2018. 527 с.

Звягельская И.Д. События на Ближнем Востоке: российский взгляд // Россия сегодня и завтра. 2011. № 4. С. 1–5.

Кадирова Г.Ш. «Арабская весна» как попытка демократизации Ближнего Востока по западному образцу // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 81. С. 163–181. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/81_2020kadirova.htm.

Мигранян А. «Я не очень уверен, что киргизам удастся преодолеть разрыв севера и юга» // ЦентрАзия. 18.09.2005. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1127008080>.

Небринчин С. Устоит ли Россия против «гибридной цветной революции». REGNUM. 19.06.2016. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2158662.html>

Пономарева Е.Г., Рудов Г.А. «Цветные революции»: природа, символы, технологии // Обозреватель. 2012. № 3. С. 36–48.

Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: ИИК «Российская газета», 2009.

Соловей В.Д. Revolution! Основы революционной борьбы в современную эпоху. М.: Эксмо, 2017. 260 с.

Соловей В.Д. «Цветные революции» и Россия // Сравнительная политика. 2011. № 1. С. 33–43.

Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А.В. Технологии «мягкой силы» на вооружении США: ответ России. М.: Юнити-Дана, 2015. 581 с.

Фитуни Л.Л. «Арабская весна»: трансформация политических парадигм в контексте международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 1. С. 3–14.

Фукуяма Ф. Америка на распутье: Демократия, власть и неоконсервативное наследие. М.: АСТ, 2008. 282 с.

Фурман Д. Холодная война без слов // Независимая газета. 27.03.2006. URL: http://www.ng.ru/courier/2006-03-27/9_coldwar.html

Цветкова Н.А., Ярыгин Г.О. Участие публичной дипломатии США в политической трансформации Украины, 1990–2000-е гг. // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. 2015. Сер. 6. Вып. 4. С. 68–82.

Шульц Э.Э. Технологии бунта. Технологии управления радикальными формами социального протеста. М.: Подольская фабрика офсетной печати, 2014. 512 с.

Beissinger M. Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of the Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions // Perspectives on Politics. 2007. Vol. 5 (2). P. 259–276.

Brzezinski Z. The Choice: Global Domination or Global Leadership. NY.: Basic Books, 2009. 256 p.

Bunce V., Wolchik S. Defeating Authoritarian Leaders in Postcommunist Countries. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 373 p.

Engdahl F.W. Full Spectrum Dominance: Totalitarian Democracy in the New World Order. Boxboro: Third Millennium Press, 2009. 268 p.

Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: Simon & Schuster, 2011. 368 p.

Kandelaki G. Georgia's Rose Revolution: A Participant's Perspective // United States Institute of Peace. Special report 167. 2006. URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/sr167.pdf> (дата обращения 25.08.2020).

Kissinger H. Does America Need A Foreign Policy?: Toward A Diplomacy For The 21st Century. Darby: Diane Pub Co, 2004. 318 p.

Lane D. “Coloured Revolution” as a Political Phenomenon // Rethinking the “Coloured Revolution” / ed. by Lane D., White S. NY.: Routledge, 2010. P. 1–23.

Mitchell L. The Color Revolutions. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012. 256 p.

White S. Is There a Pattern? // Rethinking the “Coloured Revolution” / ed. by Lane D., White S. NY.: Routledge, 2010. P. 284–300.

С.Г. Туронок*

КРИЗИС ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ КАК СИМПТОМ ГЛУБОКО РАЗДЕЛЕННОГО СООБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ США)

В данном исследовании на основе качественного анализа социологических и статистических данных выявлен масштаб кризиса институционального доверия в современном американском обществе и обоснована правомерность, а также эвристическая ценность применения теоретической модели «глубоко разделенного сообщества» для характеристики нынешнего состояния Соединенных Штатов Америки. Модель «глубоко разделенного сообщества», за редким исключением, обычно применяется для описания стран и регионов, переживающих ранний этап национального строительства и становления демократических институтов после окончания гражданской войны, освобождения от колониальной зависимости, политической диктатуры или апартеида. Модель практически не применяется для анализа ситуаций в развитых демократических странах, таких как США, разве что применительно к отдельно взятым регионам или историческим периодам их развития (отдельные Южные штаты США во времена расовой сегрегации), чем и обусловлена научная новизна представленного исследования. При этом выделены линии актуальных научных дискуссий и обозначены проблемы тех или иных теоретических и эмпирических моделей, а также уточнен понятийный аппарат. На этой основе выявлены дальнейшие перспективы и возможные последствия развития ситуации в США во внутри- и внешнеполитических аспектах.

Ключевые слова: общественное доверие, кризис, глубоко разделенное сообщество, предпочтения избирателей, протестное движение, сепаратизм, гражданская война, внешнеполитическое влияние, глобальное лидерство.

The current study, based on a qualitative analysis of sociological and statistical data, tries to evaluate the scale of the crisis of institutional trust in modern American society, as well as scientific validity and heuristic value of applying the theoretical model of a “deeply divided society” to characterize the modern situation in the United States of America. The “deeply divided society” model, with rare exceptions, had been usually applied to countries and regions experiencing an early stage of nation-building and establishing of the democratic

* Туронок Станислав Генрихович — кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова Москва, Россия; e-mail: touronok@mail.ru

institutions after the end of the civil war, liberation from colonial dependence, political dictatorship or apartheid. The model is rarely applied to developed democracies, such as the United States, with the exception of specific regions or historical periods of their development (Southern states at the time of racial segregation), which testifies in favor of the scientific novelty of the presented study. It also highlights the key directions of academic discussion on the topic and indicates the problems embedded in a number of theoretical and empirical models, as well as clarifies the key terms. It also tries to put these and other related issues in perspective, both domestic and international.

Key words: public trust, crisis, deeply divided society, voters' preferences, protest movement, separatism, civil war, foreign influence, global leadership.

Феномен глубоко разделенного сообщества: теоретико-методологические рамки исследования

Модель «глубоко разделенного сообщества» (Р. Дарендорф, Э. Гуэльке, А. Маккалах, Э. Нордлингер и др.)¹ нашла широкое применение в современной конфликтологии².

Предпосылкой формирования «глубоко разделенного сообщества» (далее ГРС) принято считать наличие широкого спектра этнических, религиозных и конфессиональных, родоплеменных, социальных, экономических, политических, культурных, языковых, межрегиональных и иных линий размежевания, пронизывающих данное сообщество и обладающих конфликтогенным потенциалом.

Вместе с тем для возникновения феномена ГРС необходимо не только (и даже не столько) присутствие таких линий размежевания, сколько их определенное взаимное соотношение и сочетание, а именно: когда они накладываются одна на другую, усиливая друг друга и создавая мультиплицирующий эффект. Такая комбинация с высокой степенью вероятности провоцирует ситуацию, характеризующуюся глубоким, фронтальным расколом нескольких (чаще двух) макросоциальных групп, находящихся в антагонистических отношениях, воспринимающих друг друга в качестве экзистенциального «врага», с которым не может быть ни конструктивного компромисса, ни примирения.

¹ См.: Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социальные исследования. 1994. № 5; Guelke A. Politics in deeply divided societies. Cambridge: Polity Press, 2012; McCulloch A. Power-sharing and political stability in deeply divided societies. Hoboken: Taylor and Francis, 2014; Nordlinger E. Conflict Regulation in Deeply Divided Societies. Harvard University, 1972.

² Туронок С.Г. Политические кризисы и конфликты. Политология. Лексикон / Под. ред. А.И. Соловьева. М.: РОССПЭН, 2007. С. 474–489.

От обычных «фрагментированных сообществ» (или «много-
ставных» (*plural society*), согласно А. Лейпхарту)³, глубоко разделен-
ные сообщества отличаются неспособностью достигать согласия по
общим процедурам принятия политических решений, что значи-
тельно осложняет, если не исключает возможности примирения и
урегулирования.

В качестве значимых характеристик ГРС упоминается также
наличие «границ между конфликтующими группами... достаточно
четких, чтобы принадлежность к соответствующей группе была
недвусмысленной и, за редкими исключениями, неизменной», при
этом конфликт между ними имеет глубоко укорененный характер
и воспроизводится из поколения в поколение⁴.

Существенными характеристиками являются уровень развития
группового сознания и культуры, «политическая релевантность
культурных различий» и «диапазон проблем, подвергающихся по-
литизации» по основанию существующих линий размежевания⁵.

Другими словами, речь идет о ситуациях, в которых имеют
место «конфликты, возникающие на основании глубоко укорененных
линий разлома, устойчиво воспроизводящихся и эндемичных по своей
природе, обладающих потенциалом перерастания в насильственную
форму»⁶. Данное определение, сформулированное А. Гелке, принято
считать одним из наиболее универсальных, за отсутствием обще-
принятого в рамках соответствующей области исследования.

Важным симптомом ГРС является также глубокое взаимное
недоверие, которое имеет множественные проявления, в диапазоне
от устойчивых негативных предрассудков и фобий в отношении
«чужих», и до отрицания общих системообразующих институ-
тов — политических, экономических, религиозных, культурных и
т.д., которые зачастую воспринимаются как «захваченные», «при-
ватизированные», «служащие интересам» одного из разделенных
сообществ (при этом такие подозрения и обвинения могут носить
обоюдный характер). Зачастую такое недоверие принимает характер
полномасштабного кризиса, побуждающего одну или обе конфлик-
тующие стороны выстраивать альтернативные, параллельные ин-

³ *Лейпхарт А.* Демократия в многооставных обществах: сравнительное
исследование. М.: Аспект Пресс, 1997.

⁴ *Lustick I.* Stability in Deeply Divided Societies: Consociationalism Versus Con-
trol // *World Politics*. 1979. № 31 (3). Cambridge University Press. P. 325.

⁵ *Du Toit P.* Bargaining About Bargaining: Inducing the Self-negating Prediction
in Deeply Divided Societies—the Case of South Africa // *The Journal of Conflict Resolu-
tion*. 1989. № 33 (2). Sage Publications, Inc. P. 210.

⁶ *Guelke A.* Politics in deeply divided societies. Cambridge: Polity Press, 2012. P. 30.

ституциональные структуры, призванные наиболее полно выражать их групповые интересы.

В сложносоставном обществе, — мультирасовом, мультиэтническом, поликонфессиональном и т.д., — национальная идентичность в значительной степени опирается на силу его институтов. Когда эти институты утрачивают широкую поддержку и доверие, нация подвергается угрозе разложения и сползания в трайбализм. В наиболее экстремальном варианте такая ситуация имеет потенциал перерастания в гражданскую войну.

Модель ГРС, за редким исключением, обычно применяется для описания стран и регионов, переживающих ранний этап национального строительства и становления демократических институтов после окончания гражданской войны, освобождения от колониальной зависимости, политической диктатуры или апартеида⁷: Южная Африка⁸, Босния-Герцеговина, Судан, Ливан, Ирак⁹ и т.д. Исключением является Северная Ирландия¹⁰, представляющая экономически развитый мир со старыми традициями демократического правления, а также Израиль¹¹. Модель практически не применяется для анализа ситуаций в развитых демократических странах, таких как США, разве что применительно к отдельно взятым регионам или историческим периодам их развития (отдельные Южные штаты США во времена расовой сегрегации).

Опираясь на обозначенные теоретические позиции, обратимся к анализу актуальной внутривнутриполитической ситуации в США с целью определения правомерности и эвристических возможностей приложения модели «глубоко разделенного сообщества» к выбранному кейсу.

⁷ См.: *Autonomy, self-governance and conflict resolution: Innovative approaches to institutional design in divided societies* / Ed. by Wolff S., Weller M. NY.: Routledge, 2006; *Luskin R.C., O'Flynn I., Fishkin J.S., Russell D. Deliberating across deep divides // Political studies. Guildford. 2014. Vol. 62. Iss. 1. P. 116–135; Sustainable peace: Power and democracy after civil wars* / Ed. by Roeder Ph.G., Rothchild D. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2005; *Selway J., Templeman Kh. The myth of consociationalism? Conflict reduction in divided societies // Comparative political studies. Thousand Oaks, CA, 2012. N 45 (12). P. 1542–1571.*

⁸ *Horowitz D.L. A democratic South Africa? Constitutional engineering in a divided society. Berkeley, CA: Univ. of California press, 1991.*

⁹ *McGarry J., O'Leary B. Iraq constitution of 2005: Liberal consociation as political prescription // International journal of constitutional law. Oxford, 2007. Vol. 5. N 4. P. 670–698.*

¹⁰ *McGarry J. Northern Ireland and the divided world — Post Agreement Northern Ireland in a comparative perspective. Oxford University Press, 2001.*

¹¹ *Lerner H. Making Constitutions in Deeply Divided Societies. Cambridge University Press, 2011.*

Кризис институционального доверия в США: социологическое измерение

Актуальные замеры общественного мнения демонстрируют множественные признаки нарастающего кризиса институционального доверия в США, масштабы которого в перспективе последних 10 лет приобретают всеобъемлющий характер.

Согласно результатам аналитического отчета “*Most Trusted Brands 2020*”¹², подготовленного консалтинговой компанией *Morning Consult*, более 2/3 американских респондентов отмечают снижение уровня доверия за последние годы, причем этот процесс распространяется в широком диапазоне от политических и общественных институтов, идей, общественных и политических деятелей до известных торговых марок и брендов.

При этом авторы отчета отмечают, что наиболее значительный рост недоверия имеет место в отношении институтов и центров политической, экономической и информационной власти. Так, менее 1 из 10 американцев доверяют органам федеральной власти США. Лишь 4% испытывают доверие к Уолл Стриту и Голливуду. Религиозные лидеры, крупный бизнес, государственная система образования и другие фундаментальные элементы современного общества также сталкиваются с возрастающим уровнем скептицизма.

Согласно результатам исследования, доверие потребителей к ключевым общественным институтам и «брендам» распределилось в следующем убывающем порядке:

Врачи	50%	Президент (Дональд Трамп)	20%
Военные	44%	Религиозные лидеры	15%
Amazon	39%	Капитализм	14%
Google	38%	СМИ	8%
Учителя	35%	Федеральные органы власти	7%
Полиция	30%	Уолл Стрит	5%
Наука	26%	Голливуд	4%

Источник: *Most Trusted Brands 2020 // Morning Consult*¹³.

¹² *Most Trusted Brands 2020 // Morning Consult*. URL: https://morningconsult.com/form/brands-well-trusted/?utm_source=MTB_Rankings_Webpage&utm_medium=cta&utm_campaign=2020_Q1_Most_Trusted_Brands_Main_Report (дара обращения 20.06.2020).

¹³ Там же.

По оценкам службы *Gallup*, доверие американцев к СМИ в последние годы достигло наименьших показателей с 1972 г., т.е. за всю историю наблюдений. До 2004 г. для большинства американцев было характерно по меньшей мере относительное доверие к СМИ, однако с тех пор доля доверяющих постепенно оказалась в меньшинстве, и наконец, к середине нынешнего десятилетия таковых осталось около одной трети, и это значение продолжает неуклонно снижаться¹⁴.

Лишь 25% американских избирателей, по данным на июнь 2020 г. считают, что страна движется в правильном направлении, согласно другому опросу, проведенному той же службой. Этот показатель, зафиксированный в первой декаде июня, на два пункта ниже предыдущего, полученного неделей раньше, и самый низкий с июля 2016 г. (для сравнения, в последние годы президентства Барака Обамы его значение держалось ближе к 30%)¹⁵.

Приведенные данные дополняют результаты опроса *Wall Street Journal/NBC News*¹⁶, согласно которому 80% американцев считают, что ситуация в стране «выходит из-под контроля» перед лицом двойного кризиса, вызванного пандемией коронавируса и волной протестов, охвативших США. Следует обратить внимание на значительный разрыв в оценках, данных сторонниками двух основных партий: так, 92% демократов убеждены в том, что власти утратили контроль над ситуацией в стране, в то время как среди республиканцев таковых было 66%.

На этом фоне характерным трендом общественных настроений последнего времени является нарастание апокалиптических ожиданий в отношении перспектив развития ситуации в стране. Еще один свежий опрос *Rasmussen Report*¹⁷ показывает, что 34% американских избирателей ожидают начало второй гражданской войны в США в ближайшие 5 лет (против 31% два года назад). При-

¹⁴ Americans' Trust in Mass Media Sinks to New Low // Gallup, 2016. URL: <http://www.gallup.com/poll/195542/americans-trust-mass-media-sinks-new-low.aspx> (дата обращения 20.06.2020).

¹⁵ Right Direction or Wrong Track // Rasmussen Reports, June 7-11, 2020. URL: https://www.rasmussenreports.com/public_content/politics/mood_of_america/right_direction_wrong_track_jun15 (дата обращения 20.06.2020).

¹⁶ Wall Street Journal/NBC News Survey, June 2020. URL: <https://www.documentcloud.org/documents/6938425-200266-NBCWSJ-June-Poll.html> (дата обращения 20.06.2020).

¹⁷ 40% of GOP Voters Think Civil War Likely // Rasmussen Reports, June 15, 2020. URL: https://www.rasmussenreports.com/public_content/politics/current_events/social_issues/40_of_gop_voters_think_civil_war_likely (дата обращения 20.06.2020).

мечательно, что если в 2018 г. сторонники демократов были более озабочены перспективой гражданской войны в стране, то сегодня республиканцы существенно вырвались вперед с результатом в 40%, против 28% демократов.

По отношению к нынешней волне массовых протестов и вандализма, захлестнувших страну летом 2020 г., общественное мнение разделилось: 37% считают, что протестное движение будет способствовать долгосрочным содержательным изменениям в расовом вопросе, 31% уверены в обратном, ожидая ухудшения межрасовых отношений, оставшиеся 32% затруднились с ответом¹⁸.

Неотъемлемой составляющей нынешней протестной волны стала тема отношения к американскому историческому наследию и его публичным символам. Так, согласно опросу службы *Gallup*¹⁹, показатель гордости за свою страну (*American pride*) достиг рекордно низких значений за последние два десятилетия наблюдений и демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению, которая стала особенно заметной с середины нынешнего десятилетия. Так, 62% респондентов испытывают «исключительную» и «значительную» гордость оттого, что они американцы, что могло бы показаться высоким уровнем, если не сравнивать нынешний результат с многолетней нормой — в 2003 г. таковых было 92%, в 2013 — 85%.

И здесь также следует отметить драматический разрыв между сторонниками демократов (24%) и республиканцев (67%). Этот разрыв стремительно нарастает за годы правления Д. Трампа: если для республиканцев значение показателя осталось практически неизменным (67–68%), то для демократов оно обвалилось почти в два раза (с 44 до 24%).

Показательно также, что динамика, отмеченная для сторонников Демократической партии, практически в точности совпадает с динамикой настроений цветных (небелых) респондентов (с 45 до 24%), в то время как белые американцы демонстрируют пусть и незначительное, но все же снижение уровня «гордости за страну» (с 54 до 49%) за тот же период времени (2016–2020)²⁰.

Таки образом, в вопросе гордости за свою страну американцы с каждым годом демонстрируют все более усугубляющийся раскол по партийно-идеологическому и расовому основаниям.

¹⁸ Там же.

¹⁹ U.S. National Pride Falls to Record Low // Gallup, June 15, 2020. URL: <https://news.gallup.com/poll/312644/national-pride-falls-record-low.aspx> (дата обращения 20.06.2020).

²⁰ Там же.

Еще более заметен разрыв в настроениях приверженцев двух основных политических партий США в их отношении к идее ликвидации всех символов и монументов Конфедерации: 64% демократов считают, что это будет способствовать улучшению межрасовых отношений в стране, и лишь 19% республиканцев согласны с этим²¹.

Наконец, следует обратить особое внимание на драматически меняющееся отношение американцев к тому, что можно считать одними из фундаментальных оснований американского общества и государства с самого момента его возникновения — капитализму и демократии.

Так, ежегодные аналитические отчеты вашингтонского *Мемориального фонда жертв Коммунизма (The Victims of Communism Memorial Foundation)* выявляют устойчивый рост антикапиталистических и просоциалистических настроений среди респондентов, в особенности молодежи. Последний по времени, Четвертый отчет фонда «*Об отношении американцев к социализму, коммунизму и коллективизму*», опубликованный осенью 2019 г. свидетельствует, что «*позитивные коннотации, связанные с «социализмом», становятся нормой*»²².

Согласно данным исследования, популярность коммунистических идей и практик продолжила рост, в особенности среди миллениалов (от 23 до 28 лет) и поколения Z (от 16 до 22 лет), и достигла 36%, что на 8% выше результатов 2018 г. Одновременно с этим, лишь один из двух представителей этих поколений (50%) положительно относится к капитализму, что на те же 8% ниже показателей 2018 г.

50% миллениалов «*вполне вероятно*» и 20% «*очень вероятно*» отдали бы свой голос кандидату-социалисту, что на 10% превышает значения 2018 г. 45% молодых американцев согласны с тем, что «*все высшее образование должно быть бесплатным*». 46% молодежи предпочло бы жить в социалистической, и 6% в коммунистической стране, и лишь 40% в капиталистической. 15% миллениалов считают, что мир был бы лучше, если бы СССР все еще существовал²³.

При этом обращает на себя внимание впечатляющий разрыв в настроениях старших и младших поколений американцев. Так,

²¹ Rasmussen Reports. June 15, 2020.

²² Fourth Annual Report On U.S. Attitudes Toward Socialism // The Victims of Communism Memorial Foundation, October 30, 2019. URL: <https://www.victimsofcommunism.org/2019-annual-report> (дата обращения 20.06.2020).

²³ Там же.

лишь 57% молодых американцев (против 94% старших поколений) считают, что Декларация Независимости США гарантирует большую свободу и равенство в сравнении с Манифестом Коммунистической партии. 22% молодежи верят в то, что «общество бы только выиграло, если бы вся частная собственность была ликвидирована» (лишь 1% старших поколений придерживается такой точки зрения).

Обобщая приведенные социологические данные, можно сделать вывод о наличии в США кризиса доверия в отношении основополагающих политических, экономических и общественных институтов, включая те, что ассоциируются с фундаментальным базисом американского общества, его 250-летней истории. Следует согласиться с теми, кто характеризует ситуацию как национальный кризис институциональной легитимности. «Начавшись с федеральных органов власти, эта волна недовольства своими метастазами затронула практически все центры власти в стране, от медиа до бизнеса и спорта»²⁴. При этом динамика основных социологических показателей свидетельствует о стремительном нарастании данного кризиса, выходящего уже за рамки контролируемых параметров.

Более того, и это принципиально важно для нашего исследования, динамика общественных настроений выявляет целый ряд усугубляющихся расколов в американском обществе, проходящих по таким значимым линиям размежевания, как межрасовые, межпоколенческие и партийно-политические различия.

Разумеется, данная констатация является необходимой, но не достаточной для того, чтобы с уверенностью говорить о формировании в США «глубоко разделенного сообщества» в соответствии с базовыми требованиями соответствующей теоретической модели. Для этого необходимо нечто большее: наличие не только субъективных (фиксируемых социологическим инструментарием), но и объективных, экономических, финансовых, демографических, географических и прочих линий размежевания, при этом совпадающих, накладывающихся друг на друга и создающих тем самым мультиплицирующий эффект, столь характерный для классических «глубоко разделенных сообществ». Далее мы увидим, что названные условия в полной мере присутствуют в современной американской действительности.

²⁴ *Salmon F.* A national crisis of institutional legitimacy // *Axios*. Jun 11, 2020 URL: <https://www.axios.com/america-systemic-racism-institutions-ce1e0273-df6e-48fe-99de-2c2c2e110a9f.html> (дата обращения 20.06.2020).

«Красная» Америка против «синей» Америки: статистическое измерение

Электоральные карты США принято раскрашивать двумя основными цветами: штаты, население которых в большинстве своем поддерживает Республиканскую партию, обозначаются красным, а те, которые традиционно голосуют за демократов — синим. Разброс цветов меняется от выборов к выборам, однако существует определенная закономерность: «красные» республиканские штаты в основном находятся в центре и на юге Соединенных Штатов, «синие» демократические — на побережьях и севере страны (рис. 1)²⁵.

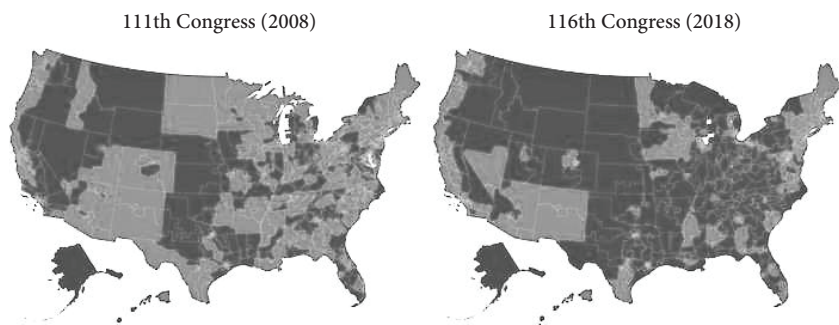

Рис. 1. Результаты выборов в Конгресс в 2008 и 2018 гг.
Источник: Brookings Inst.²⁶

Определенные различия между «красной» и «синей» Америкой являются традиционными и хорошо известными, нашедшими свое отражение не только в научных и аналитических публикациях, но и в образах популярной культуры, фольклоре и юморе.

Так, часть «красных» штатов входит в так называемый «библейский пояс» Америки, где большая часть населения живет в сельской местности и в небольших городах, а религиозные институты играют значительную роль. «Синие» штаты, в свою очередь, более урбанизированы, более образованны (более 95% американских ученых, получивших Нобелевские премии, жили и работали в таких

²⁵ Григорьев А. Америка: «красная», «синяя» и «сиреневая» // Голос Америки URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/red-and-blue-america/1516341.html> (дата обращения 20.06.2020).

²⁶ Muro M., Whiton J. America has two economies—and they're diverging fast // Brookings Inst., September 19, 2019 URL: <https://www.brookings.edu/blog/the-avenue/2019/09/10/america-has-two-economies-and-theyre-diverging-fast/> (дата обращения 20.06.2020).

штатах), более культурны (в них, например, больше драматических театров), и менее религиозны, кроме того, их население более разнообразно — расово, этнически и религиозно²⁷.

С учетом сказанного, не приходится удивляться тому, что демократы и республиканцы не просто придерживаются различных политических воззрений, существенно различаются их образ жизни, привычки и увлечения.

Основу экономик «красных» штатов обычно составляет сельское хозяйство, добыча и переработка полезных ископаемых, лесное хозяйство — традиционно они обеспечивают примерно 30% ВВП США; в свою очередь «синие» штаты преуспевают в сферах промышленности, финансов, информационных технологий и пр., и на их долю приходится около 40% ВВП страны²⁸. Другими словами, до недавнего времени, и на протяжении многих десятилетий сохранялся относительный экономический паритет между «красной» и «синей» Америкой.

Между тем, в последнее десятилетие наметились драматические тенденции, позволяющие говорить уже не столько о традиционных, ставших привычными различиях между «красной» и «синей» Америкой, но о все более углубляющемся фундаментальном размежевании, расколе между ними.

Осенью 2019 г. авторитетный вашингтонский аналитический центр *Brookings Institute* совместно с ведущим американских деловым изданием *The Wall Street Journal* опубликовали исследование под красноречивым названием «Демократы и республиканцы живут в разных мирах»²⁹. Его результаты произвели и на читателей, и даже на самих авторов впечатление, близкое к шокирующему.

Исследователи изучили различия между «синими» и «красными» округами на промежуточных выборах в нижнюю палату Конгресса 2018 г., т.е. округами, в которых избрали демократов и республиканцев соответственно. Очевидно, что выбранный уровень анализа позволяет получить более точную картину различий между сторонниками демократов и республиканцев, чем соответствующая статистика на уровне штатов, имеющих порой существенные внутренние различия, например между крупными городскими агломе-

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ *Zitner A., Chinni D. Democrats and Republicans Live in Different Worlds // The Wall Street Journal, Sep. 20, 2019 URL: <https://www.wsj.com/articles/democrats-and-republicans-live-in-different-worlds-11568996171?mod=searchresults&page=2&pos=4> (дата обращения 20.06.2020).*

рациями и сельской глубинкой. Полученные результаты оказались впечатляющими, особенно если анализировать их в динамике.

Начать стоит с финансово-экономических показателей, демонстрирующих углубляющийся разрыв между демократическими и республиканскими округами. Так, суммарный ВВП производимый «синими», то есть демократическими округами составил 64%, республиканскими соответственно 36% от ВВП Соединенных Штатов. В пересчете на 1 округ средний ВВП, производимый демократическим округом равен 48,5 млрд долл., что в полтора раза больше, чем ВВП республиканских округов — 32,5 млрд долл.

При этом еще в конце прошлого десятилетия, в 2008 г. разница между средним ВВП «синих» и «красных» округов была незначительной: 35,7 млрд долл. против 33,2 млрд³⁰.

Средние доходы домохозяйств в 2008 г. практически не различались по округам. В «синих» округах этот показатель составлял 54 000 долл. в год, в «красных» — 55 000 долл. в год. Но уже в 2018 г. доходы домохозяйств в демократических округах выросли до 61 000 долл., а в республиканских даже снизились до 53 000 долл. в год³¹ (рис. 2).

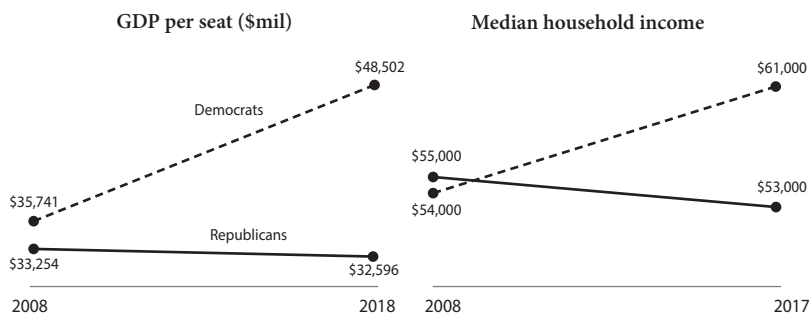

Рис. 2. Средний ВВП и медианный доход домохозяйств демократических и республиканских округов в 2008 и 2018 гг.

Источник: Brookings Inst.³²

³⁰ Там же.

³¹ Muro M., Whiton J. America has two economies—and they're diverging fast // Brookings Inst., September 19, 2019 URL: <https://www.brookings.edu/blog/the-avenue/2019/09/10/america-has-two-economies-and-theyre-diverging-fast/> (дата обращения 20.06.2020).

³² Muro M., Whiton J. America has two economies—and they're diverging fast // Brookings Inst., September 19, 2019 URL: <https://www.brookings.edu/blog/the-avenue/2019/09/10/america-has-two-economies-and-theyre-diverging-fast/> (дата обращения 20.06.2020).

«Очевидно, что две партии говорят от имени драматически различающихся сегментов американской экономики», — делают вывод авторы упомянутого выше исследования. — Однако сегодня можно утверждать, что речь уже идет об экономиках не просто различающихся, но стремительно движущихся в противоположных направлениях, и эту радикальную трансформацию мы можем наблюдать в реальном времени»³³.

Между тем, радикальная трансформация «красной» и «синей» Америки проявляется далеко не только в экономических показателях. Так, по образовательному уровню избирателей в 2008 г. «синие» и «красные» округа практически не отличались: степень бакалавра или высшее образование имели по 28% избирателей демократических и республиканских округов. На промежуточных выборах в Конгресс 2018 г. выяснилось, что доля бакалавров и лиц с высшим образованием среди избирателей «синих» округов выросла до 35,5% а среди избирателей «красных» округов упала до 26,6%³⁴.

Нарастающий разрыв в уровне образования неизбежно коррелирует со сдвигами в структуре занятости «красных» и «синих». Так, доля «синих», занятых в базовых производственных отраслях с 2008 по 2018 г. сократилась с 53,8 до 43,6%, доля же «красных» напротив, возросла с 46,2 до 56,4%. Аналогичная динамика имела место в сфере аграрного сектора, где доля «красных» выросла с 53,9 до 60,5%, а «синих» сократилась с 46,1 до 39,5% (рис. 3).

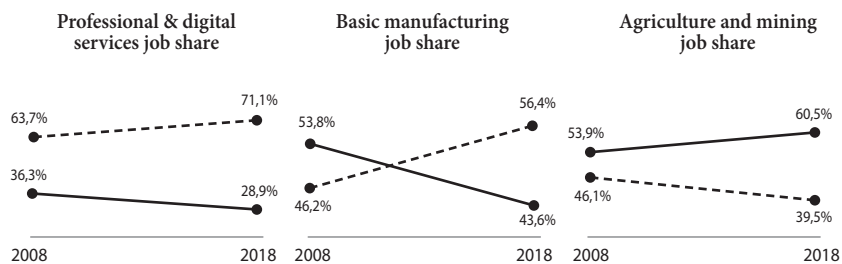

Рис. 3. Структура занятости избирателей демократических и республиканских округов в 2008 и 2018 гг.

Источник: Brookings Inst.³⁵

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Muro M., Whiton J. America has two economies—and they’re diverging fast // Brookings Inst., September 19, 2019 URL: <https://www.brookings.edu/blog/the-avenue/2019/09/10/america-has-two-economies-and-theyre-diverging-fast/> (дата обращения 20.06.2020).

Доля же занятых в сфере высококвалифицированного труда и цифровых технологий среди «синих» за тот же период, напротив, выросла с 63,7 до 71,1%, а среди «красных» снизилась с 36,3 до 28,9% соответственно³⁶.

Даже по такому показателю, как плотность населения, «синие» и «красные» округа разительно отличаются: средняя плотность населения в демократических округах приближается к 2 000 чел. на кв. км., в то время как в республиканских этот показатель немногим более 100 чел. на кв. км.

Если в 2008 г. доля избирателей демократов и республиканцев, проживающих в крупных городских агломерациях отличалась незначительно и составляла 86,7 и 82,7% соответственно, то спустя 10 лет разрыв увеличился значительно: 94,6 против 75,6%³⁷.

«Трудно даже представить, что эти экстремальные различия могут быть еще большими, — не скрывают своих эмоций авторы цитируемого исследования. — Речь идет об уровне поляризации, выходящем за все разумные рамки. При этом каких-либо признаков, указывающих на возможность развернуть эту динамику вспять, не наблюдается; напротив, имеющиеся тенденции в экономике лишь расширяют и углубляют обнажившийся раскол»³⁸.

Приведенные количественные показатели указывают, в свою очередь, на более качественные по своей природе различия в образе жизни «красной» и «синей» Америки. Демократы (либералы) и республиканцы (консерваторы) в США различаются не только в уровне доходов, образования и структуре занятости, но даже в предпочтениях по поводу того, где и с кем бы они хотели проживать.

Так, согласно результатам опроса *Pew Research Center*³⁹, 75% убежденных консерваторов, имея возможность выбора, жили бы за городом, и лишь 22% предпочитают плотную городскую застройку. В свою очередь, предпочтения убежденных либералов практически диаметрально противоположны: 77% выбирают компактные условия проживания в городской среде, и лишь 21% выбирают загородные просторы и удаленность «субурбии». При этом характерно, что 50% убежденных консерваторов и 35% либералов отметили

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Political Polarization In The American Public // Pew Research Center, JUNE 12, 2014 URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2014/06/12/section-3-political-polarization-and-personal-life/> (дата обращения 20.06.2020).

важность того, чтобы в месте их проживания большинство соседей разделяли их политические взгляды.

Эти данные подтверждают стремление (по крайней мере, в перспективе) к разделенному, сепаратному сосуществованию и формированию относительно замкнутых общин, что особенно выражено, как мы видим, у сторонников республиканцев.

Статистика фиксирует также углубляющиеся линии раскола между электоратом демократов и республиканцев по таким значимым параметрам, как гендерная, расовая, этническая, возрастная и религиозная принадлежность.

Так, согласно имеющимся исследованиям, гендерный разрыв в партийно-политической идентификации достиг максимальных значений за последние два десятка лет: 56% женщин выбирают Демократическую партию, и лишь 42% мужчин отдают «синим» свои предпочтения⁴⁰.

Доля приверженцев христианства среди демократов еще в 2008 г. достигала 73%, сегодня она упала до 52%. Для сравнения, среди республиканцев этот показатель изменился менее значительно: с 87% в 2008 г. до 79% в 2020 г.

Республиканцы продолжают удерживать симпатии белых американцев (53%), в то время как значительное большинство афроамериканцев, а также граждан латиноамериканского и азиатского происхождения предпочитают демократов. Среди черных избирателей 83% идентифицируют себя как демократы, и лишь 10% как республиканцы. Среди латиноамериканцев 63% также отдают предпочтение «синим» (против 29% сторонников «красных»)⁴¹.

Еще одним важным признаком «глубоко разделенного сообщества» является формирование устойчивых социокультурных стереотипов и «образов врага», разделяемых сторонниками того или иного сообщества в отношении противной стороны. Актуальная социология подтверждает и это предположение.

Так, по данным еще одного опроса *Pew Research Center*, проведенного по итогам президентских выборов 2016 г., «впервые за все время наблюдений с 1992 г., большинство сторонников обеих партий выражают не просто негативное, но *крайне* негативное отношение друг к другу. Более того, значительная доля как демократов, так и

⁴⁰ In Changing U.S. Electorate, Race and Education Remain Stark Dividing Lines // Pew Research Center, JUNE 2, 2020 URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2020/06/02/in-changing-u-s-electorate-race-and-education-remain-stark-dividing-lines/> (дата обращения 20.06.2020).

⁴¹ Там же.

республиканцев заявляют о том, что их оппоненты вызывают у них не просто фрустрацию, но страх и гнев»⁴².

Более половины демократов (55%) заявляют, что Республиканская партия вызывает у них «страх», такую же позицию высказывают 49% республиканцев в отношении Демократической партии.

70% демократов считают своих оппонентов узко мыслящими, 42% называют их бесчестными и 35% безнравственными.

Республиканцы платят своим оппонентам той же монетой, считая их узко мыслящими (52%), безнравственными (47%), ленивыми (46%) и бесчестными (45%).

Если в 2008 г. 32% республиканцев придерживались «крайне негативного» отношения к сторонникам Демократической партии, то в 2014 г. этот показатель вырос до 46%, а по итогам выборов 2016 г. подскочил до 58% (без малого двукратный рост за 8 лет). Среди демократов наблюдается аналогичная траектория: с 37% в 2008 г. до 43% в 2014 и 55% после 2016 г.

Наконец, показательным симптомом наличия глубоко укоренившихся взаимных негативных предрассудков можно считать такой своеобразный показатель, как готовность связать свою жизнь со сторонником другой партии. Несмотря на кажущуюся комичность самой постановки такого вопроса, американские избиратели склонны воспринимать его с настораживающей серьезностью.

Так, по данным *Pew Research Center* 71% одиноких сторонников Демократической партии, ищущих себе партнера «возможно» (из них 45% «определенно») не стали бы завязывать серьезные отношения с человеком, голосовавшим за Дональда Трампа. Среди республиканцев соответственно 47% (из них 19% «определенно») не стали бы вступать в отношения с избирателями Хилари Клинтон⁴³.

Подводя промежуточные итоги сказанному, можно с уверенностью утверждать, что в США формируются или уже сформированы все необходимые и достаточные предпосылки «глубоко разделённого сообщества»: множественные линии размежевания — экономические, демографические, социальные, культурные и, наконец, политические, — не только имеют явно выраженную тенденцию к

⁴² Partisanship and Political Animosity in 2016 // Pew Research Center, JUNE 22, 2016 URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2016/06/22/partisanship-and-political-animosity-in-2016/> (дата обращения 20.06.2020).

⁴³ Most Democrats who are looking for a relationship would not consider dating a Trump voter // Pew Research Center, APRIL 24, 2020 URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/04/24/most-democrats-who-are-looking-for-a-relationship-would-not-consider-dating-a-trump-voter/> (дата обращения 20.06.2020).

углублению (порой стремительному в исторических масштабах), но и в ряде случаев демонстрируют специфическое для модели «глубоко разделенного сообщества» наложение, формирующее мультипликативный эффект.

Ситуация усугубляется усилением и закреплением устойчивых негативных стереотипов и предрассудков, способствующих взаимной демонизации, а в перспективе и дегуманизации, что в свою очередь является необходимой предпосылкой для дальнейшей радикализации сторон и обращения к силовым методам конфликтного взаимодействия.

В свою очередь, в условиях беспрецедентного кризиса институционального доверия, переживаемого сегодня американским обществом, перспектива выхода сторон конфликта за пределы правового пространства и обращения к открытому насилию приобретает черты вполне реалистичного сценария.

Последствия кризиса институционального доверия в США теоретические и практические

Последствия нынешнего кризиса институционального доверия в США многообразны, имеют как теоретическое, так и практическое значение, проявляются как во внутривнутриполитической, так и во внешнеполитической сферах, в том числе непосредственно затрагивают жизненно важные интересы нашей страны.

Значимым теоретическим вызовом в сложившейся ситуации следует признать проблематичность анализа и прогнозирования электорального процесса в США на основе классических теоретических моделей, к числу которых относится теорема о медианном избирателе.

Теория (теорема) медианного избирателя (*median voter theory*, MVT) — одна из наиболее авторитетных среди теорий общественного выбора. Некоторые идеи этой теории можно обнаружить еще в парадоксе Кондорсе (1785 г.), однако окончательный вид применительно к мажоритарному голосованию она обрела в 1948 г. в работе Дункана Блэка⁴⁴, и — применительно к представительной демократии — в 1957 г. у Энтони Даунса⁴⁵.

Теорема о медианном избирателе гласит: при условиях, что индивидуальные предпочтения являются одновысшими, а группы голосующих за разные альтернативы примерно равны, «система

⁴⁴ Black D. On the Rationale of Group Decision-making // Journal of Political Economy. 1948. № 56. P. 23–34.

⁴⁵ Downs A. An Economic Theory of Democracy. Harper and Row; 1st edition. 1957.

голосования по правилу большинства выберет результат, наиболее предпочтительный медианным избирателем»⁴⁶ (рис. 4). Следствием этой теоремы является эмпирически наблюдаемое на протяжении многих десятилетий правило, согласно которому кандидаты от демократов и республиканцев склонны сдвигать свои политические позиции в сторону центра распределения предпочтений избирателей, т.е. в направлении искомого «медианного избирателя», поскольку именно здесь можно максимизировать количество голосов, полученных кандидатом.

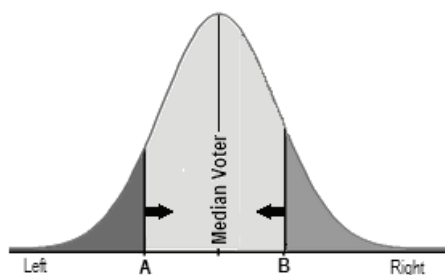

Рис. 4. Теорема о медианном избирателе.
Источник⁴⁷

Между тем, проблема состоит в том, что в условиях углубляющегося раскола в американском обществе теорема о медианном избирателе перестает работать. Согласно имеющимся исследованиям⁴⁸, расхождения между прогнозами, построенными на этой теоретической модели и наблюдаемыми результатами политического процесса в США, накапливаются уже на протяжении 40 лет, однако именно в последние годы это несоответствие становится особенно очевидным.

Как итог, все чаще побеждают политики, придерживающихся более радикальных политических позиций, чем большинство их избирателей. Своей политической (законотворческой) деятельностью

⁴⁶ *Holcombe R.G.* Public Sector Economics: The Role of Government in the American Economy. Pearson Education. 2006. P. 155.

⁴⁷ *O'Hara N.* The Median Voter Theorem and Why Politicians are Boring. 14 Mar. 2016 URL: <https://www.uqes.com.au/blog/the-median-voter-theorem-and-why-politicians-are-boring/> (дата обращения 20.06.2020).

⁴⁸ *Krasa S., Polborn M.K.* Political Competition in Legislative Elections // Published online by Cambridge University Press: 22 August 2018. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/american-political-science-review/article/political-competition-in-legislative-elections/33F501778E779F9ED692DEBD42B3632F> (дата обращения 20.06.2020).

они еще больше способствуют поляризации двух национальных партий и их электората (рис. 5).

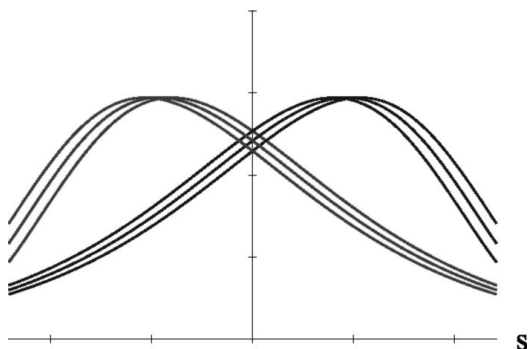

Рис. 5. Поляризация предпочтений избирателей.
Источник⁴⁹

В условиях поляризации предпочтений избирателей и формирования бимодальной модели, при которой два пика сдвигаются в направлении обоих экстремумов, электоральная стратегия меняется коренным образом: теперь уже успех сопутствует тем кандидатам и партиям, которые формулируют политические предложения, вызывающие радикальное неприятие со стороны соперников. В таких условиях, как и предсказывал Энтони Даунс, которому приписывают авторство теоремы медианного избирателя, государственная политика оказывается нестабильной, а демократический процесс может обернуться хаосом, возможно ведущим к его замещению той или иной формой автократии⁵⁰. Что мы и наблюдаем на примере сегодняшних США.

Другим значимым сюжетом научных и публицистических дискуссий, развернувшихся на фоне переживаемого ныне глубокого внутривнутриполитического кризиса США, является перспектива развития сепаратистских настроений в этой стране. В самом деле, приведенные выше данные убедительно свидетельствуют о том, что на фоне нарастающего кризиса институционального доверия, усугубленного пандемией COVID-19 и массовых протестных выступлений, сценарий, если не второй гражданской войны, то не-

⁴⁹ O'Hara N. The Median Voter Theorem and Why Politicians are Boring. 14 Mar. 2016 URL: <https://www.uqes.com.au/blog/the-median-voter-theorem-and-why-politicians-are-boring/> (дата обращения 20.06.2020).

⁵⁰ Downs A. An Economic Theory of Democracy. Harper and Row; 1st edition. 1957.

когого нового «Бостонского чаепития» как способа разрешения накопившихся противоречий между «красной» и «синей» Америкой, уже не представляется фантастическим, как это было еще пару лет назад. Для этого имеются как объективные, так и субъективные предпосылки.

Так, Грегори Треверторн — с 2014 по 2017 гг. возглавлявший Национальный совет по разведке США⁵¹ ведущий центр среднесрочного и долгосрочного стратегического планирования при Администрации президента, — в соавторстве с Карен Треверторн, формулируют достаточно драматический прогноз, предполагающий неизбежность административно-территориального разделения США уже в обозримой перспективе.

Ситуация усугубляется еще до конца не осознанными последствиями пандемии коронавируса, которую уже называют «худшим провалом государственной политики в истории США»⁵². Густонаселенные мегаполисы Восточного и Западного побережий, по понятным причинам принявшие на себя основной удар пандемии, контролируются демократами, и их представители уже открыто обвиняют федеральные власти в лице Президента в преступном бездействии и отсутствии какой-либо помощи особо пострадавшим регионам. На волне недовольства политикой федеральных властей, губернатор Гевин Ньюсом (*Gavin Newsom*) в интервью MSNBC уже назвал Калифорнию «государством» (*nation-state*), способным самостоятельно осуществлять экспорт и импорт (медицинских товаров) с другими странами мира и штатами США⁵³.

При всем драматизме нынешнего кризиса, это далеко не единственная, и даже не главная причина того, что Американский Союз ожидают серьезные потрясения. В дополнение к приведенным нами выше данным, характеризующим масштаб социально-экономических дисбалансов между «красными» и «синими» регионами США, следует обратить внимание на усугубляющийся административно-территориальный дисбаланс между ними.

Так, в 2008 г. по итогам выборов в Конгресс 111-го созыва на «синие» избирательные округа, голосовавшие за демократов, при-

⁵¹ US National Intelligence Council, URL: https://www.dni.gov/index.php?option=com_content&view=article&id=398&Itemid=776 (дата обращения 20.06.2020).

⁵² Там же.

⁵³ Newsom. California has deal for 200 million masks per month // MSNBC April 8, 2020 URL: <https://www.msnbc.com/rachel-maddow/watch/newsom-california-has-deal-for-200-million-masks-per-month-81763397587> (дата обращения 20.06.2020).

ходило 39% территории США, в то время как «красные» округа могли претендовать на 61% соответственно. Однако уже через 10 лет выборы в Конгресс 116-го созыва показали, что за демократами остается всего 20%, в то время как республиканцы увеличили свой охват до 80% территории страны⁵⁴.

Процесс административно-территориального размежевания и концентрации политических, экономических, демографических, культурных и проч. ресурсов, предпосылки которого обозначились в США уже с 1960-х гг., является долговременной тенденцией, лишь в малой степени подверженной актуальной политической конъюнктуре, и в среднесрочной перспективе можно ожидать его усугубление и обострение.

Согласно прогнозам, уже к 2040 г. 70% американцев будут проживать в Калифорнии и еще 14 наиболее урбанизированных штатах, преимущественно Восточного и Западного побережий США. Не все они, но подавляющее большинство будут сторонниками демократов. Так или иначе, это означает, что 70% граждан страны будут представлены всего 30 сенаторами, в то время как оставшихся 30% избирателей на Капитолийском холме будут иметь 70 представителей⁵⁵.

Процесс административно-территориального разделения «красной» и «синей» Америки, даже если он примет форму цивилизованного развода, обещает быть непростым. Как в традиционно «синих» штатах типа Калифорнии есть свои «красные» анклавные территории, например центральная Калифорнийская долина, так и в «красных» штатах типа Техаса есть «синие» анклавные территории, например Остина. В этой связи Г. Тревертон и К. Тревертон считают целесообразным обратиться к опыту Европейского Союза, который может послужить моделью мягкой федерации, возможно с единой валютой и системой безопасности⁵⁶.

Очевидно также, что столь масштабные внутривнутриполитические потрясения в стране, которую многие все еще привыкли воспринимать как мирового лидера, неизбежно имеют и внешнеполитические последствия. Эксперты-международники редко уделяют свое внимание тому, как внутренняя ситуация в США оказывает влияние на ее международное положение и внешнеполитическое влияние,

⁵⁴ Zitner A., Chinni D. Democrats and Republicans Live in Different Worlds (Op. cit.).

⁵⁵ Treverton G.F., Treverton K. Is California nearing its “Boston tea party moment”? // The Hill, May 03, 2020. URL: <https://thehill.com/opinion/national-security/495848-is-california-nearing-its-boston-tea-party-moment> (дата обращения 20.06.2020).

⁵⁶ Там же.

однако сегодня, как никогда ранее, эта взаимосвязь представляется более, чем значимой.

«Если Соединенные Штаты не смогут собраться и преодолеть накопившиеся социальные и политические линии размежевания, утверждает Ричард Хаас, президент влиятельного американского «Совета по международным отношениям» в своей публикации в журнале “*Foreign Affairs*”, глобальные перспективы демократии будут ослаблены, у друзей и союзников США может пошатнуться готовность верить свою безопасность в руки Соединенных Штатов, а у соперников — ослабнуть, частично либо полностью, их традиционная сдержанность»⁵⁷.

Сегодня столь зримо проявившаяся неспособность США жить в соответствии с собственными высокими стандартами и идеалами, которые многими в мире воспринимались как образец для подражания, объективно подрывает возможность американской дипломатии призывать другие страны и народы следовать своему примеру.

«Нынешний политический кризис неизбежно подрывает способность США продвигать и защищать демократию и права человека. Демократия сегодня повсеместно перешла в отступление, а способности США остановить это отступление ослаблены, как никогда»⁵⁸.

Наиболее актуальным кейсом, ярко демонстрирующим сказанное выше, является политика Китая в отношении Гонконга. Пекин уверенно отвергает критику, звучащую из Вашингтона, апеллируя к тому, что сегодня происходит в самих Соединенных Штатах.

Стремительное по историческим меркам сокращение внешнеполитического веса и влияния США, их неспособность, а во многом и нежелание далее нести на себе бремя глобального лидерства неизбежно ставят перед остальным мировым сообществом вопросы такого масштаба, которые не стояли перед ним как минимум со времен окончания холодной войны и ухода с политической арены Советского Союза. Кто сегодня способен заполнить геополитический вакуум, возникающий на наших глазах? Готовы ли нынешние политические и интеллектуальные элиты сформулировать ответы на возникающие в этой связи комплексные проблемы, с которыми нынешнему поколению, пожалуй, еще не приходилось сталкиваться? Ответы на все эти вопросы, безусловно, требуют решения исследовательских задач, выходящих далеко за рамки данной публикации.

⁵⁷ Haass R. Foreign Policy By Example. Crisis at Home Makes the United States Vulnerable Abroad // *Foreign Affairs*, June 5, 2020.

⁵⁸ Там же.

Литература

Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социальные исследования. 1994. № 5. С. 142–147.

Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997.

Туронок С.Г. Политические кризисы и конфликты // Политология. Лексикон / Ред. А.И. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2007.

Americans' Trust in Mass Media Sinks to New Low // Gallup, 2016. URL: <http://www.gallup.com/poll/195542/americans-trust-mass-media-sinks-new-low.aspx>

Autonomy, self-governance, and conflict resolution: Innovative approaches to institutional design in divided societies / Ed. by Wolff S., Weller M. NY.: Routledge, 2006.

Black D. On the Rationale of Group Decision-making // Journal of Political Economy. 1948. 56. P. 23–34.

Downs A. An Economic Theory of Democracy. Harper and Row; 1st edition, 1957.

Du Toit P. Bargaining About Bargaining: Inducing the Self-negating Prediction in Deeply Divided Societies—the Case of South Africa // The Journal of Conflict Resolution. 33 (2). Sage Publications, Inc.: 1989.

Fourth Annual Report On U.S. Attitudes Toward Socialism // The Victims of Communism Memorial Foundation, October 30, 2019. URL: <https://www.victimsofcommunism.org/2019-annual-report>

Guelke A. Politics in deeply divided societies. Cambridge: Polity Press, 2012.

Haass R. Foreign Policy By Example. Crisis at Home Makes the United States Vulnerable Abroad // *Foreign Affairs*, June 5, 2020.

Holcombe R.G. Public Sector Economics: The Role of Government in the American Economy. Pearson Education, 2006.

Horowitz D.L. A democratic South Africa? Constitutional engineering in a divided society. Berkeley, CA: Univ. of California press, 1991.

In Changing U.S. Electorate, Race and Education Remain Stark Dividing Lines // Pew Research Center, JUNE 2, 2020 URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2020/06/02/in-changing-u-s-electorate-race-and-education-remain-stark-dividing-lines/>

Krasa S., Polborn Mattias K. Political Competition in Legislative Elections Published online by Cambridge University Press: 22 August 2018. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/american-political-science-review/article/political-competition-in-legislative-elections/33F501778E779F9ED692DEBD42B3632F>

Lerner H. Making Constitutions in Deeply Divided Societies. Cambridge University Press, 2011.

Luskin R.C., O'Flynn I., Fishkin J.S., Russell D. Deliberating across deep divides // Political studies. Guildford. 2014. Vol. 62. Iss. 1. P. 116–135.

Lustick I. Stability in Deeply Divided Societies: Consociationalism Versus Control // World Politics 31 (3). Cambridge University Press, 1979. 325 p.

Muro M., Whiton J. America has two economies — and they're diverging fast // Brookings Inst., September 19, 2019. URL: <https://www.brookings.edu/blog/the-avenue/2019/09/10/america-has-two-economies-and-theyre-diverging-fast/>

McCulloch A. Power-sharing and political stability in deeply divided societies. Hoboken: Taylor and Francis, 2014.

McGarry J. Northern Ireland and the divided world — Post Agreement Northern Ireland in a comparative perspective. Oxford University Press, 2001.

McGarry J., O'Leary B. Iraq constitution of 2005: Liberal consociation as political prescription // International journal of constitutional law. Oxford, 2007. Vol. 5. N 4. P. 670–698.

Nordlinger E. Conflict Regulation in Deeply Divided Societies. Harvard University, 1972.

Partisanship and Political Animosity in 2016 // Pew Research Center, JUNE 22, 2016 URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2016/06/22/partisanship-and-political-animosity-in-2016/>

Political Polarization In The American Public // Pew Research Center, JUNE 12, 2014. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2014/06/12/section-3-political-polarization-and-personal-life/>

Selway J., Templeman Kh. The myth of consociationalism? Conflict reduction in divided societies // Comparative political studies. Thousand Oaks, CA, 2012. N 45 (12). P. 1542–1571.

Sustainable peace: Power and democracy after civil wars / Ed. by Roeder Ph.G., Rothchild D. Ithaca: Cornell Univ. press, 2005.

Treverton G.F., Treverton K. Is California nearing its 'Boston tea party moment'? // The Hill, May 03, 2020. URL: <https://thehill.com/opinion/national-security/495848-is-california-nearing-its-boston-tea-party-moment>

U.S. National Pride Falls to Record Low // Gallup, June 15, 2020. URL: <https://news.gallup.com/poll/312644/national-pride-falls-record-low.aspx>

Zitner A., Chinni D. Democrats and Republicans Live in Different Worlds // The Wall Street Journal, Sep. 20, 2019.

СТРАТЕГИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Д.А. Парфенов*

РАЗВИТИЕ МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РФ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Статья посвящена рассмотрению специфики совершенствования механизма государственного управления, нацеленного на обеспечение экономической безопасности в условиях цифровизации экономики и общества, глобальных технологических и социальных трансформаций. В статье проведен анализ понятия «экономическая безопасность» на основе работ ученых и нормативно-правовых актов, определены задачи механизма обеспечения экономической безопасности. Эти задачи, связанные с обеспечением экономической безопасности, непосредственно решают Совет Безопасности РФ и Межведомственная комиссия по безопасности при Совете Безопасности РФ. Отмечено, что национальная программа «Цифровая экономика» как инструмент государственного управления является одним из способов обеспечения экономической безопасности в условиях развития цифровых технологий во всех сферах общественной жизни. Цифровая экономика и цифровизация общества предъявляют новые требования к компетенциям специалистов на рынке труда, их знаниям и умениям, что обостряет конкуренцию и демонстрирует появление новых угроз и вызовов экономической безопасности. В этой связи в статье рассмотрены статистические показатели в сфере образования. Трансформации в области цифровых технологий требуют значительного расширения масштабов применения результатов интеллектуальной деятельности в Российской Федерации и развитию региональных инновационно-территориальных кластеров страны. На основе статистических данных выявлены особенности использования результатов интеллектуальной деятельности в РФ. Автор приходит к выводу о необходимости его совершенствования с учетом новых угроз и вызовов, которые несет цифровизация.

Ключевые слова: экономическая безопасность, цифровая экономика, Совет безопасности РФ, механизм государственного управления, цифровые технологии.

* Парфенов Денис Андреевич — соискатель факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ; e-mail: parfenov.denis@gmail.com

The article deals with the specifics of improving the mechanism of public administration aimed at ensuring economic security in the conditions of digitalization of the economy and society, global technological and social transformations. The article analyzes the concept of “economic security” based on the works of scientists and legal acts, defines the tasks of the mechanism for ensuring economic security. These tasks related to ensuring economic security are directly solved by the Security Council of the Russian Federation and the Interdepartmental security Commission under the Security Council of the Russian Federation. It is noted that the national program “Digital economy” as a tool of public administration is one of the ways to ensure economic security in the context of the development of digital technologies in all spheres of public life. The digital economy and digitalization of society impose new requirements on the competencies of specialists in the labor market, their knowledge and skills, which exacerbates competition and demonstrates the emergence of new threats and challenges to economic security. In this regard, the article considers both the dynamics of the number of employees by level of education, 2009–2019, as well as the level of education and professional training of the population of the Russian Federation. Transformation in digital technologies requires a significant increase in the use of results of intellectual activity in the Russian Federation and the development of regional innovative clusters around the country. Based on statistical data, the features of using the results of intellectual activity in the Russian Federation are revealed. The author analyzes modern institutions for supporting the mechanism of ensuring economic security in the Russian Federation and comes to the conclusion that it needs to be improved taking into account the new threats and challenges posed by digitalization.

Keywords: economic security, digital economy, Security Council of the Russian Federation, public administration mechanism, digital technologies.

Введение

Инструменты государственного управления, направленные на повышение уровня экономической безопасности, рассматривались в трудах отечественных ученых в разных аспектах. Так, академик Л.И. Абалкин указывал, что данная категория представляет такое состояние экономической системы, которой свойственны качества динамичного развития экономики, социальной сферы, а также экономическая безопасность. Это означает, что государство ведет собственную экономическую политику и не зависит от других стран с области определения приоритетов этой политики¹.

Профессор В.К. Сенчагов считает, что экономическая безопасность представляет собой «состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечиваются гарантированная защита

¹ Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4–13.

национальных интересов, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных условиях развития внешних и внутренних процессов»². Таким образом, из определений «гуру» данной области исследования следует, что именно властные структуры и создаваемые ими институты и механизмы управления должны способствовать защите интересов экономики страны, что позволит обеспечить интересы национальной экономической системы, поддержать социальное развитие и стабильность общества.

Обобщая приводимые определения, видно, что современная научная платформа категории «экономическая безопасность» включает как элементы национальной безопасности РФ, так и элементы безопасности различных отраслей экономики, социальной сферы, общества, граждан. Достигается обеспеченность безопасности путем противостояния внешним и внутренним угрозам за счет создания специального механизма государственного управления, нацеленного на сохранение суверенитета и целостности государства, единства его экономического пространства, формирование благоприятных условий для достижения национальных целей.

Задачи механизма обеспечения экономической безопасности

Механизмом государственного управления, обеспечивающим экономическую безопасность, является система специально разработанных инструментов воздействия, благодаря которым достигается нивелирование неблагоприятных процессов защиты социально-экономической системы от различного рода угроз. Действующие инструменты управления показывают несовершенство системы экономической безопасности, что требует от органов власти решения имеющихся проблем в различных подсистемах социально-экономической системы.

Современные условия развития определяются разноплановостью и противоречивостью. С одной стороны, развитие происходит на фоне технологического прогресса, активного использования информационно-коммуникационных технологий, цифровизации экономики. С другой стороны, данные процессы происходят в условиях турбулентности экономики, волатильности рынков, нестабильности внешней среды, дифференциации уровней регионального развития. Данные процессы усугубляет пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19.

² Сенчагов В.К. Модернизация финансовой сферы // Вопросы экономики. 2011. № 3. С. 53–64.

Все эти особенности настоящего периода требуют более детального осмысления формирования и применения механизмов государственного управления, направленных на повышение экономической безопасности. Формирование таких механизмов выстраивается на систематизации и обработке информации о социально-экономических явлениях и процессах, реагировании на изменения макроэкономических показателей. Также представляется чрезвычайно важным учитывать условия, на фоне которых происходит снижение темпов развития региональной экономической подсистемы, различных отраслей и комплексов, других элементов системы экономической безопасности.

Механизм государственного обеспечения экономической безопасности состоит из взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, способствующих устранению угроз и вызовов социально-экономической системе. Данный механизм включает специально созданный орган — Межведомственную комиссию по безопасности при Совете Безопасности России, институциональное сопровождение, нормативно-правовую платформу, производственные отношения, возникающие в процессе производства. Элементы механизма экономической безопасности, а также грамотно применяемые средства и способы их взаимодействия, выработанные в результате политики, направленной на снижение угроз и рисков экономической опасности, способствуют формированию условий для социально-экономического развития и формирования благоприятного административного климата и цифровой экосистемы бизнеса, динамично развивающимися отраслями социальной сферы.

Задачи, которые решаются при управленческом воздействии механизма экономической безопасности, заключаются в формировании и реализации государственной политики в сфере достижения соответствующего уровня безопасности, в осуществлении анализа и оценки угроз и рисков экономической безопасности, в разработке мер по их минимизации. Для этого необходима координация деятельности федерального центра и регионов-субъектов Федерации в реализации принятых управленческих решений, направленных на минимизацию угроз и рисков экономической безопасности. Данные задачи решаются Советом Безопасности³.

³ Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» // СПС Консультант плюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (дата обращения: 28.11.2020).

Цифровизация как фактор развития механизма обеспечения экономической безопасности

Особый смысл развитию механизма экономической безопасности придает цифровизация и развивающаяся на ее фоне цифровая экономика. Под цифровизацией принято понимать продвижение цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности общества. Цифровая экономика, сменившая индустриальную парадигму, является важнейшим звеном процессов цифровизации. В ней ключевая роль отведена знаниям субъектов хозяйственной деятельности и нематериальному производству⁴.

Исследователи Ю.М. Акаткин и Е.Д. Ясиновская рассматривают цифровую экономику в прямой взаимосвязи с государственным управлением, направленным на развитие инновационных процессов в обществе, а также на совершенствование системы госуправления посредством применения цифровых инструментов и механизмов. В частности, речь идет о цифровом правительстве и развитии государственной интегрированной информационной системы — инструментах, позволивших создать единое информационное пространство для межведомственного взаимодействия и предоставления государственных и муниципальных услуг, для привлечения стейкхолдеров в выборе приоритетов развития страны. Именно эта платформа стала фундаментом для цифрового этапа развития госуправления⁵. Развивая взгляды Ю.М. Акаткина и Е.Д. Ясиновской, добавим, что возможности сбора и обработки больших данных в системе электронного правительства позволяют применить в механизме обеспечения экономической безопасности цифровые стратегии для взаимодействия гражданского сообщества, бизнес-сообщества, межведомственного взаимодействия в системе государственного менеджмента, что, в свою очередь, будет способствовать повышению уровня экономической безопасности.

Профессор МГУ Т.А. Агапова связывает цифровизацию экономики и общества с возможностью повышения конкурентоспособности страны и ее регионов на основе применения инструмента кластерной организации, который позволит хозяйствующим

⁴ Асаул В.В., Михайлова А.О. Обеспечение информационной безопасности в условиях формирования цифровой экономики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2018. № 4 (38). С. 5–9.

⁵ Акаткин Ю.М., Ясиновская Е.Д. Цифровая трансформация государственного управления. Датацентричность и семантическая интероперабельность / Препринт. М.: ДПК Пресс, 2018. 48 с.

субъектам сформировать партнерские отношения с властными структурами. По мнению исследователя, которое мы тоже разделяем, кластеры смогут исполнить роль основного фактора поддержания экономического и политического суверенитета РФ в условиях глобализации⁶. Цифровые технологии будут способствовать формированию партнерских отношений нового типа. За счет обработки информации цифровыми методами, в объекте управления окажутся одновременно данные по развитию отраслей, комплексов. Это сделает возможным учет факторов производства, спроса и предложения, угроз и рисков, вызванных турбулентностью или кризисом экономики, а также обстоятельствами непреодолимой силы (пандемией), реализацию государственной стратегии, повышение уровня конкурентоспособности страны и ее регионов. В силу этого возрастут конкурентные преимущества отраслей и фирм, а сами кластерам займут почетное место среди инструментов осуществления экономической безопасности в условиях цифровизации экономики и общества.

Профессор Л.С. Шаховская считает, что элементом механизма обеспечения экономической безопасности могут стать единые информационные системы управления персоналом⁷. Знания, умения и навыки персонала в эпоху экономики знаний являются ведущим ресурсом развития. С нашей точки зрения, этот инструмент механизма обеспечения экономической безопасности значим сразу с нескольких позиций. Во-первых, концентрация и обработка цифровыми методами данных о ключевых показателях эффективности и результативности специалистов позволит совершенствовать корпоративную культуру, что будет способствовать росту прибыли на микроуровне, и повышению экономической безопасности предприятий и организаций. С другой стороны, повышение мобильности персонала, эффективное использования человеческого капитала станет фактором экономического развития на макроуровне, придаст устойчивость национальной экономике в период кризиса, повысит

⁶ Агапова Т. А. Использование цифровых технологий в управлении экономикой РФ как фактор повышения ее конкурентоспособности // Международная ежегодная научная конференция Ломоносовские чтения — 2019. Секция экономические науки. Экономические отношения в условиях цифровой трансформации: сборник тезисов выступлений. М.: 2019. С. 186–190.

⁷ Инновационные технологии в развитии социально-экономических систем: сборник научных трудов II Научно-практической конференции с международным участием, 20–22 мая 2020 г., Севастополь / под ред. Е.И. Пискун, Л.С. Шаховской, Р.М. Нижегородцева. Севастополь: СевГУ, 2020. 255 с.

конкурентоспособность страны, что станет дополнительным условием повышения уровня экономической безопасности РФ. Таким образом, такая база данных компетенций персонала также может стать инструментом в механизме обеспечения экономической безопасности страны.

Ученые Г.И. Брялина, С.Н. Булганина и Е.А. Баркова, А.В. Виленский рассматривают возможности малого бизнеса, который наиболее чутко реагирует на внедрение цифровых технологий⁸. Российский малый бизнес, имея в основном небольшое количество работников, представлен в основном сферой услуг⁹. Субъекты хозяйствования активно используют цифровые стандарты связи, применяют онлайн-коммуникаций. С точки зрения экономической безопасности, создаются условия для поиска новых методов управления знаниями, что выводит экономику на более высокий уровень развития и снижает угрозы экономической безопасности¹⁰.

Однако существуют исследования, авторы которых считают невозможным преодоление проблем экономического развития, основываясь только на применении цифровых технологий. Более того, цифровая экономика может способствовать нарастанию рисков и угроз устойчивому безопасному развитию бизнеса и общества в целом¹¹. В этой связи возрастает роль и значение менеджеров, принимающих управленческие решения по наполнению и средствам распространения информации¹². С.Д. Бодрунов указывает на невозможность устранения противоречия между общественными потребностями и производственными возможностями только на базе информационно-коммуникационных

⁸ Брялина Г.И. Влияние цифровизации экономики на малый бизнес в России // Международная ежегодная научная конференция Ломоносовские чтения — 2019. Секция экономических наук. Экономические отношения в условиях цифровой трансформации: сборник тезисов выступлений. М., 2019. С. 80–82.

⁹ Булганина С.Н., Баркова Е.А. Сектор малых и средних предприятий как условие формирования промышленного и финансового капитала в российской экономике // Экономический анализ: теория и практика. 2017. № 2. С. 39–47.

¹⁰ Виленский А.В. Трансформация региональной и федеральной поддержки малого и среднего предпринимательства России // Аудит и финансовый анализ. 2018. № 4. С. 168–174.

¹¹ Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. McGrawHill, 1995.

¹² Зорина Т.М. Государственные закупки в условиях цифровой экономики // Вызовы цифровой экономики: условия, ключевые институты, инфраструктура: сборник статей I Всероссийской научно-практической конференции (г. Брянск, 21–22 марта 2018 г.) Брянск: Брян. гос. инженерно-технол. ун-т; 2018. 288 с.

технологий. Возможности информационно-коммуникационных технологий ограничены созданием условий технологического обеспечения процессов развития, но не решают при этом самой проблемы. Между тем, инновационное промышленное производство на базе обновленных технологий шестого технологического уклада будет играть ведущую роль для формирования и развития цифровой экономики¹³. Данный аргумент является обоснованным для показателей, характеризующих промышленное производство и отражающих уровень экономической безопасности (к таким показателям можно отнести индексы производства по отдельным отраслям, степень износа фондов, инновационные товары и услуги, их долю в производстве и другие).

Рост экономики и конкурентоспособности страны на основе цифровой экономики находится на начальной стадии развития, при которой элементы цифровизации встраиваются в экономическую систему точно, и ожидать быстрого синергетического эффекта для развития национальной экономики получить будет весьма затруднительно. Об этом свидетельствует тезис ученых Чэн Энь фу и Гао Цзянь куня¹⁴. Данный тезис через призму большой роли государства в обеспечении интеграции цифровизации и экономики, устранения точечного влияния цифровизации на всю экономическую систему, отмечает также О. Борох¹⁵. Эффект масштаба цифровой экономики, гарантирующий экономическую безопасность страны может обеспечить только четкая стратегическая инициатива и экономическая политика государства.

Характеристикой цифровизации является переход от физических объектов к цифровым, от реальных операций — к электронным на основе методов кодировки, обработки баз данных и передачи полученной информации объектам хозяйствования или заинтересованным в такой информации лицам. Между тем, выделить единое представление о методах обработки экономической информации не представляется возможным¹⁶. Подобного взгляда на положение

¹³ Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. 2016. 328 с.

¹⁴ Чэн Энь фу, Гао Цзянь кунь. Перспективы макроэкономического развития Китая: десять мер // Вопросы политической экономии. 2017. № 1. С. 6–18.

¹⁵ Борох О.Н. Экономическая наука в Китае: путь к рынку и открытости // Мир перемен. 2005. № 2. С. 47–63.

¹⁶ Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 46–63.

с обработкой информации придерживаются и некоторые другие ученые. Они выделяют в проблеме работы с цифровой информацией нехватку специалистов в данной области, отсутствие профессионального сообщества как в среде государственного и муниципального управления, так и в банковском секторе¹⁷.

С точки зрения экономической безопасности, решение проблемы «кадрового голода» специалистов по обработке цифровой информации по силам только государству посредством взвешенной кадровой политики, проводимой в интересах развития общества.

А.В. Бузгалин и А.И. Колганов выражают уверенность в том, что распространение цифровизации экономики зависит от перехода сотрудников к творческой креативной компоненте в своей деятельности¹⁸. В настоящее время число занятых в указанных сферах, где главным условием труда является креативная деятельность, составляет около трети от общей численности работников¹⁹.

С точки зрения экономической безопасности РФ, переход от традиционной экономики к цифровой означает новый путь развития системы, учитывающий риски и угрозы технологического, социального и экономического отставания страны от ведущих зарубежных государств. У механизма государственного регулирования экономической безопасности появляется новое направление, связанное с повышением конкурентоспособности страны и предотвращением специфических рисков, определяемых цифровизацией экономики и общества.

Национальная программа «Цифровая экономика» как инструмент обеспечения экономической безопасности

Одним из инструментов нового механизма экономической безопасности можно считать принятую в 2017 г. программу «Цифровая экономика Российской Федерации», которая была непосредственно нацелена на формирование «технологической независимости стра-

¹⁷ Гунина И.А., Логунова И.В., Пестов В.Ю. Повышение эффективности использования человеческого капитала в условиях цифровой трансформации // РЕГИОН: системы, экономика, управление. 2019. № 1 (44). С. 18–25.

¹⁸ Бузгалин А.В. Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 122–141.

¹⁹ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18–28.

ны», как было сказано в послание Президента РФ Федеральному Собранию 30.11.2016. После выхода майских (2018 г.) Указов Президента РФ, программа «Цифровая экономика» позиционируется как один из двенадцати национальных проектов. Приоритетом развития данной национальной программы (нацпроекта) является ее нацеленность на создание условий для нового типа виртуальных рыночных социально-экономических отношений, возникающих в процессе совершенствования информационно-коммуникационных технологий в экономике и социальной сфере, и направленных на автоматизацию и цифровизацию процессов управления на основе больших данных. Нацпроект «Цифровая экономика» должен способствовать развитию высокотехнологичных отраслей, повышению конкурентоспособности российских товаров и услуг на мировом рынке, способствовать осуществлению прорыва к технологиям шестого технологического уклада. Положительными эффектами от реализации нацпроекта «Цифровая экономика» будет ускорение процессов цифровизации экономики, социальной сферы и общества, распространение в режиме online больших данных, сглаживание уровня межрегиональной дифференциации.

Таким образом, достижение целей нацпроекта «Цифровая экономика» будет способствовать снижению особых угроз и рисков в области экономической безопасности и минимизации факторов, влияющих на неравновесное состояние экономики в процессах цифровизации.

Использование интеллектуальной деятельности в контексте экономической безопасности

Интеллектуализация хозяйственной деятельности является основным элементом цифровизации и информации общества и формирования цифровой экономики. Интеллектуальными ресурсами при этом выступают условия, способствующие повышению экономической эффективности. Такими ресурсами являются знания населения и его технологический потенциал, заключающийся в наличии специально подготовленных высококвалифицированных кадров, обладающих умениями и навыками квалифицированного управления информационными технологиями.

Российская статистика фиксирует на протяжении 2009–2019 гг. повышение числа работников с высокой профессиональной квалификацией (табл. 1). Также к интеллектуальным ресурсам можно отнести информацию, качество образования, возможность повышать квалификацию и обучаться в течение жизни.

Динамика численности занятых по уровню образования²⁰

	Всего, тыс. чел.	в том числе имеют образование					
		высшее	среднее профессиональное		среднее общее	основное общее	не имеют основного общего
			по программе подготовки специалистов среднего звена	по программе подготовки квалифицированных рабочих, служащих			
Занятые							
2009	69410	19704	18798	13024	14492	3139	255
2010	69934	20381	18960	13683	13894	2778	237
2011	70857	21129	19118	13745	13907	2730	228
2012	71545	21740	18748	13955	14236	2671	196
2013	71391	22616	18400	13237	14446	2511	181
2014	71539	23045	18486	13618	13745	2484	160
2015	72324	23847	18668	13853	13322	2485	147
2016	72393	24216	18755	13869	13107	2315	129
2017	72316	24761	18542	13866	12566	2417	164
2018	72532	24819	18526	14112	12459	2439	176
2019	71933	24632	18423	13951	12121	2635	172

Рассмотренные факторы развития человеческого капитала в информационном обществе, характеризующие уровень экономической безопасности в разрезе цифровой экономики представлены в табл. 2.

²⁰ Источник: Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам Р13 выборочных обследований рабочей силы). 2020 Стат. сб. // Росстат. М., 2020. 145 с. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2EfrJGVJ/Rab_sila_2020.pdf (дата обращения: 28.11.2020).

**Динамика уровня образования
и профессиональной подготовки населения²¹**

№	Показатель, ед. измерения	Годы								
		2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
1	Доля занятого населения с высшим образованием в общей численности занятого населения, %	30,1	30,7	31,2	32,6	33,0	33,8	34,3	35,1	35,1
12	Численность студентов вузов, на 10 тыс. чел.	493	454	424	394	356	325	300	289	284
13	Доля обучающихся в общеобразовательных учреждениях в общей численности населения, %	9,5	9,6	9,6	9,7	9,8	10,1	10,4	10,7	11,0
14	Доля студентов, обучающихся по программе подготовки квалифицированных кадров, в общей численности населения, %	0,7	0,6	0,6	0,5	0,5	0,5	0,4	0,4	0,4
15	Доля студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена, в общей численности, %	1,5	1,5	1,5	1,4	1,4	1,5	1,6	1,6	1,7
16	Доля студентов вузов в общей численности, %	4,9	4,5	4,2	3,9	3,6	3,3	3,0	2,9	2,8
17	Численность студентов, принятых в вузы по направлению подготовки «Информатика и вычислительная техника», на 10 тыс. чел.	3	9	9	9	9	10	11	12	14
88	Численность выпускников вузов по направлению подготовки «Информатика и вычислительная техника» на 10 тыс. населения, чел.	2	2	2	2	4	6	7	8	8

²¹ Источник: *Бондаренко Н.В., Гохберг Л. М., Ковалева Н.В.* Образование в цифрах: 2019. Краткий статистический сборник // Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2019. 96 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/data/2019/08/12/1483728373/oc2019.PDF> (дата обращения: 28.11.2020).

Основным инструментом связи, а также сбора и обработки информации является использование глобальной сети Интернет. Субъекты хозяйствования, применяющие цифровые платформы системы интернет, позволяющие им использовать информацию о рынках и технологиям других стран, оказываются обладателями преимуществ мирового прогресса и являются более конкурентоспособными.

Таблица 3

**Результаты интеллектуальной деятельности
по федеральным округам Российской Федерации за 2019 г.²²**

Федеральный округ	Виды интеллектуальной собственности								
	Изобретения	Полезные модели	Промышленные образцы	Базы данных	Программы для ЭВМ	Топологии интегральных микросхем	Селекционные достижения	Секреты производства (ноу-хау)	Всего:
ЦФО	9438	2951	808	685	7024	438	183	3088	24289
ЗСФО	1641	683	180	240	1709	19	3	129	4604
ЮФО	392	245	89	50	371	–	355	17	1519
СКФО	259	62	15	35	673	–	158	7	1209
ПФО	5602	2000	856	236	2379	42	162	945	12222
УРФО	1794	704	304	166	1020	–	10	92	4090
СФО	1409	470	204	440	1201	50	83	44	3901
ДФО	193	51	10	109	317	–	43	96	819
Всего	20402	7166	2466	1 961	14694	549	997	4418	52653

По данным агентства Tadviser на 2019 г. в России 109,5 млн интернет-пользователей, это 8 место в мире, первые три места занимают США (293 млн), Индия (560 млн) и Китай (829 млн)²³.

²² Справка об использовании РИД по федеральным округам Российской Федерации за 2019 г. // Федеральный институт промышленной собственности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fips.ru/about/deyatelnost/sotrudnichestvo-s-regionami-rossii/prill-1-nt-2019.pdf> (дата обращения: 28.11.2020).

²³ Регуляторы должны более активно ограничивать экономическую власть цифровых платформ // ФАС России [Электронный ресурс]. URL: <https://fas.gov.ru/news/28431> (дата обращения: 28.11.2020).

По данным этого агентства, РФ в 2020 г. заняла третье место по дешевизне интернета в мире. Также данные статистики позволяют оценить использование результатов интеллектуальной деятельности в Российской Федерации (табл. 3).

Формируемая в РФ цифровая экономика с точки зрения экономической безопасности может быть оценена с позиций развития сетевых структур, замещением традиционных форм организации на более эффективные сетевые формы, что позволяет повышать уровень конкурентоспособности. Такими сетевыми структурами являются различные региональные и межрегиональные кластеры. В табл. 4 представлены различные типы инновационных территориальных кластеров, которыми характеризуется потенциальная готовность экономики формировать цифровую экономику, позволяющую поднять на более высокий уровень конкурентоспособность территории, на которой они действуют, и тем самым повысить уровень экономической безопасности. Все типы кластеров займут особое место в механизме государственного управления экономической безопасностью страны. Так, индустриальным паркам отводится роль промышленной площадки, на которой осуществляется деятельность хозяйствующих субъектов из одной или разных отраслей. Такие типы кластеров специально создаются специализированной компанией для размещения новых производств на территории, обладающей инфраструктурой, обеспеченной энергией, институтами сопровождения кластерной политики, нормативно-правовыми условиями.

Таблица 4

Региональные инновационно-территориальных кластеров России²⁴

Виды инновационно-территориальных кластеров России	Общее количество (с разными статусами готовности)	Кол-во регионов-субъектов, реализующих кластерную политику
Индустриальные парки	939	80
Технопарки	281	66
Агентства и корпорации развития	164	84

²⁴ Перечень — список индустриальных парков России — 2020 г. // Terra Бизнес энд Индастриал (Terra Business & Industrial, TBI Group) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/data/2019/08/12/1483728373/oc2019.PDF> (дата обращения: 28.11.2020).

Технопарки представляют собой имущественный комплекс, куда входят субъекты хозяйствования, команды, создающие инновации, вузы, обладающие кадрами с требуемыми компетенциями, управленческие высококвалифицированные кадры, способные вывести инновационную технологию или продукт на рынок. Технопарки нацелены на соединение ресурсов на одной площадке, создание инновационных технологий.

Корпорации развития являются государственным региональным институтом развития, обладающим соответствующими ресурсами и полномочиями для принятия управленческих решений по поддержке и сопровождению иностранных инвесторов. Корпорации развития нацелены на реализацию инвестиционных проектов в регионе.

Но в последнее время новые вызовы экономической безопасности потребовали корректировки работы данных институтов развития, поскольку их деятельность не была тесно связана с национальными целями развития РФ до 2030 г. В настоящее время не сформирован единый механизм управления, наблюдается своеобразное объединение функций управления с ФОИВами и коммерческими организациями. Именно поэтому 23 ноября 2020 г. было объявлено о реорганизации системы российских институтов развития с целью оптимизации их нацеливания на достижение национальных целей развития России.

Выводы

Рисками экономической безопасности в условиях цифровизации могут считаться сокращение рабочих мест в экономике, необходимость формирования недостаточно пока представленных у кадров компетенций в области информационно-коммуникационных технологий. Данный риск можно компенсировать посредством угрозы снижения востребованности рабочих профессий, необходимости появления новых профессий узкого профиля, организации необходимого количества специализированных центров обучения и повышения квалификации.

Другой риск заключается в недостаточной ориентированности существующей нормативно-правовой базы, обеспечивающей механизм функционирования экономической безопасности на развитие цифровой экономики. Новые тренды, сопровождающие процессы цифровизации экономики и общества в целом, отражают несовершенство деятельности в плане профилактики информационного мошенничества, отсутствие защищенности баз данных граждан и

юридических лиц. Недостаточно прописаны в нормативных документах процедуры правового регулирования в сфере информационных технологий, ответственность за информацию, представляемую в системе Интернет, причиняющую вред или намеренно создающую опасную ситуацию при нарушении стандартов безопасности.

Выявленные угрозы экономической безопасности в условиях цифровизации являются отправной точкой для учета в механизме ее обеспечения особенностей цифровизации экономики, факторов и институциональных аспектов ее реализации.

Литература

Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4–13.

Агапова Т.А. Использование цифровых технологий в управлении экономикой РФ как фактор повышения ее конкурентоспособности // Международная ежегодная научная конференция Ломоносовские чтения — 2019. Секция экономических наук. Экономические отношения в условиях цифровой трансформации: сборник тезисов и выступлений. М., 2019. С. 186–190.

Акаткин Ю.М., Ясиновская Е.Д. Цифровая трансформация государственного управления. Датацентричность и семантическая интероперабельность / Препринт. М.: ДПК Пресс, 2018. 48 с.

Асаул В.В., Михайлова А.О. Обеспечение информационной безопасности в условиях формирования цифровой экономики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2018. № 4 (38). С. 5–9.

Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Монография. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016. 328 с.

Борох О.Н. Экономическая наука в Китае: путь к рынку и открытости // Мир перемен. 2005. № 2. С. 47–63.

Брялина Г.И. Влияние цифровизации экономики на малый бизнес в России // Международная ежегодная научная конференция Ломоносовские чтения–2019. Секция экономических наук. Экономические отношения в условиях цифровой трансформации: сборник тезисов выступлений. М., 2019. С. 80–82.

Бузгалин А.В. Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 122–141.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18–28.

Булганина С.Н., Баркова Е.А. Сектор малых и средних предприятий как условие формирования промышленного и финансового капитала в российской экономике // Экономический анализ: теория и практика. 2017. № 2. С. 39–47.

Виленский А.В. Трансформация региональной и федеральной поддержки малого и среднего предпринимательства России // Аудит и финансовый анализ 2018. № 4. С. 168–174.

Гунина И.А., Логунова И.В., Пестов В.Ю. Повышение эффективности использования человеческого капитала в условиях цифровой трансформации // РЕГИОН: системы, экономика, управление. 2019. № 1 (44). С. 18–25.

Зорина Т.М. Государственные закупки в условиях цифровой экономики // Вызовы цифровой экономики: условия, ключевые институты, инфраструктура: сборник статей I Всероссийской научно-практической конференции (г. Брянск, 21–22 марта 2018 г.) Брянск: Брян. гос. инженерно-технол. ун-т, 2018. 288 с.

Инновационные технологии в развитии социально-экономических систем: сборник научных трудов II научно-практической конференции с международным участием, 20–22 мая 2020 г., Севастополь / под ред. Е.И. Пискун, Л.С. Шаховской, Р.М. Нижегородцева. Севастополь: СевГУ, 2020. 255 с.

Сенчагов В.К. Модернизация финансовой сферы // Вопросы экономики. 2011. № 3. С. 53–64.

Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 46–63.

Чэн Энь фу, Гао Цзянь кунь. Перспективы макроэкономического развития Китая: десять мер // Вопросы политической экономии. 2017. № 1. С. 6–18.

Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. McGrawHill, 1995. 342 p.

ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ

И.В. Лексин*

К ЮБИЛЕЮ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТСТВА В РОССИИ

Настоящая статья приурочена к годовщине учреждения должности Президента России: в 2021 г. ей исполняется тридцать лет. В 2020 г. аналогичный юбилей могли бы отпраздновать и ее непосредственные предшественницы — должности Президента СССР, с одной стороны, и председателя Верховного Совета РСФСР, с другой. Последняя, в свою очередь, генетически связана с должностью председателя Верховного Совета СССР, избрание на которую впервые состоялось в 1989 г. Таким образом, три десятилетия назад наша страна находилась в середине цепи мероприятий по возвращению функций главы государства к единоличному носителю.

За первичной концентрацией властных функций в руках Президента, как известно, последовали многочисленные конституционные и законодательные изменения, которые привели к существенному расширению его компетенции. В течение прошедшего тридцатилетия параллельно наблюдалась и трансформация первоначальной концепции института президентства, выражавшаяся в изменении его положения в системе разделения властей, в пересмотре применимости мер ответственности к замещающему должность Президента лицу и в других обстоятельствах. В то же время, в последнем крупном изменении конституционной организации государственной власти, состоявшемся в уходящем году, можно увидеть не только сохранение тенденции к упрочению положения главы государства, но и возвращение к идеям, заложенным в первоначальную конструкцию института президентства СССР и РСФСР, но затем отвергнутым в Конституции Российской Федерации 1993 г.

Документы, выдержки из которых публикуются в приложениях, не относятся к категории малоизвестных или труднодоступных. Однако в силу их актуальности представлялось уместным привести их хотя бы в сокращенном виде.

Ключевые слова: президент, президентство, глава государства, высшее должностное лицо, председатель Верховного совета, гарант конституции, верховный главнокомандующий.

* Лексин Иван Владимирович — доктор юридических наук, заведующий кафедрой правовых основ управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Академии управления МВД России; Москва, Россия; e-mail: leksin@spa.msu.ru

The article is dedicated to the thirtieth anniversary of the establishment of the Russian President office to be celebrated in 2021. Besides, in 2020, his immediate predecessors, the office of the USSR President, on the one hand, and the office of the Chairman of the RSFSR Supreme Council, on the other hand, would celebrate the same anniversary. The latter office is in its turn relative to the office of the USSR Supreme Council Chairman, first elected in 1989. Thus, three decades ago, our country was in the middle of the chain of events and measures aimed at transferring the functions of the head of state back to a sole leader.

The initial concentration of powers in the office of the President had been followed by a long sequence of constitutional and statutory amendments that involved significant expansion of his powers. Numerous changes had been proceeding in parallel through the following three decades. The transformation of the original concept of presidency manifested primarily in the shift of the RF President's position within the system of separation of powers, as well as in the set of legal liability measures applicable to the President. However, in the bulk of changes in the constitutional arrangements that took place in 2020 one can see both the continuing trend to enhance the President's position within the federal government and a recurrence to the ideas that used to be part of the original design of the USSR and of the RSFSR presidencies, but were rejected later on in the RF Constitution of 1993.

The documents reproduced below cannot be regarded as little-known or inaccessible. However, due to their high relevance, it seemed proper to reproduce their content, at least in abridged form.

Keywords: president, presidency, head of state, chief official, chairman of the supreme council, guarantor of the Constitution, commander in chief.

Термин «президент» по первоначальному смыслу¹ не лучшим образом подходит для обозначения единоличного правителя. В русскоязычной лексике ему наиболее соответствует «председатель», т.е. руководитель заседаний коллегиального органа. Употребление слова президент по отношению к государству (союзу, нации) впервые имело место в США. Среди высших должностных лиц президенты встречались и прежде, но именовались они президентами не самих государств или союзов, а советов и иных коллегиальных органов. Например, в Великобритании до сих пор существует должность лорда-президента Тайного совета. В Соединенных Штатах первоначально выдерживалась эта же логика: Президенту США предшествовала должность в конфедеративном объединении североамериканских колоний, объявивших о независимости в 1776 г., называвшаяся «Президент Континентального конгресса», а позже — «Президент

¹ Лат. *praesidens* — сидящий впереди.

Конгресса Конфедерации»². После Войны за независимость конфедерация трансформировалась в более прочный союз, в котором имелся не только представительный орган — Конгресс, но и органы исполнительной и судебной власти. Роль высшего должностного лица перешла от президента Конгресса к главе исполнительной власти, но ключевое слово в названии должности было решено сохранить. Так президентство стало относиться не к органу, а к самому союзу штатов.

Примеру США последовало множество государств, и сегодня государственную должность президента можно встретить почти по всему миру. Современная Россия, как известно, не исключение. Но прежде в отечественной практике государственного строительства было испробовано множество других вариантов. На протяжении прошлого столетия пост главы государства неоднократно претерпевал изменения. Поначалу они не имели радикального характера: согласно новой версии Основных государственных законов, изданной в 1906 г., император формально утратил роль единоличного законодателя, но это не поколебало монархической сущности главы государства. Оставаясь правителем по собственному праву, император не являлся должностным лицом³ (не имел должностных обязанностей и полномочий). После Февральской революции 1917 г. вопрос о форме правления долгое время оставался открытым. Провозглашение республики состоялось 1 сентября 1917 г., но полноценного главы у этого недолговечного «буржуазно-демократического» образования не было. Фактически же в период между революциями 1917 г. функции главы государства выполняли коллегиальный орган — Временное правительство — и его председатель.

После Октябрьской революции Российская республика стала государством принципиально нового типа, но вопрос о главе государства оставался стабильно непростым. Ключевым постулатом советского государственного строя являлось полновластие представительных органов. Советская организация государственной власти предполагала коллективное принятие решений политического и общеуправленческого характера. Единоличное руководство можно было встретить в административных структурах

² Учреждение сходной должности обсуждалось и ранее — накануне Семилетней войны — в числе прочего в целях обеспечения совместного противостояния французским колониям (см.: *Лексин И.В.* Эволюция территориального устройства США // *Формула права.* 2006. № 1 (5). С. 69).

³ *Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон.* Т. X^A. СПб., 1893. С. 928.

отраслевой и функциональной компетенции (так, иерархически были устроены народные комиссариаты). В области общего же управления было предусмотрено только коллегиальный порядок принятия решений. Неформально, конечно, Советскому государству и его органам отнюдь не было чуждо персонализированное руководство. Но юридически у советских государств, вплоть до последних лет их существования, не имелось единоличных глав, и это преподносилось как явное преимущество советского строя перед буржуазным, допускающим принятие решений от имени государства одним лицом⁴.

Какую из структур считать главой государства в первые десятилетия Советской власти, сложно сказать однозначно. В РСФСР первоначально, как известно, высшим органом являлся Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Съезд из своего состава избирал Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет — орган преимущественно законодательный, но в силу своего служебного положения по отношению к Съезду названный «исполнительным». ВЦИК в свою очередь формировал постоянно действовавший Президиум, который выполнял функции ВЦИКа между сессиями. После образования СССР эта схема была воспроизведена и на союзном уровне. По господствовавшему первоначально взгляду, глава государства ассоциировался с отдельным лицом и с буржуазным строем⁵, хотя и признавалось, что функции глав советских республик и СССР выполняют президиумы центральных исполнительных комитетов⁶. Позже, в связи с упомянутым высказыванием И.В. Сталина, в академической среде закрепились представления о коллективных главах социалистических государств (за редкими исключениями)⁷. По менее распространенному мнению, главами союзных республик

⁴ Так, И.В. Сталин отмечал: «По системе нашей Конституции в СССР не должно быть единоличного президента, избираемого всем населением... Президент в СССР коллегиальный... Опыт истории показывает, что такое построение верховных органов является наиболее демократическим, гарантирующим страну от нежелательных случайностей» (О проекте Конституции Союза ССР. Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года // Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. М.: Издательство «Писатель», 1997. С. 144).

⁵ См.: Энциклопедия государства и права / Под ред. П. Стучка. Т. I. М., 1925–1926. С. 586.

⁶ См.: Там же. С. 594.

⁷ См.: Большая Советская энциклопедия. Т. 11. М.: Государственное научное издательство «Большая Советская энциклопедия», 1952. С. 455; Юридический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1984. С. 62.

и Союза в этот период следует считать и президиумы центральных исполнительных комитетов, и сами последние⁸.

В соответствии с советскими конституциями, принятыми в 1936–1937 гг., функции съездов советов и центральных исполнительных комитетов перешли к верховным советам. Функции глав союзных республик и СССР в свою очередь отошли к президиумам последних⁹. Данное положение сохранялось вплоть до конца 1980-х гг.¹⁰

Способностью обходиться без единоличного формального главы государства советский строй был обязан, прежде всего, связующей роли коммунистической партии, обеспечивавшей согласованное функционирование государственного аппарата или попросту подменявшей собой советы и подотчетные им органы. Курс на всестороннюю демократизацию общественно-политической жизни в период «Перестройки» закономерно повлек потребность в трансформации устройства советского государственного аппарата. Намечившаяся тенденция к обретению советами реального полномочия означала ослабление руководящей роли партийных структур, нивелировать которое было возможно при помощи придания лидеру КПСС конституционного статуса главы государства. Однако в советскую систему — априори коллегиальную — полноценный глава государства не вписывался, и первоначально состоялось половинчатое решение: наделить элементами статуса глав СССР и республик (прежде всего, полномочием представлять соответственно Союз и республики «внутри страны и в международных отношениях») должностных лиц соответствующих верховных советов. Таковыми стали не существовавшие прежде председатели соответствующих верховных советов, предусмотренные вначале в Конституции (Основном законе) СССР, а затем и в конституциях (основных законах) союзных республик¹¹.

⁸ См.: Лазарев Б.М. Президент СССР. М.: Знание, 1991. С. 5.

⁹ См.: Кутафин О.Е. Глава государства: монография. М.: Проспект, 2015. С. 217.

¹⁰ К идее учредить высшее должностное лицо Советского государства возвращались в начале 1960-х гг. в ходе работы над проектом новой Конституции СССР, но с отставкой Н.С. Хрущева эта работа застопорилась, а вопрос о единоличном главе государства более не ставился.

¹¹ См.: Закон СССР от 1 декабря 1988 г. № 9853-ХI «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» // ВВС СССР. 1988. № 49. Ст. 727; Закон РСФСР от 27 октября 1989 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» // ВВС РСФСР. 1989. № 44. Ст. 1303.

Для председателей верховных советов впервые в отечественной практике было использовано обозначение «высшие должностные лица». Безусловно, иерархичность должностей практически всегда позволяла неформально выделить среди должностных лиц государства одного или нескольких «высших». Так, в предреволюционной России к таковым следует относить председателей Совета министров, Государственного совета и Государственной думы (император, как уже было сказано, должностным лицом не мог считаться, поскольку юридически его власть не была производной ни от нормативных юридических установлений, ни от воли каких бы то ни было органов или населения), а в советской России — председателей президиумов представительных органов. Таким образом, в монархический период высшие должностные лица оказывались «ниже» главы государства, а в послереволюционный — «внутри» коллективного главы государства.

Слияние роли главы Советского государства и статуса высшего должностного лица, состоявшееся в конце 1980-х гг., стало решительным шагом на пути к установлению должностей президентов на союзном и республиканском уровнях. Их функции на фоне компетенции глав президентских и смешанных республик были скромны, но в целом являлись сопоставимыми с функциями президентов республик парламентского типа. Кроме того, в определенной мере они оказывались самостоятельными фигурами по отношению к соответствующим верховным советам, поскольку избирались не последними, а новыми представительными органами — съездами народных депутатов.

Хотя де-факто председатели союзного и республиканских верховных советов и были «почти» президентами, в условиях перманентных преобразований председательское положение изначально было «тесным» для глав Союза и республик. Наделение статусом высшего должностного лица выражалось главным образом в представительских функциях и не столько позволяло возглавить государственное управление, сколько препятствовало этому, требуя от главы государства уделять приоритетное внимание внутрипарламентским организационным проблемам. Поэтому в целом неудивительно, что появление новых высших должностей — президентов — не заставило себя долго ждать. На союзном уровне эта должность появилась в 1990 г., в РСФСР — в 1991 г. Должности председателей Верховных советов при этом сохранялись, но таковые переставали именоваться «высшими должностными лицами».

Несмотря на относительно синхронное учреждение должностей президентов Союза и республик, в предварительном обсуждении данных решений наблюдалось мало общего. Вопрос о введении должности Президента СССР время от времени поднимался в процессе работы над проектами конституционных преобразований, начиная с середины 1930-х гг., тогда как ничего подобного данной дискуссии в отношении должности Президента РСФСР не имело места. Обсуждение перспектив этой должности в союзных республиках было вызвано к жизни появлением института союзного президентства. Причем, если решение о внесении изменений в Конституцию (Основной Закон) СССР по данному вопросу и об избрании первого Президента было принято Съездом народных депутатов СССР с первого раза (15 марта 1990 г.)¹², то многие народные депутаты РСФСР отнеслись к идее введения должности Президента РСФСР весьма неоднозначно, восприняв ее как реальную угрозу узурпации власти.

В отличие от некоторых союзных республик, в которых должности президентов были оперативно учреждены вместе с избранием на эти должности соответствующими Верховными Советами (24 марта 1990 г. в Узбекской ССР, 24 апреля 1990 г. в Казахской ССР, 19 мая 1990 г. в Азербайджанской ССР), в РСФСР в 1989 г. новым высшим органом государственной власти стала упоминавшаяся надпарламентская структура — Съезд народных депутатов. На втором (внеочередном) Съезде предложение о введении должности Президента не набрало достаточного числа голосов, и данную инициативу было поручено проработать Верховному Совету РСФСР и Конституционной комиссии. В конечном счете, этот вопрос был вынесен на референдум, состоявшийся 17 марта 1991 г., по результатам которого были приняты Закон РСФСР от 24 апреля 1991 г. № 1098-1 «О Президенте РСФСР» и Закон РСФСР от 24 мая 1991 г. № 1326-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР»¹³.

В то же время, за непродолжительный период дискуссий об институте президентства, проходивших в Конституционной комиссии и Верховном Совете РСФСР, осмысление данного института проделало гораздо больший путь, чем идея союзного президентства.

¹² См.: Закон СССР от 14 марта 1990 г. № 1360-1 «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР» // ВСНД и ВС СССР. 1990. № 12. Ст. 189.

¹³ См.: ВСНД и ВС РСФСР. 1991. № 17. Ст. 512; № 22. Ст. 776.

Последняя была довольно спешно внедрена в конституционное законодательство, не успев подвергнуться тщательному экспертному и научному осмыслению и обсуждению.

Президент СССР получил абстрактные титулы «глава Советского государства» и «гарант соблюдения прав и свобод советских граждан, Конституции и законов СССР», что в отсутствие легальных и доктринальных определений соответствующих понятий имело скорее психологический, нежели юридический смысл. Несмотря на неясность и дискуссионность данных обозначений, использование в отношении Президента этих нечетких категорий стало своего рода традицией (прослеживающейся и в действующей Конституции РФ 1993 г.).

Президент РСФСР в законодательных решениях 1991 г. тоже был назван «главой», но не государства, а исполнительной власти. В отношении Президента СССР сама постановка вопроса о главенстве в отношении некой обособленной ветви власти была некорректной в силу инерционного отрицания разделения властей¹⁴ и верности принципу подконтрольности и подотчетности советам народных депутатов всех других государственных органов. Напротив, первый Съезд народных депутатов РСФСР провозгласил в Декларации о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г. принцип разделения властей¹⁵ (не уточнив, правда, его соотношение с сохраненным в российской Конституции принципом полновластия советов). За этим последовали продолжительные обсуждения в Конституционной комиссии и Верховном Совете РСФСР, в которых отстаивались как первый или второй варианты обозначения перспективного главенства Президента РСФСР, так и их совмещение¹⁶. При этом в ходе данных дискуссий институт

¹⁴ В конце 1990 г., правда, к конституционному статусу Президента СССР было добавлено выражение «возглавляет систему органов государственного управления» (см. Закон СССР от 26 декабря 1990 г. № 1861-I «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления» // ВСНД и ВС СССР. 1991. № 1. Ст. 3), что в целом можно считать эквивалентом указания на главенство по отношению к исполнительной власти. Однако показательно, что властеразделительной терминологии союзный законодатель продолжал избегать.

¹⁵ См.: ВСНД и ВС РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22.

¹⁶ Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) / под общ. ред. О.Г. Румянцева. Т. 1. 1990 г. М., 2007. С. 134, 150–152, 267, 366, 678; Т. 2. 1990 г. М., 2008. С. 89, 130–131; Т. 6. Дополнительные, мемуарные, справочные материалы. М., 2010. С. 101, 214–215.

«сильного» президента России независимо от именованя его главой государства или исполнительной власти неизменно ассоциировался с монархом и категорически отвергался. Примечательно, что в преддверии учреждения института президентства и Б.Н. Ельцин (в то время председатель Верховного Совета РСФСР и Конституционной комиссии) ратовал за весьма скромный функционал гипотетического Президента РСФСР: «Должны быть очень четкие пункты ограничений функций президента, его отзыва, импичмент и так далее. И конечно, по крайней мере, не может он права иметь распустить парламент и другие. Нет, не надо нам, вот этого никто не поймет»¹⁷.

При всей значимости данных дискуссий следует иметь в виду, что сами словосочетания «глава государства», «глава исполнительной власти» в наибольшей мере уместны в теоретических обобщениях и в политической риторике. В конституционных актах их использование придает формулировкам характер заявлений, а не нормативных правил. Соответственно, выбор в пользу «главы исполнительной власти» имел скорее психологическое, чем юридическое значение: практически осязаемы были лишь конкретные полномочия Президента РСФСР, а не его титулование. Формальное положение Президента СССР как главы не исполнительной власти, но Советского государства в целом само по себе никоим образом не возвышало его в сравнении с Президентом РСФСР. Отсутствие открытых конфликтов во взаимоотношениях между первым и единственным Президентом СССР и представительными органами Союза объясняется, прежде всего, международным авторитетом М.С. Горбачева и неагрессивной позицией его противников в депутатской среде, а никак не его конституционным титулом главы государства. Аналогично, предметом противостояния Президента РФ с Вице-президентом, Съездом народных депутатов и Верховным Советом РФ в 1993 г. являлись не титулы, а властные функции.

Тем не менее, в Конституции РФ 1993 г. рассматриваемое обозначение российского Президента было изменено на «главу государства», что было призвано подчеркнуть укрепление данной должности после политических потрясений 1993 г. В литературе данное титулование в совокупности с отсутствием упоминания о принадлежности Президента РФ к какой-либо ветви государственной

¹⁷ Стенограмма заседания Конституционной комиссии от 31 августа 1990 г. // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) / под общ. ред. О.Г. Румянцев. Т. 1. 1990 г. М., 2007. С. 229.

власти обыкновенно трактуется как свидетельство расположения над этими ветвями или вне разделения властей¹⁸. Данные точки зрения имеют право на существование, однако, как представляется, выводить их следует исключительно из оценки набора полномочий Президента РФ, а не из наличия или отсутствия высокопарных выражений в описании его ролей.

Так, с вступлением Конституции РФ 1993 г. в силу Президент не переставал фактически возглавлять исполнительную ветвь власти. Более того, его положение в этом качестве постепенно упрочивалось: по Конституции для отставки федерального правительства более не требуется согласия законодательного органа, а на основании Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» глава государства приобрел широкие возможности в отношении региональных руководителей исполнительной власти.

В связи с этим частичное возвращение к формулировкам законов РСФСР 1991 г. о введении должности Президента, прослеживающееся в содержании Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», вполне оправдано. Глава государства, правда, не переименован вновь в главу исполнительной власти, однако согласно п. «б» ст. 83 Конституции РФ Президент РФ «осуществляет общее руководство Правительством»¹⁹ (ср. с формулировкой названных законов РСФСР 1991 г.: «Президент РСФСР... руководит деятельностью Совета Министров РСФСР»).

Второй из упомянутых выше титулов Президента СССР российскому Президенту также достался не сразу. В концепции 1991 г. ему отводилась роль, прежде всего, исполнителя конституционных положений, тогда как функции гаранта соблюдения конституционных положений, по сути, возлагались на Конституционный Суд РСФСР (само слово «гарант» при этом не использовалось). Примечательно, что несколько позже упоминание о «гаранте прав и свобод личности, соблюдения Конституции и законов РСФСР...» в Конституции

¹⁸ См., в частности: *Авакьян С.А.* Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. Т. 1. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. С. 376; Там же. Т. 2. С. 339; *Карасев А.Т., Морозова А.С.* Глава государства в системе разделения властей: некоторые вопросы характеристики полномочий // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 8. С. 65.

¹⁹ См.: СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

(Основном Законе) РСФСР все же появилось, но относилось оно к главам исполнительной власти (президентам) республик в составе РСФСР²⁰ и должно было подчеркивать принадлежность этих должностных лиц к единой системе государственной власти.

Однако первый Президент РСФСР в своих выступлениях нередко упоминал именно себя в качестве «гаранта Конституции», что и было впоследствии закреплено в Конституции РФ 1993 г. Уместность использования данного словосочетания в конституционном акте вызывает сомнения. С одной стороны, оно введено в юридический обиход почти столетие назад авторитетнейшими учеными²¹. С другой стороны, это излишне образное выражение, пригодное более для академических дискуссий, чем для законодательных формулировок. С этой точки зрения более предпочтительно словосочетание «гарант соблюдения Конституции», использованное в отношении Президента СССР в 1990 г.

Из своих основных современных ролей Президент России первоначально не имел еще одной. В начале 1990-х гг. в Советском государстве могли сосуществовать многочисленные «главы» в силу формального признания государствами как СССР, так и союзных и автономных республик, но Вооруженные Силы СССР оставались едиными и единственными. Как следствие, «Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами» мог называться исключительно Президент СССР. Положение же Президента РФ как «Верховного главнокомандующего» впервые было отражено в Законе РФ от 24 сентября 1992 г. № 3531-1 «Об обороне» и было инкорпорировано в Конституцию (Основной Закон) России лишь через год после прекращения существования СССР — Законом РФ от 9 декабря 1992 г. № 4061-1²².

Потребность в конституционном закреплении данного титула, несмотря на привычность ассоциирования его с главой государства, неочевидна. Вплоть до 1990 г. в отечественном конституционном законодательстве он не фигурировал, что никак не препятствовало

²⁰ См. Закон РСФСР от 1 ноября 1991 г. № 1827-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» // ВСНД и ВС РСФСР. 1991. № 45. Ст. 1497.

²¹ См. рус. перевод: Кельзен Г. Судебная гарантия конституции (конституционная юстиция). Часть 1 // Право и политика. 2006. № 8. С. 5–14; Там же. № 9. С. 5–18; Шмитт К. Государство: Право и политика / пер. с нем. и вступ. ст. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2013. С. 27–220.

²² См.: ВСНД и ВС РФ. 1992. № 42. Ст. 2331, 1993. № 2. Ст. 55.

организации управления Вооруженными силами. В конституциях (основных законах) СССР 1936 и 1977 гг. говорилось лишь о полномочиях Президиума Верховного Совета СССР назначать и сменять высшее командование Вооруженных Сил СССР²³, что и использовалось время от времени для идентификации того или иного руководителя Советского государства в качестве верховного главнокомандующего. Причем данный пост по сути не являлся должностью, поскольку функции верховного главнокомандующего нормативно не перечислялась. Впоследствии, в упомянутых законодательных актах 1990–1992 гг. верховными главнокомандующими Президент СССР, а затем Президент России лишь назывались, без выделения из их компетенции в области обороны полномочий, относящихся именно к их командному статусу. Такая привязка состоялась лишь после принятия Конституции РФ 1993 г. — в Федеральном законе от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»²⁴.

У Президента СССР, в свою очередь, имелись не все титулы, использованные в отношении Президента России. Помимо отсутствия упомянутого указания на главенство в отношении исполнительной власти, Президент СССР не был указан как высшее должностное лицо, тогда как Президент РСФСР унаследовал это обозначение от Председателя Верховного Совета. Сама должность союзного Президента при этом была названа словом «пост», не самым удачным в силу гораздо более частого его использования в другом значении (места несения службы или дежурства), но периодически употреблявшемся в советском законодательстве в качестве синонима слова «должность». Справедливости ради следует признать, что о «посте» речь шла и в вопросе, вынесенном на референдум РСФСР 17 марта 1991 г., но в законодательных актах говорилось о должности Президента РСФСР²⁵.

На более детальном уровне конструирования института президентства союзное и российское законодательства также пошли не вполне совпадающими курсами. Президенту России с момента

²³ См.: Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 6 декабря 1936 г. № 283; ВВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

²⁴ См.: СЗ РФ. 1996. № 23. Ст. 2750.

²⁵ В то же время в формулировках российского законодательства можно обнаружить иные специфические юридико-технические дефекты. Так, Президентом РСФСР мог быть избран гражданин, «обладающий избирательным правом» (по неясной причине «право» было упомянуто в единственном числе), зато говорилось не о «кандидате на должность Президента» (в единственном числе), а о «кандидате в Президенты РСФСР» (во множественном числе).

учреждения должности полагалось избираться в паре с вице-президентом, тогда как Президент СССР в институциональном отношении первоначально представлял собой обособленную политическую фигуру (однако вышеупомянутым Законом СССР от 26 декабря 1990 г. № 1861-I была доучреждена должность вице-президента СССР). Практика взаимоотношений этих должностных лиц как союзного, так и российского уровней, как известно, не была мирной, что при подготовке Конституции РФ 1993 г. закономерно повлекло отказ от этой дуалистической схемы.

В порядке наделения полномочиями президентов Союза и России оказались более заметные различия. Формально и тот, и другой должны были избираться гражданами сроком на пять лет. Но первые выборы Президента СССР были доверены Съезду народных депутатов. Президент РСФСР же изначально избирался гражданами на альтернативных выборах — в отличие от голосования на Съезде народных депутатов СССР, которое в итоге прошло по единственной кандидатуре (до полноценных же президентских выборов Союз не просуществовал).

Возможности замещения президентской должности одним лицом как на союзном, так и на республиканском уровнях ограничивались двумя сроками. Но если должность Президента РСФСР не могла быть замещенной более двух сроков подряд, то Президента СССР — более двух сроков в совокупности. Примечательно, что спустя почти ровно 30 лет после установления этого правила в Конституции (Основном Законе) СССР аналогичное положение было вновь введено в отечественную конституцию — упомянутым Законом РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ.

Небезынтересны и различия во взаимоотношениях президентов с другими государственными органами. Президент СССР обладал сравнительно скромными возможностями в формировании Правительства: они сводились к представлению кандидатуры на должность Председателя Совета Министров Верховному Совету СССР. Последний не только «назначал» на названную должность, но и «утверждал» по представлению Председателя Совета Министров всех остальных членов последнего. Назначение же членов Совета Министров РСФСР вверялось Президенту РСФСР, в подтверждение его титула главы исполнительной власти. Согласие Верховного Совета РСФСР первоначально требовалось для назначения лишь Председателя Совета Министров. Руководители же органов исполнительной власти специальной компетенции назначались Президентом РСФСР по представлению Председателя

Совета Министров. В конце 1992 г. согласием Верховного Совета РСФСР было обусловлено и назначение нескольких ключевых министров: иностранных дел, обороны, безопасности и внутренних дел²⁶. В Конституции РФ 1993 г., как известно, состоялся возврат к первоначальной схеме формирования Правительства РФ, однако Законом РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ установил новый порядок его формирования — с участием обеих палат Федерального Собрания. В этом порядке прослеживаются черты как союзной модели, так и прежней российской (в версии 1992 г.).

В осуществлении законодательной деятельности роль обоих президентов согласно конституционным положениям не должна была являться весомой. Президенты обладали правом законодательной инициативы и правом отлагательного вето. Для преодоления этого вето устанавливались заметно разнившиеся количественные требования: на уровне СССР — две трети голосов в каждой из палат Верховного Совета, на уровне РСФСР — простое «большинство голосов от общего состава каждой из палат». При этом предусматривалось, что в случае выполнения этих требований «Президент СССР подписывает закон», а Президент РСФСР не просто «подписывает», но «обязан его подписать в течение трех дней». В Конституции РФ 1993 г. баланс сил в этом вопросе был подчеркнута смещен в пользу главы государства: для преодоления президентского вето требуется две трети голосов, как предусматривалось в союзной Конституции, но не от числа присутствующих, а от общего состава каждой палаты, при этом не Президент «обязан подписать» закон, а последний «подлежит подписанию».

Заслуживает внимания и сопоставление в порядке привлечения президентов СССР и РСФСР к ответственности. Оба пользовались неприкосновенностью и могли быть отрешены от должности только съездом народных депутатов соответствующего уровня. Общими основаниями для этого конституции называли нарушение конституции и законов, причем также только соответствующего уровня (Конституция РСФСР не предусматривала импичмента за нарушение Президентом РСФСР союзного законодательства). В дополнение к этому Конституцией (Основным Законом) РСФСР таким основанием считалось и нарушение Президентом данной им присяги, а позже, уже в ходе политического противостояния между

²⁶ См.: Закон РФ от 09 декабря 1992 г. № 4061-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) Российской Федерации — России» // СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 55.

Президентом и представительными органами было установлено, что полномочия Президента РФ «прекращаются немедленно» в случае их использования для «изменения национально-государственного устройства» или «ропуска либо приостановления деятельности любых законно избранных органов государственной власти». Однако это предостережение, введенное в Конституцию упомянутым Законом РФ от 9 декабря 1992 г. № 4061-1, не воспрепятствовало первому Президенту РФ в 1993 г. «прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функции Съездом народных депутатов Российской Федерации и Верховным Советом Российской Федерации»²⁷. Представительные органы отреагировали на это постановлениями об отрешении Б.Н. Ельцина от должности Президента, но, как известно, последний вышел из данного конфликта победителем. Представительные органы СССР же воспользоваться упоминавшимися выше принудительными механизмами в отношении главы СССР не пытались, да и не видели для этого фактических оснований вплоть до прекращения существования Союза.

Итак, судьба рассмотренных советских институтов президентства сложилась парадоксально диалектическим образом. Введение должности Президента СССР произошло оперативно и бесконфликтно, а первое избрание на эту должность, по сути, продолжало традиции предсказуемого голосования за единственного кандидата. Должность же Президента РСФСР была произведена на свет максимально демократическим путем: на основе длительных обсуждений в представительных органах в совокупности с положительным волеизъявлением населения на референдуме, и само избрание состоялось на вполне демократичных выборах. Но в открытую борьбу с другими демократически избранными органами вступил Б.Н. Ельцин, тогда как М.С. Горбачев никогда не предпринимал наступательных действий против представительных органов. В конечном счете, все союзные учреждения сошли с политической сцены, тогда как Президент РФ не только оказался в числе немногих «выживших» в конфликте 1993 г. верховных государственных институтов, но и добился радикального упрочения своего положения в системе государственной власти.

Безусловно, в этих итогах колоссальную роль сыграл человеческий фактор, но роль и самого института президентства в советской

²⁷ См.: Указ Президента РФ от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 39. Ст. 3597.

системе организации государственной власти оказалась крайне неоднозначной, и вряд ли в отсутствие этой институциональной основы упомянутому фактору удалось бы проявиться соизмеримым образом. Сомнения по этому поводу многократно высказывались и будут высказываться в дальнейшем. Можно долго спорить о целесообразности института президентства, о своевременности его введения в политико-правовую жизнь Советского государства, об оправданности использования слова «глава», о широте компетенции Президента, о характере его взаимоотношений с иными органами государственной власти, о применимых к нему мерах правового и политического принуждения, об основаниях и порядке их применения и о других конструктивных характеристиках института президентства. Однако сложно отрицать, что в институт единоличного главы Советского государства — даже при весьма ограниченных компетенционных возможностях, не соизмеримых с наличествующими у современного Президента РФ, — был заложен колоссальный политический и управленческий потенциал. Конечно, сослагательное наклонение в отношении состоявшихся событий не приветствуется, но все же можно предположить, что более решительная позиция главы СССР (совсем не обязательно в отношении представительных органов по аналогии с российским Президентом) могла бы существенным образом повлиять на судьбу Союза. Это могло бы, с одной стороны, повлечь тяжелые последствия для населения страны, но, с другой стороны, нерешительность союзного руководства во второй половине 1991 г. обернулось национальной катастрофой невиданных масштабов, на фоне которой перспектива (вернее, гипотетическая ретроспектива) президентского переворота на союзном уровне видится не такой уж пугающей.

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК**ЗАКОН****ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ПОСТА ПРЕЗИДЕНТА СССР
И ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ И ДОПОЛНЕНИЙ
В КОНСТИТУЦИЮ
(ОСНОВНОЙ ЗАКОН) СССР**

В целях обеспечения дальнейшего развития осуществляемых в стране глубоких политических и экономических преобразований, укрепления конституционного строя, прав, свобод и безопасности граждан, улучшения взаимодействия высших органов государственной власти и управления СССР Съезд народных депутатов СССР постановляет:

I. Учредить пост Президента Союза Советских Социалистических Республик.

Установить, что учреждение поста Президента СССР не меняет правового положения и не влечет ограничения компетенции союзных и автономных республик, закрепленной конституциями союзных и автономных республик и Конституцией СССР.

II. Внести в Конституцию (Основной Закон) СССР следующие изменения и дополнения:

...3. Дополнить Конституцию СССР новой главой 15¹ следующего содержания:

«Глава 15¹. Президент СССР

Статья 127. Главой Советского государства — Союза Советских Социалистических Республик является Президент СССР.

Статья 127¹. Президентом СССР может быть избран гражданин СССР не моложе тридцати пяти и не старше шестидесяти пяти лет. Одно и то же лицо не может быть Президентом СССР более двух сроков.

Президент СССР избирается гражданами СССР на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном

голосовании сроком на пять лет. Число кандидатов на пост Президента СССР не ограничивается. Выборы Президента СССР считаются действительными, если в них приняло участие не менее пятидесяти процентов избирателей. Избранным считается кандидат, получивший больше половины голосов избирателей, принявших участие в голосовании, в целом по Союзу ССР и в большинстве союзных республик.

Порядок выборов Президента СССР определяется Законом СССР.

Президент СССР не может быть народным депутатом.

Лицо, являющееся Президентом СССР, может получать заработную плату только по этой должности.

Статья 127². При вступлении в должность Президент СССР приносит присягу на заседании Съезда народных депутатов СССР.

Статья 127³. Президент СССР:

1) выступает гарантом соблюдения прав и свобод советских граждан, Конституции и законов СССР;

2) принимает необходимые меры по охране суверенитета Союза ССР и союзных республик, безопасности и территориальной целостности страны, по реализации принципов национально — государственного устройства СССР;

3) представляет Союз Советских Социалистических Республик внутри страны и в международных отношениях;

4) обеспечивает взаимодействие высших органов государственной власти и управления СССР;

5) представляет Съезду народных депутатов СССР ежегодные доклады о положении страны; информирует Верховный Совет СССР о наиболее важных вопросах внутренней и внешней политики СССР;

6) представляет Верховному Совету СССР кандидатуры на посты Председателя Совета Министров СССР, Председателя Комитета народного контроля СССР, Председателя Верховного Суда СССР, Генерального прокурора СССР, Главного государственного арбитра СССР, а затем представляет этих должностных лиц Съезду народных депутатов СССР на утверждение; входит с представлениями в Верховный Совет СССР и на Съезд народных депутатов СССР об освобождении от обязанностей указанных должностных лиц, за исключением Председателя Верховного Суда СССР;

7) ставит перед Верховным Советом СССР вопрос об отставке либо о принятии отставки Совета Министров СССР; по согласованию с Председателем Совета Министров СССР освобождает от должности и назначает членов Правительства СССР с последующим представлением на утверждение Верховного Совета СССР;

8) подписывает законы СССР; вправе не позднее чем в двухнедельный срок возратить закон со своими возражениями в Верховный Совет СССР для повторного обсуждения и голосования. Если Верховный Совет СССР большинством в две трети голосов в каждой из палат подтвердит ранее принятое им решение, Президент СССР подписывает закон;

9) имеет право приостанавливать действие постановлений и распоряжений Совета Министров СССР;

10) координирует деятельность государственных органов по обеспечению обороны страны; является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР, назначает и сменяет высшее командование Вооруженных Сил СССР, присваивает высшие воинские звания; назначает судей военных трибуналов;

11) ведет переговоры и подписывает международные договоры СССР; принимает верительные и отзывные грамоты аккредитованных при нем дипломатических представителей иностранных государств; назначает и отзывает дипломатических представителей СССР в иностранных государствах и при международных организациях; присваивает высшие дипломатические ранги и иные специальные звания;

12) награждает орденами и медалями СССР, присваивает почетные звания СССР;

13) решает вопросы принятия в гражданство СССР, выхода из него и лишения советского гражданства, предоставления убежища; осуществляет помилование;

14) объявляет общую или частичную мобилизацию; объявляет состояние войны в случае военного нападения на СССР и незамедлительно вносит этот вопрос на рассмотрение Верховного Совета СССР; объявляет в интересах защиты СССР и безопасности его граждан военное положение в отдельных местностях. Порядок введения и режим военного положения определяются законом;

15) в интересах обеспечения безопасности граждан СССР предупреждает об объявлении чрезвычайного положения в отдельных местностях, а при необходимости и вводит его по просьбе или с согласия Президиума Верховного Совета или высшего органа государственной власти соответствующей союзной республики.

При отсутствии такого согласия вводит чрезвычайное положение с незамедлительным внесением принятого решения на утверждение Верховного Совета СССР. Постановление Верховного Совета СССР по данному вопросу принимается большинством не менее двух третей от общего числа его членов.

В случаях, указанных в части первой данного пункта, может вводить временное президентское правление при соблюдении суверенитета и территориальной целостности союзной республики.

Режим чрезвычайного положения, а также президентского правления устанавливается законом;

16) в случае разногласий между Советом Союза и Советом Национальностей Верховного Совета СССР, которые не могли быть устранены в порядке, предусмотренном статьей 117 Конституции СССР, Президент СССР рассматривает спорный вопрос в целях выработки приемлемого решения. Если достичь согласия не удастся и возникает реальная угроза нарушения нормальной деятельности высших органов государственной власти и управления СССР, Президент может внести на Съезд народных депутатов СССР предложение об избрании Верховного Совета СССР в новом составе.

Статья 127⁴. Президент СССР возглавляет Совет Федерации, в состав которого входят высшие государственные должностные лица союзных республик. В заседаниях Совета Федерации вправе участвовать высшие государственные должностные лица автономных республик, автономных областей и автономных округов.

Совет Федерации: рассматривает вопросы соблюдения Союзного договора; разрабатывает меры по проведению в жизнь национальной политики Советского государства; представляет Совету Национальностей Верховного Совета СССР рекомендации по разрешению споров и урегулированию конфликтных ситуаций в межнациональных отношениях; координирует деятельность союзных республик и обеспечивает их участие в решении вопросов общесоюзного значения, отнесенных к компетенции Президента СССР.

Вопросы, затрагивающие интересы народов, не имеющих своих национально — государственных образований, рассматриваются в Совете Федерации с участием представителей этих народов.

В заседаниях Совета Федерации вправе участвовать Председатель Верховного Совета СССР и председатели палат.

Статья 127⁵. При Президенте СССР действует Президентский Совет СССР, задачей которого является выработка мер по реализации основных направлений внутренней и внешней политики СССР, обеспечению безопасности страны.

Члены Президентского Совета СССР назначаются Президентом СССР. Председатель Совета Министров СССР входит в состав Президентского Совета СССР по должности.

В заседаниях Президентского Совета СССР вправе участвовать Председатель Верховного Совета СССР.

Статья 127⁶. Президент СССР проводит совместные заседания Совета Федерации и Президентского Совета СССР для рассмотрения наиболее важных вопросов внутренней и внешней политики страны.

Статья 127⁷. Президент СССР на основе и во исполнение Конституции СССР и законов СССР издает указы, имеющие обязательную силу на всей территории страны.

Статья 127⁸. Президент СССР обладает правом неприкосновенности и может быть смещен только Съездом народных депутатов СССР в случае нарушения им Конституции СССР и законов СССР. Такое решение принимается не менее чем двумя третями голосов от общего числа депутатов Съездом народных депутатов СССР по инициативе самого Съезда или Верховного Совета СССР с учетом заключения Комитета конституционного надзора СССР.

Статья 127⁹. Президент СССР может передавать исполнение своих обязанностей, предусмотренных пунктами 11 и 12 статьи 127³, Председателю Верховного Совета СССР и Председателю Совета Министров СССР, а обязанностей, предусмотренных пунктом 13 статьи 127³, — Председателю Верховного Совета СССР.

Статья 127¹⁰. Если Президент СССР по тем или иным причинам не может далее исполнять свои обязанности, впредь до избрания нового Президента СССР его полномочия переходят к Председателю Верховного Совета СССР, а если это невозможно — к Председателю Совета Министров СССР. Выборы нового Президента СССР при этом должны быть проведены в трехмесячный срок».

...III. 1. Установить, что первый Президент СССР избирается Съездом народных депутатов СССР сроком на пять лет.

Кандидатуры на пост Президента СССР на этих выборах могут выдвигаться общественными организациями в лице их общесоюзных органов, Верховным Советом СССР, каждой из его палат, группами народных депутатов СССР не менее 100 человек и союзными республиками в лице их высших органов государственной власти. Избранным считается кандидат, получивший больше половины голосов от общего числа народных депутатов СССР. Если при голосовании никто из кандидатов не набрал больше половины голосов, проводится повторное голосование по двум кандидатурам, набравшим наибольшее число голосов.

2. Лицо, избранное Президентом СССР, вступает в должность с момента принесения присяги.

Утвердить следующий текст присяги Президента СССР:

«Торжественно клянусь верно служить народам нашей страны, строго следовать Конституции СССР, гарантировать права и свободы граждан, добросовестно выполнять возложенные на меня высокие обязанности Президента СССР».

IV. Настоящий Закон ввести в действие с момента его принятия.

Председатель Верховного Совета СССР
М. Горбачев
Москва, Кремль

24 апреля 1991 года

№ 1098-1

РОССИЙСКАЯ СОВЕТСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

ЗАКОН

О ПРЕЗИДЕНТЕ РСФСР

Исполняя волю народа Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, выраженную на первом референдуме РСФСР 17 марта 1991 года, Верховный Совет РСФСР постановляет:

Статья 1. Президент Российской Советской Федеративной Социалистической Республики является высшим должностным лицом РСФСР и главой исполнительной власти в РСФСР.

Президент РСФСР не может быть народным депутатом. На время выполнения своих полномочий Президент РСФСР приостанавливает свое членство в политических партиях и общественных объединениях.

Президент РСФСР не занимает никакие другие должности в государственных и общественных органах и организациях.

Статья 2. Президентом РСФСР может быть избран только гражданин РСФСР не моложе 35 и не старше 65 лет, обладающий избирательным правом.

Президент РСФСР избирается сроком на 5 лет. Одно и то же лицо не может быть Президентом РСФСР более двух сроков подряд.

Статья 3. Выборы Президента РСФСР осуществляются гражданами РСФСР на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Никакие иные выборы или назначение на должность, а равно присвоение полномочий Президента РСФСР незаконны и недействительны. Порядок выборов и вступления в должность Президента РСФСР устанавливается законами РСФСР.

Статья 4. При вступлении в должность Президент РСФСР приносит следующую присягу:

«Клянусь при осуществлении полномочий Президента Российской Советской Федеративной Социалистической Республики соблюдать Конституцию и законы РСФСР, защищать ее суверенитет, уважать и охранять права и свободы человека и гражданина, права народов РСФСР и добросовестно исполнять возложенные на меня народом обязанности».

Статья 5. Президент РСФСР:

- 1) обладает правом законодательной инициативы;
- 2) подписывает и обнародует законы РСФСР в течение 14 дней с момента их принятия.

Законы, принятые Верховным Советом РСФСР, могут быть возвращены до истечения этого срока Президентом РСФСР для повторного рассмотрения. Если при повторном рассмотрении закон РСФСР принят большинством голосов от общего состава каждой

из палат Верховного Совета РСФСР, то Президент РСФСР обязан его подписать и опубликовать в течение 3 дней;

3) представляет не реже одного раза в год доклады Съезду народных депутатов РСФСР о выполнении принятых Съездом народных депутатов РСФСР и Верховным Советом РСФСР социально-экономических и иных программ, о положении в РСФСР, обращается с посланиями к народу РСФСР, Съезду народных депутатов РСФСР и Верховному Совету РСФСР. Съезд народных депутатов РСФСР большинством голосов от общего числа народных депутатов РСФСР вправе потребовать от Президента РСФСР внеочередного доклада;

4) назначает Председателя Совета Министров РСФСР с согласия Верховного Совета РСФСР;

5) назначает и освобождает от должности министров, руководителей комитетов и ведомств РСФСР по представлению Председателя Совета Министров РСФСР;

6) руководит деятельностью Совета Министров РСФСР;

7) принимает отставку Правительства РСФСР с согласия Верховного Совета РСФСР;

8) назначает и отзывает дипломатических представителей РСФСР, принимает верительные и отзывные грамоты аккредитованных при нем дипломатических представителей;

9) возглавляет Совет безопасности РСФСР, структура, полномочия и порядок формирования которого определяются законом РСФСР;

10) ведет переговоры и подписывает от имени РСФСР международные и межреспубликанские договоры, которые вступают в силу после ратификации Верховным Советом РСФСР;

11) принимает меры по обеспечению государственной и общественной безопасности РСФСР, от имени РСФСР участвует в обеспечении государственной и общественной безопасности Союза ССР.

По предложению Президента РСФСР созываются внеочередные заседания Съезда народных депутатов РСФСР и внеочередные сессии Верховного Совета РСФСР.

Президент РСФСР не имеет права роспуска либо приостановления деятельности Съезда народных депутатов РСФСР, Верховного Совета РСФСР;

12) объявляет в соответствии с законом РСФСР чрезвычайное положение. На территории республики, входящей в РСФСР, чрезвычайное положение объявляется по согласованию с ее высшими органами государственной власти;

13) решает в соответствии с законом вопросы гражданства РСФСР, предоставления политического убежища;

14) награждает государственными наградами РСФСР, присваивает специальные звания, классные чины и почетные звания РСФСР;

15) осуществляет право помилования граждан, осужденных судами РСФСР;

16) осуществляет иные полномочия, возложенные на него Конституцией и законами РСФСР.

Статья 6. Полномочия Президента РСФСР не могут быть использованы для изменения национально-государственного устройства РСФСР, роспуска либо приостановления деятельности любых законно избранных органов государственной власти.

Статья 7. Одновременно с Президентом РСФСР избирается вице-президент РСФСР. Кандидатуру вице-президента РСФСР предлагает кандидат в Президенты РСФСР.

Вице-президентом РСФСР может быть избран гражданин РСФСР не моложе 35 и не старше 65 лет, обладающий избирательным правом.

На время выполнения своих полномочий вице-президент РСФСР приостанавливает свое членство в политических партиях и общественных объединениях.

Вице-президент РСФСР не может быть народным депутатом.

Вице-президент РСФСР осуществляет по поручению Президента РСФСР отдельные его полномочия.

Вице-президент РСФСР замещает Президента РСФСР в случае его отсутствия.

Статья 8. Президент РСФСР на основе и во исполнение Конституции и законов РСФСР, решений Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР издает указы и распоряжения, проверяет их исполнение. Указы Президента РСФСР не могут противоречить Конституции и законам РСФСР. Указы Президента РСФСР обязательны к исполнению на всей территории РСФСР.

Съезд народных депутатов РСФСР или Верховный Совет РСФСР на основании заключения Конституционного Суда РСФСР вправе отменять указы Президента РСФСР в случае противоречия их Конституции и законам РСФСР, решениям Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР.

Президент РСФСР вправе приостанавливать решения органов исполнительной власти на территории РСФСР, если они противоречат Конституции и законам РСФСР, а также отстранять от исполнения обязанностей должностных лиц этих органов в случае нарушения ими законодательства РСФСР.

Статья 9. Личность Президента РСФСР неприкосновенна и охраняется законом.

Статья 10. Президент РСФСР может быть отрешен от должности в случае нарушения Конституции РСФСР, законов РСФСР, а также данной им присяги.

Такое решение принимается Съездом народных депутатов РСФСР на основании заключения Конституционного Суда РСФСР большинством в две трети голосов от общего числа народных депутатов РСФСР по инициативе Съезда народных депутатов РСФСР, Верховного Совета РСФСР или одной из его палат.

Статья 11. В случае отрешения Президента РСФСР от должности, отставки Президента РСФСР, невозможности дальнейшего осуществления им своих полномочий, а также в случае смерти Президента РСФСР полномочия Президента РСФСР исполняет вице-президент РСФСР.

Вопрос о назначении выборов Президента РСФСР решается в соответствии с Законом РСФСР «О выборах Президента РСФСР».

Председатель Верховного Совета РСФСР
Б.Н. Ельцин
Москва, Дом Советов РСФСР.

Литература

Кельзен Г. Судебная гарантия конституции (конституционная юстиция). Часть 1 // Право и политика. 2006. № 8, 9.

Кутафин О.Е. Глава государства: монография. М.: Проспект, 2015.

Лазарев Б.М. Президент СССР. М.: Знание, 1991.

Лексин И.В. Эволюция территориального устройства США // Формула права. 2006. № 1 (5).

Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. М.: Издательство «Писатель», 1997.

Шмитт К. Государство: Право и политика / пер. с нем. и вступ. ст. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2013.

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ
В «ВЕСТНИКЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА».
СЕРИЯ 21. УПРАВЛЕНИЕ (ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО)
в 2020 г.**

	№	С.
Теория и методология управления		
<i>Борщевский Г.А.</i> Становление и развитие проектного управления на федеральном уровне в России.	3	3–38
<i>Воронов А.С., Леонтьева Л.С., Орлова Л.Н., Сухарева М.А.</i> Общие принципы оценки основных показателей развития человеческого капитала по технологическим укладам	3	38–61
<i>Исаева А.Э., Петрунин Ю.Ю., Пурлик В.М.</i> Критическое осмысление концептуальных подходов к анализу бизнес-моделей	1	3–22
<i>Охотский Е.В., Фролов С.С.</i> Качество целеполагания — базовое условие эффективного государственного управления	1	22–43
<i>Шарин В.И.</i> Социальные гарантии как механизм стимулирования чиновников к несению государственной гражданской службы	2	97–112
Стратегия цифровой экономики		
<i>Парфенов Д.А.</i> Развитие механизма обеспечения экономической безопасности в РФ в условиях цифровизации	4	106–122
Государственное управление за рубежом		
<i>Егоров Е.В., Бакытжанова А.М.</i> Тенденции развития и направления совершенствования пенсионной системы в Республике Казахстан	3	126–150
<i>Наумов А.О., Демин Д.В.</i> К вопросу о причинах «цветных революций»: взгляд из России и из-за рубежа	4	66–81
<i>Турунок С.Г.</i> Кризис институционального доверия как симптом глубоко разделенного сообщества (на примере США)	4	82–105
Отраслевое управление		
<i>Островский А.В., Егорова В.А.</i> Кадры XXI века: умение учиться как обязательное условие непрерывного образования	3	111–126

<i>Панова Е.А., Андриюшина Е.В.</i> Профессиональная ориентация молодежи в повестке дня задач российской государственной политики.	2	36–61
<i>Петрунин Ю.Ю.</i> Оценка реформы управления советским футболом 1959 г.	4	3–30
<i>Сидорова А.А.</i> Сотрудничество университетов и бизнеса: pro et contra.	2	61–77
<i>Сидорова А.А.</i> Высшее образование в цифровой экономике: перспективы применения блокчейн-технологий.	4	31–47
<i>Сухарева М.А.</i> Место непрерывного образования в сфере услуг	1	75–91
<i>Шайгарданова В.Ю., Шайгарданов Ю.З.</i> Индустрия туризма и Гостеприимства России в условиях развития цифровой экономики.	4	48–65

Региональное управление

<i>Владиславлева Т.Б., Керов В.А.</i> Государственная региональная политика: преодоление трудностей выработки и реализации	2	77–97
<i>Журавлев Д.М.</i> Экономический механизм управления развитием региона	1	43–57
<i>Оборин М.С.</i> Сетевое взаимодействие как инструмент эффективного управления экономической стабильностью регионального рынка историко-культурного туризма.	1	57–75

Межконфессиональные и межнациональные отношения

<i>Буланов М.В., Тлимахова Л.Х.</i> Эволюция факторов социализации в контексте формирования гражданской идентичности.	3	63–76
<i>Осипова В.В.</i> Эволюция органов регулирования государственно-конфессиональных отношений в условиях постсоветской трансформации России (1990–1997 гг.).	3	76–94
<i>Петрунина О.Е.</i> Первые шаги национальной Церкви: патриаршие выборы в Антиохийской православной церкви в 1906 г. (по донесениям российских консулов).	3	94–111

Из истории управления

<i>Волгин Е.И.</i> Судьба Закона РФ «О политических партиях» во второй половине 1990-х гг.	3	150–168
<i>Каширин Д.А.</i> От провала к триумфу: роль системы управления советским футболом в середине 50-х гг.	1	91–113
<i>Соловьев К.А.</i> Принципы государственного управления в социальной утопии князя М.М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина»	2	3–20

Фоменко М.В. Соотношение потерь противоборствующих сторон как критерий эффективности оперативного управления на начальном этапе Великой Отечественной войны (на примере освобождения города Калинин в декабре 1941 г.) 2 20–36

Публикация документов

Лексин И.В. К юбилею института президентства в России 4 123–148

Рублев Д.И. Анархисты и руководство РКП(б): переговоры о легализации анархистского движения в 1920 г. 1 113–135

Правила предоставления статей

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)» публикует статьи по теории, методологии и практике управления, результаты прикладных исследований российского и мирового опыта управления; учебно-методические материалы для преподавателей и студентов, изучающих управленческие дисциплины, библиографические обзоры и рецензии; информацию о круглых столах и конференциях.

Страницы журнала открыты для дискуссионных материалов, поэтому его содержание не обязательно отражает точку зрения учредителей и редакционной коллегии. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических названий и иных сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)» выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статей:

- текстовый редактор Microsoft Word (версия 6.0, 7.0, 95, 97, 2000 и т.д.);
- шрифт Times New Roman или Times New Roman Cyrillic 12 кегель;
- полуторный междустрочный интервал;
- поля: 2,54 × 3,17;
- объем рукописи: 10–15 страниц.

Требования к форме предоставления статей:

- текст присылается на электронный адрес редколлегии и в распечатанном виде;
- схемы, рисунки и иной иллюстративный материал необходимо сохранить отдельными файлами и распечатать на отдельных листах.

Статья должна содержать следующие обязательные элементы:

- а) аннотацию (3–5 предложений) и ключевые слова (3–6 слов/словосочетаний) на русском и английском языках;
- б) сведения обо всех авторах — фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;
- в) приставные библиографические списки (ссылки на цитируемые произведения должны быть оформлены в тексте в виде подстрочных примечаний, а список процитированных произведений должен быть вынесен в конец статьи в виде Списка литературы).

К статье необходимо приложить **рецензию** специалиста в данной области исследования с указанием научной степени, звания и координат рецензента. Помните, что набор текстов в других редакторах или программах, сохранение их на вирусных или дефектных дискетах, а также распечатка без соблюдения требований к шрифту, его размеру, междустрочному интервалу, некачественная печать могут существенным образом усложнить процесс публикации ваших статей.

Материалы сдаются в редколлегию по адресу: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 1-НК, факультет государственного управления, ауд. А-701, тел.: (495) 939-53-32; e-mail: Suharevama@sra.msu.ru.

Выплата гонорара за публикации не предусматривается. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Рукописи не возвращаются. Рецензии не высылаются. Редакция в переписку с авторами не вступает. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.